

ДИАНА ГЭБЛДОН

Барабаны осени

Книга 1

На пороге неизведанного

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Барабаны осени. Книга 1.
На пороге неизведанного**

«ЭКСМО»

1997

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Барабаны осени. Книга 1. На пороге неизведанного /
Д. Гэблдон — «Эксмо», 1997 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-88279-3

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. После тяжелого решения не возвращаться в Шотландию, а начать новую жизнь в Северной Каролине, Джейми и Клэр предстоит столкнуться с новыми трудностями. Однако ради своего счастья они готовы идти до конца. Их жизни не раз окажутся на волоске от смерти. Но загадочный гость из будущего, который неожиданно появится на их пути, знает, как спасти Джейми и Клэр.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-88279-3

© Гэблдон Д., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Чарльстон, июнь 1767-го	7
Глава 2	22
Часть вторая	39
Глава 3	39
Бостон, Массачусетс, июнь 1969-го	39
Июль 1969-го	42
Глава 4	48
Глава 5	57
Часть третья	61
Глава 6	61
Июнь 1767-го	61
Глава 7	68
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Диана Гэблдон
Барабаны осени. Книга 1.
На пороге неизведанного

Так уж вышло, что в этой книге много говорится об отцах, поэтому посвящаю ее своему отцу, Тони Гэблдону, который тоже любит рассказывать истории.

Diana Gabaldon

drums of autumn

Copyright © 1997 by Diana Gabaldon

© Гусакова К., Бабурова Г., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

Пролог

Я не боюсь призраков. В конце концов, они всегда рядом. Смотрю в зеркало – в ответ глядят глаза матери. На губах – улыбка прабабушки, соблазнившая прадеда, благодаря чему потом, в итоге, и появилась я.

Так зачем же мне страшиться касаний бесплотных рук, исполненных необъяснимой любовью? Зачем мне робеть перед теми, кто меня породил, заложил в мою плоть частичку себя?

Еще меньше пугают те, кто мимолетно касается разума. Любая библиотека полна ими. Возьму книгу с пыльной полки – и тут же окажусь в плену мыслей людей, давно умерших, но как никогда живых на шелестящих страницах.

Они, такие родные, совсем не похожи на духов, что не дают нам ночами спать. Оглянись, поднеси свет, разгони тьму. Прислушайся к эху шагов за спиной, когда идешь в одиночку.

Призраки все время витают вокруг, пронесаются сквозь нас, скрываются в будущем. Из зеркала, сквозь годы, смотрят тени чужих лиц. В пустых дверях застывают зыбкие фигуры. Своей кровью, своим выбором мы создаем призраков. Мы сами себя мучим.

Всякий призрак приходит незваным из туманных земель грез и тишины. Умом мы понимаем: «Нет, такого не бывает». А нечто другое, древнее, шепчет из темноты: «Да, но может?..»

Наше появление и смерть окутаны тайной, а в промежутке мы пытаемся забыть наших призраков. Однако иногда по комнате пролетает ветерок и нежно ерошит мне волосы. Наверное, это моя мать.

Часть первая О дивный новый мир

Глава 1 Висельник в Эдеме

Чарльстон, июнь 1767-го

Бой барабанов стал слышен задолго до того, как показались солдаты. Грохот отдавался у меня внутри, словно там, под кожей, тоже пустота, и несся над толпой – жесткий, военный ритм, который должен заглушать и гомон, и выстрелы. Люди замолкали, поворачивая головы к Ист-Бей-стрит, тянущейся от недостроенной таможни до Уайтпоинт-парка.

В этот невыносимо жаркий день, какие даже в июне здесь редкость, лучшие зрительские места были на дамбе, где дул хоть какой-то ветерок. А тут, внизу, люди рисковали спечься заживо. Платье на мне вымокло насквозь, хлопковый корсаж прилип к груди. Я в десятый раз за столько же минут вытерла пот с лица и приподняла тяжелые волосы. Может, так шея хоть чуть-чуть остынет?..

Шея... Кстати, о виселице. Я неосознанно обхватила ладонью основание своей шеи. Под пальцами, в сонной артерии, в такт барабанам бился пульс. Горячий, влажный воздух застревал в горле, словно ком.

Я быстро опустила руку и как можно глубже вдохнула. Зря... Мужчина передо мной, наверное, с месяц не мылся. Край шейного платка темнел от грязи, а от одежды несло плесенью слишком резко даже в потной толпе. Аромат свежего хлеба и запах горячего свиного жира с прилавков смешивался с вонью гниющих водорослей, и облегчение приносил только просоленный ветерок из гавани.

Дети глазели по сторонам, временами выбегая из тени дубов и карликовых пальм, чтобы посмотреть, что же там, в конце улицы, а встревоженные родители звали их обратно. У девчонки, что стояла ко мне ближе всех, шея была тоненькая, хрупкая, словно стебелек.

Толпа возбужденно загомонила: появилась процессия. Бой барабанов стал громче.

– Где он? – бормотал Фергус, тоже вытягивая шею в ту сторону. – Как знал, что надо было с ним идти!

– Придет.

Хотелось встать на цыпочки, однако я не рискнула – это как-то унижительно. Впрочем, я все же оглянулась. Джейми легко различить в толпе: он возвышается над всеми почти на голову, а его волосы отливают в лучах солнца красноватым золотом. Но Джейми я не увидела – только качающееся море чепчиков и треуголок, спасавших от жары тех, кто пришел, когда все места в тени уже заняли.

Сперва мимо возбужденной толпы пронесли знамена Великобритании и королевской колонии Южной Каролины. Затем еще одно – с фамильным гербом местного губернатора.

Затем появились барабанщики. Парами, нога в ногу, выбивая палочками медленный, неумолимый ритм. Безжалостный бой барабанов заглушал прочие звуки.

Следующими показались солдаты в красных мундирах, а между ними – осужденные. Все трое брели со связанными спереди руками. Кольца железных ошейников соединяла цепь. Первый узник, пожилой и ободранный человек, шатался настолько, что священнику в темных одеждах пришлось схватить его под руку.

– Это Гэвин Хэйз? Он не здоров? – пробормотала я, обращаясь к Фергусу.

– Он пьян, – раздался тихий голос.

Я рывком обернулась. Рядом стоял Джейми, не сводя глаз с жалкой процессии.

Из-за едва держащегося на ногах старика движение стопорилось. Прикованные к нему узники сбивались с шага, пытаясь не упасть. Как будто три пьяницы тащатся домой из ближайшей таверны; совсем не под стать мрачной торжественности всего действия. Сквозь бой барабанов прорывались крики и насмешки зрителей, высыпавших на кованые балконы домов.

– Твоя работа? – поинтересовалась я тихонько, чтобы не привлекать внимание. На самом деле я могла орать и размахивать руками – люди не отрывались от разыгравшейся посреди улицы сцены.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейми пожал плечами.

– Выполнил его просьбу. Больше ничем не мог помочь.

– Бренди или виски? – полюбопытствовал Фергус, оценивая Хэйза наметанным глазом.

– Он шотландец. – Джейми говорил спокойно и не менялся в лице, но я слышала в его голосе напряженные нотки. – Виски, конечно.

– Мудро. Если повезет, то вообще не заметит, как его вздернут, – пробормотал Фергус.

Старик выскользнул из хватки священника и шлепнулся лицом вниз на пыльную дорогу, из-за чего второй узник рухнул на колени. Третий же, высокий молодой человек, устоял, но зашатался, отчаянно пытаясь удержать равновесие. Толпа взвыла от восторга.

Лицо капитана охраны, в обрамлении белого парика и металлического горжета, пылало от ярости и жаркого солнца. Он пролаял приказ, и солдат поспешно снял с приговоренных общую цепь. Еще двое красных мундиров грубым рывком поставили Хэйза на ноги, и процессия, восстановив подобие порядка, двинулась дальше.

Усмешки стихли, когда она подошла к виселице – запряженной мулами подводе под сенью огромного дуба. Барабанная дробь отзывалась дрожью земли. Меня слегка тошнило от жары и вони. Дробь резко смолкла. В ушах зазвенела тишина.

– Не смотри, саксоночка, – прошептал Джейми. – Ступай к фургону.

Сам он, не мигая, глядел на Хэйза. Тот шатался в руках солдат и что-то бормотал, потерянно озираясь.

Смотреть мне, конечно, совсем не хотелось. Однако оставить Джейми одного я тоже не могла. Он пришел ради Гэвина Хэйза, а я – ради него.

– Нет.

Я коснулась руки Джейми. Он расправил плечи, а потом шагнул вперед, чтобы его уж точно было заметно в толпе. Если Хэйз еще в состоянии что-то видеть, то последним перед его глазами окажется лицо друга.

Хэйз отчаянно крутил головой, высматривая кого-то, пока его поднимали на подводу.

– *Gabbainn! A charaid!*¹ – крикнул Джейми.

Гэвин тут же уставился на него и замер, покорный судьбе. Он лишь слегка покачивался, пока зачитывали приговор за кражу шести фунтов и десяти шиллингов. Лицо старика покрывала красноватая пыль, на седой щетине блеснул пот. Проповедник быстро зашептал что-то Гэвину на ухо.

Вновь зазвучали барабаны, выводя ровную дробь. Палач перекинул петлю через лысеющую голову осужденного и затянул. Узел оказался ровно под ухом. Капитан стражи поднял саблю.

Хэйз вдруг выпрямился и, впившись взглядом в Джейми, открыл было рот, словно хотел что-то сказать. Сабля сверкнула в утреннем солнце, и дробь оборвалась.

¹ Гэвин! Друг! (гэльск.). (Здесь и далее – примечания переводчика).

Я смотрела на Джейми – он побелел как мел, неподвижные зрачки расширились, – но краем глаза все равно видела едва заметно подергивающееся тело. Резко запахло испражнениями.

Стоявший с другой стороны от меня Фергус наблюдал за казнью бесстрашно.
– Наверное, все-таки заметил... – пробормотал он с сожалением.

Мертвец слегка покачивался, натянув веревку. Толпа вздохнула с ужасом и облегчением. В пылающем небе кричали крачки, доносились звуки гавани, приглушенные тяжелым, загустевшим от жары воздухом. Однако здесь царил тишина. Настолько, что я слышала «кап... кап... кап...» – это стекали капли с башмака трупа.

Я не знала Гэвина Хэйза лично, поэтому не приняла его смерть близко к сердцу. Но хорошо, что все случилось быстро. Я мельком, словно исподтишка, глянула на старика. Нечто столь личное не должно происходить на публике, и мне стало немного стыдно, что я смотрю.

Палач свое дело знал. Приговоренный не дергался в петле, не тарашил глаза, не вывалил язык, как бывает при удушье. Маленькая голова Гэвина висела под странным углом – шея была сломана.

Все удалось как нельзя лучше. Причем не только казнь. Капитан стражи, удостоверившись, что Хэйз мертв, жестом приказал подвести следующего... как вдруг взгляд его прошелся по солдатам в красных мундирах, а потом полыхнул яростью.

В ту же секунду в толпе раздался крик, и люди возбужденно загалдели. Они толкались, тянули головы, лишь бы увидеть... пустое место.

– Исчез!

– Вон он!

– Держи его!

Высокий молодой человек – третий осужденный – ухитрился сбежать: он проскользнул мимо стражи, чье внимание приковала к себе виселица. Смерть Гэвина стала его шансом спасти свою жизнь.

Что-то мелькнуло за прилавком торговца – грязная светлая шевелюра. Несколько солдат рванули в ту сторону, но остальные носились туда-сюда, и в суматохе беглеца упустили.

Капитан стражи яростно орал приказы, однако в суматохе его почти не было слышно. Красные мундиры торопливо пытались кое-как восстановить строй. Оставшегося узника, совершенно ошеломленного, повели обратно к казармам.

Обхватив за талию, Джейми потащил меня прочь от людского моря. Толпа отступала под натиском солдат, которые под командованием мрачного сержанта строем отправились на поиски беглеца.

– Надо найти Иэна, – сказал Джейми, оглянув толпу возбужденных подмастерьев. Он глянул на Фергуса и мотнул головой в сторону виселицы. – Забери тело, лады? Встретимся потом в «Плакучей иве».

– Как думаешь, его поймают? – спросила я.

Мы проталкивались сквозь толчею вдоль мощеной аллеи к торговым пристаням.

– Ага. Куда ж ему бежать? – рассеянно отозвался Джейми, хмурясь. Очевидно, все его мысли по-прежнему занимал мертвец, для живых там места не было.

– У Хэйза есть родня?

Джейми покачал головой.

– Я спрашивал, когда принес виски. Может, брат и остался в живых, только где он – неизвестно. После восстания его перевезли в... Вирджинию, по словам Хэйза, и с тех пор ни слуху ни духу.

Неудивительно. Раб не имел возможности общаться с семьей в Шотландии, если, конечно, поручитель не был так любезен, чтобы отправить от его имени письмо. И оно вряд

ли дошло бы к Гэвину Хэйзу, который десять лет провел в Ардсмурской тюрьме, прежде чем и его сюда перевезли.

– Дункан! – позвал Джейми.

Высокий тощий мужчина обернулся и вскинул ладонь – узнал. Он, как штопор, прошел сквозь толпу, расталкивая людей единственной рукой.

– Макдью, – кивнул он, здороваясь с Джейми. – Миссис Клэр...

На узком лице Дункана отразилась скорбь. Он тоже когда-то был узником той тюрьмы, вместе с Хэйзом и Джейми. Ему «повезло» потерять руку из-за заражения крови, иначе его тоже перевезли бы с остальными. Однорукого работника никому не продашь; Дункана помиловали и отпустили на волю – умирать от голода, пока Джейми его не разыскал.

– Упокой Господь душу бедного Гэвина, – печально покачал головой Дункан.

Джейми пробормотал что-то по-гэльски и перекрестился. Затем расправил плечи и с видимым усилием стряхнул с себя скорбь.

– Ладно. Пойду в порт договариваться насчет Иэна, а потом разберемся с похоронами Гэвина. Сперва нужно пристроить парня.

Мы вновь пошли сквозь толпу, протискиваясь между возбужденными сплетниками и стараясь не попасть под колеса громоздких телег.

Неподалеку от причала отряд красных мундиров бодрым маршем разрезал толпу. Солнце раскаляло блестящие штыки, а солдатские сапоги выбивали ровный ритм, что доносился как приглушенный барабан. Даже грохочущие телеги мигом уступали им дорогу.

– Придерживай карман, саксоночка, – шепнул Джейми, втискивая меня в узкое пространство между рабыней в тюрбане, которая прижимала к себе двух малышей, и уличным проповедником. Взгромоздившись на ящик, проповедник вещал о грехе и покаянии, но в общем гаме его было слышно через слово.

– Он зашит, – успокоила я Джейми, тем не менее проверила, на месте ли содержимое кармана. – А твой кисет?

Усмехнувшись, он сдвинул шляпу на лоб и прищурился.

– Там, где был бы спорран, которого у меня, увы... Так что, если мне не попадетсЯ какая-нибудь шустрая блудница, я в безопасности.

Я глянула на штаны, слегка выпирающие спереди, потом окинула взглядом всего Джейми – широкоплечего, высокого, с мужественным лицом и горделивой осанкой горца. Даже теперь, когда сияющие волосы скрывала синяя треуголка, он все равно привлекал внимание встречных женщин. Слишком узкие штаны, которые он одолжил, никак не мешали Джейми производить впечатление, о котором он сам ни капли не догадывался. Очаровательно.

– Да ты ходячий соблазн для блудниц! – фыркнула я. – Не отходи далеко, я буду тебя защищать.

Он хохотнул и за руку отвел меня на свободный клочок улицы.

– Иэн! – крикнул Джейми, заметив в толпе племянника.

Через миг к нам подскочил высокий паренек. Он отбросил с глаз каштановые волосы и широко улыбнулся.

– А я уж думал, что никогда не найду тебя, дядюшка!.. Боже, столько тут народу, больше, чем на рынке в Эдинбурге! – Мальчишка вытер длинное, неказистое лицо рукавом, размазывая грязь по щеке.

Джейми неодобрительно на него покосился.

– Что-то ты неприлично радостный, Иэн, уже забыл про казнь, что ли?

Племянник попытался изобразить должную печаль.

– Нет-нет, дядя Джейми. Я не был на казни...

Дункан вскинул бровь, и мальчишка слегка покраснел.

– Я... я не побоялся, честно. Просто... хотел кое-что сделать.

Джейми похлопал его по спине.

– Не волнуйся. Я бы тоже не стал смотреть, но Гэвин был моим другом.

– Знаю, дядя. Мне жаль. – В больших карих глазах Иэна мелькнуло сочувствие. – Страшно было, тетушка?

– Да. Так или иначе, теперь все кончено. – Я вытащила из корсажа влажный платок и, стоя на цыпочках, вытерла щеку Иэна.

Дункан Иннес с сожалением покачал головой.

– Бедняга Гэвин. Впрочем, уж лучше быстрая смерть, чем сдохнуть от голода. А другого ему и не оставалось.

– Пойдемте, – скомандовал Джейми, не желая тратить время на бесполезную скорбь. – «Красавица Мэри» стоит где-то у дальнего края причала.

Иэн подобрался, словно хотел что-то сказать, но Джейми уже зашагал дальше сквозь толпу. Поэтому мальчишка глянул на меня, пожав плечами, и предложил мне руку.

Мы проследовали за Джейми мимо торговых складов, стараясь не сталкиваться с матросами, грузчиками, рабами, пассажирами, покупателями и торговцами всех мастей. В Чарльстоне располагался огромный порт, и торговое дело процветало. В месяц сюда входили сотни кораблей из Европы, и столько же отправлялось обратно.

«Красавица Мэри» принадлежала другу кузена Джейми, Джаред Фрейзера, который когда-то отправился во Францию и сколотил там целое состояние на вине. Если повезет, капитан корабля согласится взять Иэна с собой в Эдинбург, а дорогу мальчик отработает в качестве юнги.

Иэна такой расклад не радовал, но Джейми и слышать ничего не хотел. Блудный племянник должен был вернуться в Шотландию при первой же возможности. Поэтому (и не только), едва заслышав о «Красавице Мэри», мы прибыли сюда из Джорджии, куда попали – по чистой случайности – два месяца назад.

Из дверей таверны показалась неряшливо одетая прислуга. Заметив Джейми, она замерла, прижимая бадью с помоями к бедру, и сложила губки бантиком. Однако Джейми прошел мимо, не обратив внимания, – слишком сосредоточился на своей цели. Девушка разочарованно тряхнула головой, вылила помои свинье, дремавшей у крыльца, и резво скрылась в дверях.

Джейми остановился, прикрыв глаза от солнца, и всмотрелся в ряды огромных мачт. Я подошла ближе. Он неосознанно поправил штаны.

– Как там семейные драгоценности? – пробормотала я, взяв его за руку.

– Неудобно, но в порядке, – заверил меня Джейми. Он вновь подергал шнурок ширинки и скривился. – Уж лучше бы в задницу запихал, честное слово.

– Скорее ты их сбережешь, чем я, мой друг, – улыбнулась я. – Меня-то быстрее ограбят.

Семейные драгоценности... Ураган выбросил нас на берег Джорджии, вымокших до нитки, ободранных и без единого гроша – кроме пригоршни крупных драгоценных камней.

Я надеялась, что капитан «Красавицы» неплохо ладит с Джаредом Фрейзером и возьмет Иэна на борт юнгой, иначе нам придется туго.

По идее, в кисете Джейми и моем кармане скрывалось внушительное состояние. А по сути, эти камни для нас не полезнее обыкновенной пляжной гальки. Конечно, перевозить их легче, чем тяжелое золото, но как обменять на деньги?

В южных колониях большинство сделок совершали посредством бартера, а остальные – за деньги или векселя, выписанные на имя богатого купца или банкира. Но такие банкиры в Джорджии встречались редко. А уж те, кто хотел перевести накопления в драгоценности, и того реже. Преуспевающий рисовый плантатор, у которого мы жили в Саванне, уверял нас, что и сам едва наскребет два фунта стерлингов наличностью. Он говорил правду – во всей колонии вряд ли нашлось бы десять фунтов золотом и серебром.

По пути на север, в бесконечных болотистых равнинах и сосновых лесах, естественно, драгоценности продавать было некому. Наконец мы достигли Чарльстона – в городе такого размера уже водились торговцы и банкиры, способные «разморозить» часть наших сбережений.

Пот ручейками стекал у меня по шее, насквозь мокрое льняное платье липло к коже. В это время даже у гавани воздух застывал без единого ветерка, а запахи горячей смолы и рыбы становились невыносимыми.

Один камень Джейми отдал в знак благодарности, несмотря на возражения, мистери и миссис Оливье, добрейшим людям, – после кораблекрушения волны выбросили нас буквально на их порог. Они приютили нас и снабдили фургончиком, двумя лошадьми, чистой одеждой для путешествия, провизией и горсткой наличных.

Теперь в моем кармане осталось шесть шиллингов и три пенса – вот, собственно, и все наши деньги.

– Дядя Джейми, сюда! – нетерпеливо позвал Иэн. – Покажу кое-что!

– Что там? – Джейми протолкнулся сквозь толпу потных рабов, которые грузили пыльные бруски сушеного индиго на корабль. – И как ты это «кое-что» раздобыл?

– Выиграл в кости, – послышался голос Иэна, невидимого за телегой с кукурузой.

– В кости?! Иэн, бога ради, нельзя играть в азартные игры, когда у тебя ни гроша за душой! – Стискивая мою руку, Джейми нырнул в толпу вслед за племянником.

– Дядя, ты сам все время играешь, – заметил Иэн, останавливаясь, чтобы мы его нагнали. – В каждой таверне и в каждом постоялом дворе, где мы были.

– Боже, Иэн, в карты же, а не в кости! И я знаю, что делаю!

– И я знаю, – самодовольно заявил мальчишка. – Я ведь выиграл, нет?

Джейми закатил глаза, моля небеса о терпении.

– Господи... Как я рад, что отправлю тебя домой, пока ты без головы не остался. Обещай, что не станешь играть с моряками, слышишь? С корабля ты от них никуда не денешься.

Однако Иэн уже не обращал внимания. Он остановился у полусгнивших свай, обхваченных тросом, и кивнул на нечто у своих ног.

– Смотри, собака!

Я быстро шагнула за спину Джейми, не отпуская его руки.

– Иэн... – начала я, – это не собака, а волк. Чертовски огромный волк! Отойди, пока он от твоей задницы кусок не отхватил.

Волк презрительно дернул ухом, тяжело дыша от жары. Зверь не сводил желтых глаз с мальчика. Тот, кто не сталкивался с волками, мог бы принять такой взгляд за преданность. Но я-то уже с ними встречалась.

– Эти животные опасны, – продолжила я. – Только завидят – сразу бросятся.

Джейми наклонился к зверю.

– Это ведь не совсем волк, да?

Он с любопытством протянул так называемому псу костяшки пальцев – понюхать, познакомиться. Я зажмурилась. Вот-вот придется ампутировать руку... Однако криков не последовало. Джейми сидел на корточках и изучал нос пса.

– Красивый зверь, – заключил он, как ни в чем не бывало почесывая животное под подбородком. Желтые глазищи слегка прищурились. То ли от удовольствия, то ли в предвкушении того, каким Джейми окажется на вкус. Причем скорее второе, чем первое. – Покрупнее волка будет. Голова и грудь шире...

– Его мамка – ирландский волкодав. – Иэн, опустившись рядом с Джейми, принялся поглаживать мощную темную спину. – В течку как-то сбежала в лес, а потом вернулась...

– Ясно, ясно.

Джейми ласково забормотал по-гэльски, обращаясь к этому чудовищу. Оторвав огромную лапу от земли, он погладил мохнатые пальцы с изогнутыми когтями – в добрых два

двойма длиной, не меньше! Зверюга прикрыла глаза. Легкий ветерок ерошил густую шерсть на загривке.

Я глянула на Дункана. Тот выгнул бровь и со вздохом пожал плечами.

– Джейми... – подала я голос.

– Краса-а-авец! – похвалил Джейми волка. – А ты здоровяк, верно?

– А есть он что будет? – спросила я, наверное, чуть громче нужного.

– Ну... – Джейми с сожалением посмотрел на желтоглазого зверя. – Что ж. – Он поднялся на ноги, неохотно качая головой. – Боюсь, Иэн, твоя тетушка права. Как нам его прокормить?

– Ничего страшного, дядюшка, – заверил его мальчик. – Он сам охотится.

– Здесь? – Я окинула взглядом склады и покачивающиеся на воде корабли. – На кого же? На детей?

– Конечно, нет, тетушка, – слегка обиделся Иэн. – На рыбу.

Заметив три одинаково скептических лица, мальчик бухнулся на колени и, схватив морду пса двумя руками, заставил его распахнуть пасть.

– Правда! Клянусь, дядюшка! Понюхай, рыбой пахнет!

Джейми с сомнением покосился на внушительные клыки и почесал подбородок.

– Я... э-э... поверю на слово. Но все равно... Бога ради, Иэн, побереги пальцы!

Мальчик ослабил хватку, и огромные челюсти тут же сомкнулись.

– Не волнуйся, дядюшка, – бодро проговорил Иэн, вытирая ладонь о штаны. – Он меня не укусит. А зовут его Ролло.

Джейми потер верхнюю губу костяшками.

– М-м-м... Неважно, как его зовут и что он ест; вряд ли капитан «Красавицы» будет рад видеть его в кубрике.

Иэн промолчал, но почему-то не перестал сиять. Даже еще больше обрадовался.

Джейми напрягся.

– Только не... – в ужасе начал он.

– Да, – отозвался Иэн. На угловатом лице расцвела довольная улыбка. – «Красавица» отплыла три дня назад. Мы опоздали, дядюшка.

Джейми проговорил что-то по-гэльски. Дункан тоже казался возмущенным.

– Черт! – воскликнул Джейми уже по-английски. – Черт поберит!

Он стянул шляпу и с силой провел ладонью по лицу, взлохмаченный и жутко злой. Затем пробежал пальцами по волосам и дернул за ленту, которая стягивала их в хвост.

Иэн смутился.

– Прости, дядя... От меня не будет проблем, честное слово, я постараюсь. И работать я могу, сам себе на еду уж точно заработаю.

Смягчившись, Джейми тяжело вздохнул и похлопал племянника по плечу.

– Ты же знаешь, я и сам рад, когда ты поблизости, Иэн. Но что, черт возьми, скажет твоя матушка?

Иэн вновь просиял.

– Понятия не имею, дядя, – сказал он. – Говорить-то она будет в Шотландии, а мы здесь!

Мальчишка обнял Ролло. Волк, похоже, сильно этому удивился, но затем смачно лизнул ухо Иэна длинным розовым языком. На вкус попробовал, видимо.

– И вообще, – добавил мальчик, – она знает, что со мной все хорошо, ты сам ей написал из Джорджии, что я с тобой.

Джейми криво усмехнулся.

– Не очень-то ее это знание успокоит, Иэн!.. Мне чертовски нужно выпить, саксоночка, – повернулся он ко мне. – Пойдем искать таверну.

В полутемной «Плакучей иве» могло бы быть прохладно, да уж слишком много в нее набилось народу – моряков и тех, кто пришел сегодня посмотреть на казнь. Переступив порог, я вдохнула – и тут же поспешила выдохнуть. Как будто на лице вдруг оказалась грязная тряпка, пропитанная элем.

А вот Ролло сразу доказал свою полезность: толпа перед ним мгновенно расступалась. Еще бы: он гордо прошествовал вперед, скаля зубы в беззвучном рычании. Пес явно уже бывал в тавернах. Благополучно согнав всех с угловой скамеечки, он свернулся под столом и, кажется, собрался спать.

Спрятавшись от палящего солнца и получив огромную кружку темного пенящегося эля, Джейми мигом взял себя в руки.

– Есть два пути, – сказал он, отбрасывая влажные волосы со лба. – Либо остаемся в Чарльстоне – вдруг сумеем продать камень, и тогда отправим Иэна в Шотландию на другом корабле. Либо отправимся на север, в Кейп-Фир; если повезет, найдем корабль в Уилмингтоне или Нью-Берне.

– Я за север, – без колебаний отозвался Дункан. – У тебя же там родня? Не люблю долго среди чужих быть. Родня проследит, чтобы нас не обманули да не обворовали. А здесь... – Он приподнял плечо, красноречиво намекая, что вокруг нас не шотландцы, а значит, заведомо подлецы.

– Ох, поехали на север, дядюшка! – воскликнул Иэн прежде, чем Джейми успел вставить слово. – Там может быть опасно, так что лишний человек не помешает, верно?

Джейми уткнулся в кружку, но я сидела достаточно близко и почувствовала, как он содрогнулся. Джейми и правда любил племянника, однако этот парнишка вечно влипал во всякие истории.

Год назад Иэна похитили пираты; спасая его, мы окольными путями оказались в Америке. В последнее время, конечно, царило затишье, но Джейми не терпелось отправить своего племянника обратно к матери в Шотландию, пока тот снова куда-нибудь не вляпался.

– Э-э... разумеется, – опустил кружку Джейми. Хотя он старательно избегал моего взгляда, я все равно заметила, как у него подергивается уголок рта. – Ты, конечно, отличный помощник...

– А может, мы столкнемся с краснокожими! – распахнул глаза Иэн. Загорелое лицо светилось от предвкушения. – Или с дикими зверями! Доктор Штерн рассказывал, что в Каролине полно свирепых тварей: медведи, дикие кошки, страшные пантеры. И еще ужасное вонючее существо, которые индейцы зовут скунсом!

Я подавилась элем.

– Тетушка, ты как? – Иэн взволнованно перегнулся через стол.

– В порядке, – прохрипела я, протирая влажное лицо платком, а потом смахнула капли эля с груди и тайком оттянула корсаж в надежде чуть проветрить кожу.

Тайное изумление на лице Джейми сменилось легким беспокойством.

– Скунсы не опасны, – пробормотала я, опуская ладонь на его колено.

Искусный и бесстрашный охотник в родной Шотландии, Джейми с осторожностью относился к пока неизведанной фауне Нового Света.

– Хм... Может, и так, но остальные? Что-то я не горю желанием встретиться с толпой дикарей или медведем, когда под рукой лишь это. – Джейми коснулся длинного кинжала в ножнах, которые висели у него на ремне.

Да, оружия нам очень не хватало. Джейми ужасно переживал из-за этого на пути в Чарльстон, а упоминание об индейцах и диких зверях вновь его встревожило. У Фергуса был еще маленький клинок, годный, лишь чтобы обрезать веревки да настрогать щепок для растопки костра. Вот и все; к сожалению, супруги Оливье не нашли для нас ни лишних пистолетов, ни мечей.

По дороге сюда нам посчастливилось присоединиться к компании фермеров. Они, увешанные ножами, пистолетами и мушкетами, везли урожай риса и индиго в порт – отправлять на север, в Пенсильванию и Нью-Йорк. А если сейчас мы отправимся в Кейп-Фир, то будем одни, безоружные и беззащитные перед тем, что может вдруг выскочить из лесной чащи.

В то же время убедительные причины заставляли нас отправиться именно на север. В Кейп-Фире находилось самое большое в американских колониях поселение шотландских горцев. В нескольких городах жили переселенцы, уехавшие из Шотландии за последние двадцать лет, после битвы при Каллодене. Среди переселенцев была и родня Джейми, которая с удовольствием нас приютит: предоставит крышу над головой, постель и время, чтобы мы сумели найти себе место в этом новом мире.

Джейми снова отпил из кружки и кивнул Дункану.

– Знаешь, я с тобой согласен. – Он откинулся на стенку, небрежно окинув взглядом битком набитую таверну. – Чувешь, как в спину пялятся?

По моей собственной спине пробежал холодок. Дункан едва заметно распахнул глаза, потом прищурился, но не обернулся.

– Хм, – только и сказал он.

– Кто пялится? – спросила я, нервно осматриваясь.

Хотя никто не смотрел на нас открыто, это вовсе не значило, что никто не наблюдал за нами тайком. Таверну переполнял пьяный люд, и гул голосов заглушал все, кроме разве что сидящих совсем близко собеседников.

– Да кто угодно, саксоночка. – Джейми глянул на меня искоса и усмехнулся. – И не надо так пугаться. Ничего нам не грозит. По крайней мере здесь.

– Пока не грозит. – Дункан налил себе еще кружку эля. – Макдью окликнул Гэвина у виселицы, смекаешь? Кто-то его да заметил... Наш Макдью – парень видный, – добавил он сухо.

– И фермеры, которые прибыли с нами из Джорджии, уже наверняка продали запасы и теперь отдыхают за кружечкой эля, – проговорил Джейми, увлеченно разглядывая свою кружку. – Они люди честные... но все равно любят поболтать, саксоночка. Неплохая ведь история, как ребят принесло ураганом, а? Вдруг кто из них пронюхал, что у нас есть?

– Ясно, – буркнула я.

И в самом деле ясно. Теперь все знают, что мы как-то связаны с преступником, и сойти за неприметных путешественников больше не выйдет. Если затынем с поисками покупателя (что вероятно), то рискуем нарваться на грабителей или чрезмерный интерес английских властей. Ни то ни другое нам совсем ни к чему.

Джейми сделал большой глоток, затем со вздохом опустил кружку.

– Думаю, нам не стоит задерживаться в городе. Обеспечим Гэвину достойные похороны, а потом найдем спокойное место в лесу и переночуем. Завтра решим, остаемся тут или двинем дальше в путь.

Перспектива снова ночевать в лесу, со скуссами или без, меня откровенно не радовала. Я уже восемь дней не вылезала из одного платья и как могла подмывалась, если мы останавливались вблизи ручья. Хотелось поспать в нормальной постели, даже если в ней будет полно блох. Отскрести въевшуюся в кожу грязь после недельного путешествия. Однако Джейми прав. Я вздохнула, уныло глядя на серый, заношенный край рукава.

Двери таверны вдруг распахнулись: в переполненное помещение ворвались четверо солдат в красных мундирах. При полном параде, со штыками на мушкетах. Эти гости явно пришли не за элем или игрой в кости...

Двое солдат быстро обошли таверну, заглядывая под столы, третий скользнул на кухню. Четвертый остался на страже у дверей: светлые глаза метались от одного посетителя таверны к другому.

Джейми, внешне безмятежный, будто бы рассеянно попивал эль, но я заметила, как его ладонь под столом сжалась в кулак. Дункан не владел собой так хорошо, поэтому наклонил голову, чтобы скрыть лицо. Эти двое не могли спокойно сидеть в присутствии красных мундиров, и на то были серьезные причины.

Остальных людей солдаты почти не потревожили. Группка певцов у камина продолжила выводить бесконечную «Нальем полней бокалы», а между служанкой и парой подмастерьев разразился громкий спор.

Солдат вышел из кухни с пустыми руками и, грубо растолкав игроков в кости, присоединился к товарищам. Они повернулись на выход, как раз когда в двери протиснулась тощая фигурка Фергуса. Ему пришлось вжаться в косяк, чтобы не угодить под солдатские локти или приклады мушкетов.

Один из солдат заметил блеск металла и с интересом уставился на крюк, который заменял Фергусу левую кисть. Потом настороженно глянул на самого Фергуса, но вскинул мушкет на плечо и поспешил за остальными.

Фергус протиснулся сквозь толпу и рухнул на скамейку рядом с Иэном, изнывающий от жары и злой.

– Чертов кровопийца этот *salaud!* – заявил он без предисловий.

Джейми вскинул брови.

– Священник, – перевел Фергус с родного французского.

Он схватился за кружку, которую придвинул к нему Иэн, и, мигом ее осушив, тяжело выдохнул. Впрочем, после этого он заметно повеселел.

– Десять шиллингов, чтобы Гэвина похоронили на церковном погосте! – воскликнул Фергус, утерев губы. – Причем церковь-то англиканская, естественно, католических здесь вообще нет. Торгаш жалкий! Знает, что у нас нет выбора. Хорошо, если тело хоть до заката долежит в приличном виде.

Он оттянул влажный от пота шейный платок, а потом постучал кулаком по столу, привлекая внимание сбившейся с ног прислуги.

– Сказал этой зажавшейся свинье, что решать платить или нет, будете вы. В крайнем случае похороним его в лесу. Правда, придется купить лопату, – хмуро добавил Фергус. – Скряги-горожане знают, что мы не местные, так что до последней монетки обдерут, дай им волю.

Про последнюю монетку он оказался прав. Денег хватало расплатиться здесь и на провизию для путешествия на север. Может, еще на пару ночевок в каком-нибудь постоялом дворе. И все. Джейми мельком оглядел таверну, прикидывая шанс подзаработать на игре в карты или кости.

Лучше всего он играл с солдатами или моряками, но их здесь было маловато. Скорее всего, весь гарнизон до сих пор прочесывал город в поисках беглеца. Небольшая компания в другом углу шумно распивала бренди. Двое мужчин пели, точнее, пытались петь, чем ужасно веселили товарищей. Джейми едва заметно кивнул в их сторону и снова повернулся к Фергусу.

– А пока куда ты дел Гэвина?

Фергус дернул плечом.

– В фургоне лежит. Обменял его одежду у ветошницы на саван. Она еще и согласилась обмыть тело. Не тревожьтесь, милорд, он в порядке. Пока что, – добавил Фергус, поднося очередную кружку эля к губам.

– Бедняга Гэвин. – Дункан Иннес приподнял кружку, салютуя падшему товарищу.

– *Sláinte*², – отозвался Джейми, повторив жест. – Он не захотел бы лежать в земле в лесу.

– Почему? – полюбопытствовала я. – Наверное, ему уже все равно.

² Традиционный гэльский тост.

– Ох, нет, миссис Клэр, нельзя так поступить, – замотал головой Дункан.

Такое проявление чувств меня удивило – обычно Дункан был очень сдержан.

– Гэвин боялся темноты, – мягко пояснил Джейми и криво усмехнулся, когда я на него уставилась. – Я прожил с Гэвином Хэйзом почти столько же, сколько с тобой, саксоночка... и в куда более тесном жилище. Я хорошо его узнал.

– Ага, жутко не любил оставаться один в темноте, – согласился Дункан. – До смерти боялся... *tannagach*... как там, духов, да?

Его продолговатое, полное скорби лицо помрачнело. Перед глазами Дункана явно стояла тюремная камера, которую они с Джейми делили с Гэвином Хэйзом – и еще сорока заключенными – долгих три года.

– А помнишь, Макдью, как он однажды рассказал о встрече с призраком?

– Помню, Дункан, а лучше бы забыл. – Джейми содрогнулся, несмотря на жару. – Полночи после этого не спал.

– А что он рассказал, дядя? – округлил глаза Иэн. Щеки юноши пылали, а влажный от пота шейный платок смялся.

Джейми задумчиво потер подбородок.

– Ну... дело было в нашей Шотландии, поздней осенью, как раз перед приходом зимы. Когда даже в воздухе витает ощущение, что вот-вот ударят морозы. – Усмехнувшись, он откинулся назад с кружкой в руке. – Не то что сейчас. В общем, тем вечером сын Гэвина пригнал коров, однако одной не хватало. Парень рыскал и по холмам, и в лощинах... не нашел. Гэвин оставил его доить оставшихся двух, а сам отправился на поиски пропажи.

Джейми вертел в ладонях кружку, всматриваясь в темный эль, словно видел в нем родные горные пики и затянутые туманом долины.

– Он успел порядком отойти, и, когда оглянулся, дом уже скрылся из виду. Даже света в окне было не различить. И тишина – только ветер выл. Гэвин зашагал дальше по грязи и вереску. Под ногами потрескивал лед.

В тумане показалась рощица. Гэвин направился к ней, думая, что корова могла спрятаться под деревьями. Он говорил, там росли березы. Они стояли уже совсем без листьев, зато так сплелись ветвями, что приходилось наклоняться, чтобы пройти.

Итак, Гэвин вошел в рощу и понял – никакая это не роща, а кольцо деревьев. Высоких, ровных. Между ними ютились маленькие. Из веток образовалась самая настоящая стена. А в центре – могильник.

Несмотря на духоту таверны, у меня по спине опять побежал холодок. Я уже видела древние могильники в Шотландии. Рядом с ними даже днем не по себе.

Джейми отпил эля и вытер пот с виска.

– Бедняге Гэвину аж поплохело: он понял, где оказался. Старый могильник, такие выкладывают из обломков скалы, насыпают гору из камней. Странное место. А уж в темноте, на морозе... Гэвин видел перед собой черный провал входа. Он знал, что нельзя подходить близко, особенно без сильного оберега. А у Гэвина – только деревянный крестик на шее. Поэтому он осенил им себя и ушел.

Джейми сделал еще глоток.

– Отходя от рощи, – проговорил он тихонько, – Гэвин слышал за спиной шаги.

Иэн слотнул и, не сводя глаз с дяди, на ощупь потянулся за кружкой.

– Гэвин шагал не оглядываясь, – продолжил Джейми. – Но то, что следовало за ним, не отставало. А когда он добрался до обледеневшего торфяника – настолько холодная стояла погода, что лед трещал под ботинками, – сзади тоже раздавалось: «Кх! Кх!» Наконец Гэвин не выдержал, крепко сжал крестик и с громким криком повернулся к неведомому преследователю.

– И что же там было? – Зрачки Иэна расширились от изумления и выпитого эля.

Джейми глянул на парнишку, потом на Дункана и кивнул, чтобы тот продолжал.

– Гэвин говорил, там был словно человек, только без тела, – тихо сказал Дункан. – Весь белый, словно сотканный из тумана. А на месте глаз – здоровенные черные дыры. Такие, что от ужаса Гэвин чуть на месте не околел.

– Но он выставил крестик перед собой и начал вслух молиться Деве Марии. – Джейми подался к столу. Тусклый свет камина очертил его профиль золотом. – И оно не смогло приблизиться. Замерло, наблюдая. Поэтому Гэвин стал пятиться, не решаясь поворачиваться спиной. Он спотыкался, боясь, что в любой момент упадет в речку или сорвется вниз со скалы, но больше всего он боялся повернуться к тому созданию спиной.

Гэвин шел и шел. Его ноги уже дрожали от усталости, когда он в конце концов различил в тумане огонек свечи в окне. Он радостно вскричал и бросился к дому, однако призрак оказался проворнее – метнулся мимо него и встал перед дверью.

Жена ждала Гэвина и, услышав его, тут же подошла к двери. Гэвин крикнул, чтобы она не выходила, а нашла что-нибудь, чтобы прогнать существо. Добрая женщина мигом выхватила горшок из-под кровати и ветку мирта, перевязанную красной и черной нитями, которую сделала, чтобы благословлять коров. А потом выплеснула воду на порог, и холодное нечто, взлетев, оседло дверной косяк. Гэвин рванул в дом, запер дверь и не выпускал жену из объятий до самого рассвета. Свеча горела в окне всю ночь. С тех пор Гэвин Хэйз больше никогда не выходил из дома после заката. Пока не отправился воевать за принца Терлаха.

Даже Дункан, уже слышавший историю, вздохнул. Иэн перекрестился, а потом смущенно оглянулся – никто не заметил.

– И теперь Гэвин ушел во тьму, – тихо сказал Джейми. – Мы не позволим ему лежать в неосвященной земле.

– А корову нашли? – поинтересовался практичный Фергус.

Джейми вскинул бровь, повернувшись к Дункану, и тот ответил:

– Ага, нашли. Обнаружили несчастную животину на следующее утро. Все копыта забились грязью и камнями, глаза навывкате, морда в пене, и бока выпирали, будто вот-вот лопнут. – Он глянул на меня, на Иэна, и снова на Фергуса. – По словам Гэвина, на ней будто съездили в ад и обратно.

– Господи... – Иэн от души хлебнул эля.

Я последовала его примеру. Пьяная компания в углу пыталась затянуть песню, но каждый раз лишь заливалась хохотом.

Иэн опустил кружку на стол.

– А что с ними случилось? – вдруг заволновался мальчишка. – С женой и сыном Гэвина?

Мы переглянулись с Джейми, и он коснулся ладонью моего бедра. Я и без слов понимала, что стряслось с семьей Хэйза. Только благодаря храбрости и непреклонности Джейми подобное не случилось со мной и нашей дочерью Брианной.

– Гэвин так и не узнал, – тихо отозвался Джейми. – О жене больше ничего не слышал... Наверное, умерла от голода. Или холода, если ее выселили. Сын сражался бок о бок с Гэвином у Каллодена. Как только в камеру бросали человека, бившегося там же, Гэвин спрашивал: «А ты не видал часом паренька – Арчи Хэйз зовут, вот такого роста?» – Джейми механически повторил жест Гэвина, подняв руку футов на пять от пола. – Лет четырнадцать пареньку, носит зеленый пледик с небольшой золотой фибулой», – говорил он. Никто ничего не знал.

Джейми сделал глоток эля, не сводя глаз с британских офицеров, которые устроились в другом углу. На улице уже темнело, так что они явно отдыхали после дежурства. Кожаные платки на шеях были размотаны из-за жары. Под мундирами поблескивало личное оружие, почти черное в полумраке.

– Гэвин надеялся, что парня просто схватили и отправили работать в колонии, – сказал Джейми, – как брата.

– Должны же быть какие-то записи? – спросила я. – Они вели... ведут... у них есть списки?

– Вели, – согласился Джейми, по-прежнему наблюдая за солдатами. На его губах мелькнула горькая усмешка. – Это меня и спасло после Каллодена. Прежде чем пристрелить, они спросили мое имя, чтобы добавить в список. Но такой, как Гэвин, вряд ли сумел бы заглянуть в английские списки погибших. А если и сумел бы, то, наверное, не пожелал бы смотреть. Разве хотела бы ты узнать наверняка, что там числится твой ребенок?

Я покачала головой, и Джейми легонько стиснул мою руку. В конце концов, наша дочь в безопасности. Джейми осушил свою кружку и поманил прислугу.

Девушка принесла еды, стараясь держаться от стола подальше из-за Ролло. Зверь без движения лежал в ногах, пристроив огромный лохматый хвост мне на ступни. Желтые глаза неотрывно следили за происходящим в таверне. Проследили они и за девушкой, которая пятилась, нервно поглядывая на пса, пока не оказалась на безопасном расстоянии от его клыков.

Джейми с сомнением уставился на эту так называемую собаку.

– Может, он голодный? Попросить для него рыбы?

– Нет, дядя, не надо, – успокоил его Иэн. – Ролло сам ловит себе рыбу.

Джейми вскинул брови, но в ответ только кивнул. Бросив еще один подозрительный взгляд на пса, он взял с подноса тарелку жареных устриц.

– А-а, какая жалость. – Дункан уже успел порядком напиться. Он привалился к стене, а безрукое плечо задралось выше другого, что делало его похожим на горбуна. – Почему такой замечательный малый, как Гэвин, должен был так кончить!

Он печально замотал головой над кружкой.

– Семьи не осталось, никто не оплачет, совсем один в чужой стране... Повесили как преступника, да еще и похоронят в неосвященной земле. Даже погребальную песнь ему не споют как положено!

Схватив кружку, Дункан с трудом поднес ее ко рту, сделал приличный глоток и со стуком опустил на стол.

– Нет, пусть услышит свою песнь! – Он воинственно оглядел Джейми, Фергуса и Иэна. – Почему бы и нет?

Джейми еще не напился, но и уже не был трезв.

– И в самом деле! – отозвался он. – Только петь, Дункан, придется тебе. Остальные Гэвина не знали, а из меня певец никакой. Хотя подпевать буду.

Дункан кивнул с важным видом, не сводя с нас покрасневших глаз. А потом вдруг запрокинул голову и завыл. Я подскочила на месте, облившись элем, а Иэн с Фергусом, явно уже слыхавшие шотландские погребальные песнопения, и ухом не повели.

Посетители таверны взметнулись на ноги, хватаясь за оружие. Служанка, округлив глаза, выглянула из-за стойки. Ролло проснулся с оглушительным «гав!» и начал озираться, скаля зубы.

– *Tha sinn cruinn a chaoidh ar caraid, Gabbainn Hayes*, – прогремел Дункан хриплым баритоном.

Мои познания в гэльском помогли понять это как: «Мы собрались здесь, дабы воззвать к Небесам и оплакать нашего утраченного друга, Гэвина Хэйза!»

– *Èisd ris!* – отозвался Джейми.

– *Rugadh e do Sheumas Immanuel Hayes agus Loisa N'ic a Liallainn an am baile Chill-Mhartainn, ann an sgìre Dhun Domhnuill, anns a bhliadhnaeachd ceud deug agus a haon!*

Он был рожден у Симуса Эммануила Хэйза и Луизы Макклиллан в деревне Килмартин церковного прихода Додэнил, в году тысяча семьсот первом от Рождества Христова!

– *Èisd ris!* – в этот раз гаркнули и Фергус с Иэном, что грубо переводилось как «услышите его!».

Ролло плевать хотел на куплеты с припевами. Пес прижал уши, сощурил желтые глаза; Иэн успокаивающе потрел его по голове, и зверь вновь улегся, тихонько рыча себе под нос. Явно всех проклиная по-волчьи.

Посетители таверны удостоверились, что опасность им не грозит, и сели, наслаждаясь новым представлением. Нестройное пение компании в углу всех давно уже утомило. К тому времени, как Дункан принялся перечислять поименно овец, принадлежавших Гэвину Хэйзу, пока тот не отправился за своим лэрдом к Каллодену, многие вокруг дружно оралы «*Eisd ris!*» и стучали кружками по столам, хотя совершенно не понимали, о чем идет речь. И хорошо.

Дункан, весь взмокший и как никогда пьяный, злобно уставился на солдат за соседним столом.

– *A Shasunnaich na galladh, 's olc a thig e dhuibh fanaird air bàs gasgaich. Gun toireadh an diabhl fhein leis anns a bhàs sibh, dìreach do Fhirinn!!*

Грязные саксонские псы, пожиратели мертвечины! Да падет на вас мор, ведь вы радовались смерти доброго человека! Пусть сам дьявол явится вам в последний час и утащит прямоком в ад!

На этих словах Иэн слегка побледнел, а Джейми прищурился, но оба бодро рывкнули «*Eisd ris!*» вместе со всей толпой.

Вдохновленный, Фергус пустил шляпу по кругу. Народ, подогретый элем и весельем, с удовольствием швырял в нее медяки, даже не подозревая, за какую песню так благодарят.

Хоть я и умела пить наравне с мужчинами, мочевого пузыря у меня был куда меньшего размера. Голова кружилась от шума и духоты не меньше, чем от выпитого, но я все же протиснулась сквозь толпу и вышла на свежий воздух.

Солнце давно опустилось за горизонт, однако на улице по-прежнему было жарко и почти нечем дышать. Правда, хоть не так людно.

Облегчившись, я с кружкой в руках присела на колоду для рубки дров. Ночь стояла ясная, яркий полумесяц заливал гавань серебром. В свете окон таверны виднелся наш фургон, где, судя по всему, лежало по всем приличиям завернутое в саван тело Гэвина Хэйза. Думаю, ему понравилась заупокойная песнь.

Дункан наконец выдохся. Вместо него запел чистый тенор. Он пьяно подрагивал, но звучал все равно приятно, перекрывая болтовню знакомой мелодией.

К Анакреону в раю, где он от души пировал,
Гармонии дети обратились с посланьем.
Чтоб он их вдохновлял, чтобы их защищал.
И веселый старик им вот что завещал:

«Пой, играй веселей,
Себя не жалея,
А я вас всегда вдохновлю».

Голос певца сорвался на «пой, играй веселей».

«А еще, я вас научу заодно
Мешать, как я, мирт и вино!»

Я отсалютовала передвижному гробу кружкой, тихонько повторяя за певцом последние строки:

А знамя со звездами вьется ль, скажи,

Над землей для свободной и смелой души?

А потом осушила кружку и осталась сидеть, ожидая, когда выйдут мои спутники.

Глава 2

Мы встречаем призрака

– Десять, одиннадцать, двенадцать... и два, и шесть... один фунт восемь шиллингов шесть пенсов и два фартинга! – Фергус торжественно опустил последнюю монетку в кисет и, затянув шнурок, вручил его Джейми. – И три пуговицы, – добавил он, – но они здесь. – Фергус похлопал по карману.

– Заплатила хозяину за ужин? – спросил Джейми, взвешивая кисет на ладони.

– Да, – успокоила его я. – У меня осталось четыре шиллинга и шесть пенсов к тому, что насобирал Фергус.

Тот скромно улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

– Тогда нам хватит на похороны, – сказал он. – Сейчас повезем месье Хэйза к священнику или подождем до утра?

Джейми хмуро глянул на фургон, стоящий у таверны, потом на растущую луну.

– Священник-то уже спит, наверное. Хотя...

– Не стоит его возить за собой, – перебила я. – Не в обиду будь сказано... – поспешно извинилась я перед фургоном и его ношей. – Но если нам придется спать в лесу, то... эм... запах...

Сейчас, конечно, мы ничего не чувствовали, однако стоило отойти от задымленной таверны, как душок из фургона сразу становился заметным. Все-таки Гэвин умер нелегко, а день был очень жарким.

– Тетушка Клэр права, – согласился Иэн, незаметно вытирая нос костяшками пальцев. – Нам дикие звери ни к чему.

– Не можем же мы оставить Гэвина тут! – возразил пораженный Дункан. – Что, бросим его на ступеньках таверны прямо в саване, как найденыша в пеленках?! – Он опасно зашатался. Дункан и без алкоголя плохо держал равновесие.

Губы Джейми изумленно дрогнули. Луна высветила тонкую переносицу.

– Нет, мы его не бросим. – Он сунул звякнувший кисет в карман. – Сами похороним. Фергус, сходи-ка в конюшню, ладно? Может, тебе там продадут лопату по дешевке.

Наш краткий путь к церкви по тихим улочкам Чарльстона не был похож на обычную траурную процессию, потому что Дункан настойчиво повторял лучшие фрагменты заубойной песни.

Джейми пустил лошадей шагом, лишь изредка понукая. Шатающийся Дункан брел, распевая куплеты и сжимая узду одной лошади, а Иэн придерживал другую, чтобы та не рванула вперед. Мы с Фергусом почтено замыкали процессию. Он, с только что купленной лопатой наперевес, вполголоса мрачно предсказывал, как нас всех на ночь бросят в тюрьму за нарушение городского покоя.

Церковь высилась в конце улочки, на приличном расстоянии от крайнего дома. Как раз нам на руку, ведь мы не хотели привлекать внимания. Правда, поэтому же на кладбище у церкви было темно, хоть глаз выколи. Ни фонаря, ни свечи – кромешная тьма.

Над воротами нависали огромные магнолии с пожухшими от жары листьями. Ряд сосен днем так и манил отдохнуть в тени, а ночью не пропускал ни капли лунного света. Будто не кладбище, а... склеп.

Идти сквозь эту темноту – как раздвигать собой шторы из черного бархата, слегка пахнущие смолой от нагретых на солнце сосен, бесконечные слои чего-то мягкого, удушающего... Полная противоположность холодной чистоте Шотландии. Однако под кирпичными стенами

клубился едва заметный туман, и я, к несчастью, живо вспомнила историю о приключении Гэвина Хэйза, которую поведал Джейми.

– Дункан, останься с лошадьми. – Джейми соскользнул с козел. – Может, найдем хорошее местечко у стены... – проговорил он, ведя меня за руку к воротам. – Мы с Иэном раскопаем, а Фергус постоит на страже.

– А Дункан? – Я оглянулась. – С ним все будет в порядке?

Шотландца уже не было видно – долговязая фигура слилась с фургоном и лошадьми, зато слышно его было отлично.

– Будет главным плакальщиком, – отозвался Джейми с тенью улыбки в голосе. – Пригнись, саксоночка.

Я машинально наклонила голову и прошла под низкой веткой магнолии. Интересно, Джейми и правда видел в полной темноте? Он никогда не спотыкался, даже при полном отсутствии света.

– А ты не думал, что свежую могилу сразу заметят?

Выйдя из-под магнолий, я все-таки различила смутные очертания надгробий. У их подножий над густой травой тоже расплзался легкий туман.

Подолы ног закололо, пока мы короткой дорогой пробирались к стене церкви. Словно из-под земли доносился немой упрек за наше неприличное вторжение. Я случайно зацепила надгробие лодыжкой и закусил губу – уж очень хотелось вслух извиниться перед лежавшим под ним человеком.

– Наверняка заметят. – Джейми отпустил мою руку и полез в карманы сюртука. – Но если священник хотел денег за похороны, то не думаю, что он будет за просто так выкапывать Гэвина, правда?

Сбоку от меня вдруг возник Иэн. Я вздрогнула.

– У северной стены есть место, дядюшка, – сказал он тихонько, хотя вокруг, кроме нас, не было ни души, и слегка придвинулся ко мне. – Ух, как здесь темно, – неуверенно пробормотал мальчишка.

Он выпил почти столько же, сколько Джейми или Фергус, однако в старших мужчинах эль пробудил мрачное чувство юмора, а вот Иэн явно приуныл.

– Ага, темно. Я прихватил из таверны огарок свечи, погоди.

Раздался легкий шорох – Джейми нашел кремень и трутьицу. В темноте мне чудилось, что я и сама бесплотна, как призрак. Над головой сияли звезды, но их свет не достигал земли, застревая в душном воздухе, и они выглядели бесконечно далекими и одинокими.

– Как всеношная перед Пасхой, – негромко заговорил Джейми, чиркая кремнем. – Однажды видел службу в соборе Парижской Богоматери. Иэн, камень!

Звук удара и приглушенный стон возвестили, что мальчишка самостоятельно обнаружил преграду.

– Внутри было совсем темно, – продолжал Джейми, – но на входе прихожане покупали небольшие свечки у старух. Похоже на... – я скорее почувствовала, чем увидела, как он указал вверх, – на небо сейчас. Огромное пространство над головой, звенящая тишина, море людей вокруг.

Несмотря на духоту, я невольно содрогнулась от его слов. Они напомнили о множестве мертвецов, лежащих бок о бок прямо под нашими ногами, терпеливо ожидая грядущего воскресения.

– А потом, когда я уже едва мог выносить тишину и толчею, у дверей послышался голос. Священник провозгласил: «Христос воскрес! Да будет свет!» Служки тут же зажгли огромную свечу в его руках, а от нее и свои свечки и засновали по рядам, передавая пламя всем верующим.

От кремня летели слабые искры, освещая руки Джейми.

– И собор ожил тысячей крошечных огоньков. Но именно та, первая свеча прорвала тьму. Чирканье прекратилось, и Джейми убрал ладонь, прикрывавшую новорожденное пламя. Оно набрало силу и осветило его лицо снизу, бросая золотистые отблески на лоб и высокие скулы.

Приподняв свечу, Джейми оглядел смутные очертания крестов, таких же зловещих, как и каменные надгробия.

– Да будет свет, – тихо сказал он, склоняя голову перед гранитным памятником, – покойся с миром, друг.

Он говорил серьезно, уже без полунасмешливой нотки, и я вдруг почувствовала странное спокойствие, как будто некий призрачный наблюдатель наконец отступил.

Джейми улыбнулся и протянул мне свечу.

– Поищи деревяшек для факела, саксоночка, – сказал он. – А мы с Иэном будем по очереди копать.

Я все равно напоминала себе расхитителя могил, пока стояла с факелом под деревом и наблюдала, как юный Иэн и Джейми по очереди роют могилу. Их обнаженные спины поблескивали от пота.

– Студенты-медики раньше платили людям, чтобы те крали для них свежие трупы с кладбищ, – заметила я, протягивая свой испачканный носовой платок Джейми, который, кряхтя, выбрался из ямы. – Только так они могли попрактиковаться в анатомировании.

– Платили? – отозвался Джейми. Он вытер лицо и покосился на меня. – Или платят?

К счастью, в темноте Иэн не заметил, как я вспыхнула. Не в первый раз я вот так оговаривалась, и явно не в последний. Чаще всего подобные оплошности вызывали не более чем удивленные взгляды, или их вообще не замечали. Ведь о том, откуда они берутся, никто даже при всем желании не догадался бы.

– Наверное, они и сейчас подобным занимаются, – выкрутилась я.

Я содрогнулась от мысли о необходимости работать с только что извлеченным телом. Уже тронутым разложением, покрытым грязью оскверненной могилы. Набальзамированные кадавры на стерильных стальных столах, конечно, тоже не особо приятны, но их вид по крайней мере не демонстрировал смерть во всей ее гниющей красе.

Резко выдохнув через нос, я попыталась отогнать от себя такие живые воспоминания о запахах. А когда снова вдохнула, то почувствовала только сырую землю, горячую смолу и ее прохладный отголосок – аромат самих сосен над головой.

– А еще они забирают нищих и преступников из тюрем. – Иэн явно нас расслышал. Он, скорее всего, ничего не понял, однако воспользовался возможностью передохнуть: утер лоб и оперся на черенок лопаты. – Папа рассказывал. Однажды его арестовали, отправили в Эдинбург и заперли в Толбуте, в камере с тремя заключенными. Так вот один из них страдал от чахотки. Кашлял ужасно, спать совсем не давал. И как-то ночью кашель прекратился – несчастный умер. Но папа сказал, что они все тогда слишком вымотались, поэтому смогли лишь прочитать над ним молитву и сразу же заснули.

Мальчик умолк и почесал нос.

– Потом папа вдруг проснулся оттого, что его поднимают за руки, за ноги. Начал пинаться и орать так, что его вырвали, и он грохнулся головой прямо о каменный пол. Сел, значит, потирая макушку, и понял, что глядит на доктора из местной больницы и двух ребят, которых тот снарядил с собой, чтобы забрать тело на вскрытие.

Юный Иэн широко усмехнулся воспоминаниям, убирая с лица влажные от пота волосы.

– Папа говорил, что не знал, кого больше боялся: доктора или парней, выбравших не то тело. Доктор-то сожалел: мол, из папы вышел бы более любопытный образец. Ну, одноногий, все такое.

Джейми рассмеялся, потягиваясь, чтобы расслабить плечи. Перепачканный, да с повязанным на голове платком, чтобы волосы не мешались, он выглядел ничем не лучше расхитителя могил.

– Ага, помню эту историю. Теперь Иэн-старший всех докторов считает упырями и садистами и ничего общего с ними иметь не желает.

Джейми усмехнулся, глядя на меня. В своем времени я была врачом, причем хирургом; здесь же я могла выдавать себя лишь за знахарку, сведущую в травах.

– К счастью, я каких-то там упырей не боюсь, – сказал Джейми и быстро меня поцеловал.

Его губы были теплыми, с привкусом эля. По груди стекал пот, цепляясь за завитки волос. В тусклом свете на коже темнели соски. Я вздрогнула, но вовсе не от холода или злобщей обстановки. Джейми заметил. Наши взгляды встретились. Он глубоко вздохнул, и я вдруг почувствовала всю тесноту корсажа и тяжесть собственной груди под пропитавшейся потом тканью.

Джейми слегка шевельнулся, пытаясь встать так, чтобы и без того узкие штаны не давили на плоть.

– Вот черт... – тихонько выругался он и отвел взгляд, печально улыбаясь.

Так бывает. Внезапная вспышка похоти – частая, пусть и странная реакция на близость смерти. Такое случается и у солдат после боя, и у врачей после тяжелой работы по локти в крови. Может, Иэн и прав, доктора те еще упыри...

Джейми коснулся моей спины, и я вновь вздрогнула. От резкого движения с факела посыпались искры. Джейми забрал его и кивнул на надгробие рядом.

– Присядь, саксоночка. Тебе вредно столько стоять.

Во время кораблекрушения я заработала трещину в большеберцовой кости левой ноги, и нога до сих пор иногда болела.

– Все хорошо, – отозвалась я, однако шагнула к надгробию, по пути легонько задев Джейми.

Он излучал жар, но на ощупь его кожа была прохладной – ее остудил выступивший пот. Джейми покрылся мурашками от моего касания. Я слотнула, отгоняя внезапное видение: темнота, страстные объятия, смятая трава...

Джейми приласкал мой локоть, помогая усесться на камень. Рядом обнаружился Ролло. Он тяжело дышал от духоты, на клыках поблескивали капли слюны, желтые глаза прищурились.

– Даже не думай, – отрезала я, шурясь на пса в ответ. – Укусишь – я тебе туфлю в пасть затолкаю, подавишься.

– Гав, – негромко ответил Ролло. Он устроил морду на лапах, но мохнатые уши стояли торчком, готовые уловить малейший шорох.

Лопата с тихим чавканьем вошла в землю у ног Иэна. Выпрямившись, юноша вытер пот с лица грязной ладонью, шумно выдохнул и по-собачьи вывалил язык, изображая усталость.

– Ага, уже хватит, – кивнул Джейми на его безмолвную мольбу. – Пойду за Гэвином.

Фергус нахмурился.

– А вы сами донесете тело, милорд? – произнес он, явно не желая с этим связываться.

– Справлюсь, – криво улыбнулся Джейми. – Гэвин небольшого роста. А вот факел понадобится. Посветишь мне?

– И я пойду, дядя! – Иэн бегом выкарабкался из могилы. – На всякий случай, вдруг помочь надо, – добавил он, запыхавшись.

– Боишься один в темноте остаться? – съязвил Фергус.

Наверное, это место и его самого заставляло понервничать. Да, он частенько дразнил Иэна, к которому относился как к младшему брату, однако почти не шутил по-настоящему жестоко.

– Ага, боюсь, – просто ответил Иэн. – А ты нет?

Вскинув брови, Фергус промолчал и последовал за Джейми к темному провалу покойничьих ворот.

– Правда здесь страшно, тетушка? – смущенно пробормотал Иэн, держась ко мне поближе, пока мы пробирались мимо надгробий вслед за огоньком факела. – Все думаю про ту историю, что дядя Джейми рассказал. Теперь ведь Гэвин умер, и, может, та холодная штука-ковина... То есть теперь... она за ним вернется?

Мальчишка шумно сглотнул, и мне показалось, будто ледяные пальцы коснулись спины.

– Нет, – сказала я довольно громко и схватила Иэна под руку, даже не ради поддержки, а чтобы убедиться, что он живой и теплый. – Конечно, нет.

Кожа мальчика была липкой от пота, но ощущение мышц под ладонью успокаивало. А почти невидимая фигура напоминала о Джейми. Иэн вымахал едва ли не с него ростом, да и в силе прибавил, хотя по-прежнему оставался тощим и нескладным, как любой подросток.

Мы с благодарностью шагнули в крошечный островок света от факела в руке Фергуса. Огонь плясал, и колеса фургона отбрасывали причудливые тени-паутины. На дороге было точно так же душно, как и на кладбище, но дышалось почему-то легче, свободнее. Больше не нависали давящие деревья.

Дункан, как ни странно, еще не заснул. Он ссутулился на козлах, втянув голову в плечи, словно сонный филин, и мурлыкал себе под нос, пока не увидел нас. Долгое ожидание, наверное, слегка привело его в чувство, он достаточно уверенно соскользнул с места и направился помогать Джейми.

Я подавила зевок. Поскорее бы уже разделаться с нашим печальным долгом и отдохнуть, даже на постели из горы листьев...

– *Ifrinn an Diabhuil! A Dhia, thoir cobhair!*³

– *Sacrée Vierge!*⁴

Я скинула голову. Испуганные лошади ржали и рвались из упряжи, от чего фургон дергался и раскачивался.

– Гав! – высказался рядом со мной Ролло.

– Господи! – выдохнул Иэн, таращась на фургон. – Господи Иисусе!

Я завизжала. Из фургона показалась бледная фигура. Больше я ничего не успела увидеть – все завертелось.

Ролло бросился вперед с рычанием, вторившим крикам Иэна и Джейми и жуткому вою призрака. У меня за спиной послышались ругательства на французском – Фергус рванул обратно на кладбище, в темноте спотыкаясь и врезаясь в надгробия.

Джейми выронил факел – огонь замигал и зашипел на пыльной дороге. Рухнув на колени, я подхватила его и принялась отчаянно раздувать пламя.

Крики и рычание стали громче, а когда я поднялась с факелом в руке, то увидела, как Иэн пытается оттащить Ролло от смутных фигур, которые катались по земле в облаке пыли.

– *Arrêtes, espèce de cochon!*⁵ – выскочил из темноты Фергус, угрожающе взмахивая лопатой.

Поняв, что никто не обратил на него внимания, он шагнул вперед и двинул лопатой по голове пришельца с глухим «бам!», а потом развернулся к Иэну с Ролло.

³ Тысяча чертей! Господи, помоги! (*гэльск.*)

⁴ Святая Дева! (*фр.*)

⁵ Стоять, свинья! (*фр.*)

– И ты угомонись, – пригрозил псу Фергус. – Сейчас же умолкни, поганая тварь, или я мозги тебе вышибу!

Ролло заворчал, оскалив огромные зубы, что, на мой взгляд, переводилось, как «а еще чего?». Однако его удержал Иэн: что было силы обхватил пса за шею руками.

– Откуда он взялся? – Мальчишка вытянул шею, пытаясь рассмотреть упавшее тело и одновременно не выпустить Ролло.

– Из ада, – буркнул Фергус. – Сейчас я его отправлю обратно.

От пережитого потрясения и напряжения он весь дрожал. Крюк тускло блеснул, когда Фергус смахнул им с лица прядь густых черных волос.

– Не из ада, а с казни. Ты что, не узнал?

Джейми медленно поднялся, оттряхивая штаны.

– Где Дункан? – огляделся он, вытирая лицо платком.

– Здесь, Макдью, – послышался мрачный голос со стороны упряжки. – Лошадям и так Гэвин не нравится, а тут они совсем расстроились. Правда, – признал Дункан, – я и сам струхнул малость. – Он недовольно уставился на человека в пыли и крепко похлопал по шее норовистую лошадку. – Эй, это просто какой-то недоумок, угомонись, хорошая моя.

Вручив факел Иэну, я опустила на колени и осмотрела незнакомца. Досталось ему несильно, он уже шевелился. Джейми прав: нашим гостем оказался тот самый беглец. Молодой мужчина, лет тридцати, хорошо сложенный и сильный. Светлые волосы свалились от грязи и пота. А еще от него несло тюрьмой и страхом. Неудивительно.

Я поддержала его под локоть, помогла сесть. Беглец заворчал, держась за голову.

– Как вы?

– Благодарствую, мэм, бывало и получше, – заговорил он с легким ирландским акцентом. Голос у него оказался мягкий, глубокий.

Ролло, слегка скалясь, сунул нос под мышку мужчине, а потом отдернул голову и шумно чихнул. Раздались тихие смешки, и напряжение мгновенно спало.

– Ты как долго там просидел? – требовательно спросил Дункан.

– Да с полудня. – Беглец поднялся на колени, покачиваясь после удара лопатой. Он снова коснулся головы и поморщился. – Ох, господи... Заполз туда, как только французик погрузил беднягу Гэвина.

– А до этого вы где были? – спросил Иэн.

– Под виселицей прятался. Думал, туда-то они уж точно не заглянут. – Глаза его в свете факела были светло-зелеными, как вода на отмели. Взгляд заметался от лица к лицу и наконец остановился на Джейми. – Стивен Боннет. К вашим услугам, сэр.

Руку для приветствия он не протянул. Как и Джейми.

– Мистер Боннет, – кивнул тот в ответ, сохраняя на лице спокойствие.

Не знаю, как он умудрялся смотреться так внушительно, будучи одет лишь в пару влажных грязных штанов.

Таких, как Боннет, деревенские жители называли ладно сбитыми, с грубым, по-своему красивым лицом. Ростом он был немного ниже Джейми, но стоял расслабленно, слегка сжимая кулаки. Драться умеет – судя по немного искривленному носу и шрамику в углу рта. Впрочем, эти изъяны нисколько не умаляли его животной притягательности. Женщины на таких падки. Однако далеко не все, поправила себя я, когда он бросил на меня задумчивый взгляд.

– За какую провинность вас приговорили к смерти, мистер Боннет? – спросил Джейми.

Он тоже выглядел спокойным, хотя напряженно следил за собеседником – точно как сам Боннет. словно два пса, прижав уши, оценивают, когда броситься в бой.

– Контрабанда, – кратко ответил Боннет.

Джейми молча наклонил голову.

– И пиратство. – На лице дернулась мышца – это Боннет пытался улыбнуться или невольно выдал страх?

– А совершая преступления, вы часом не убивали?

«Хорошенько подумай, – говорили глаза Джейми, – а потом подумай еще раз».

– Только тех, кто первым хотел убить меня. – Слова прозвучали легко, почти беспечно. А вот рука Боннета, напротив, сжалась в кулак.

Меня осенило: Боннет сейчас будто вновь предстал перед судом. Он ведь не знает, что мы точно так же не желаем иметь дело с солдатами.

Джейми еще раз присмотрелся к чужаку, а потом кивнул и отступил на полшага назад.

– Что ж, идите, – тихо сказал он. – Мы не станем мешать.

Боннет шумно выдохнул. Сильное тело расслабилось, а плечи под дешевой льняной рубахой опустились.

– Благодарю, – отозвался он, затем провел ладонью по лицу и снова вздохнул. Взгляд метнулся от меня к Фергусу, потом к Дункану. – Может, вы мне подсобите?

Дункан, успокоившийся после слов Джейми, удивленно заворчал:

– Подсобить? Тебе, вору?

Боннет повернулся к нему. Железный ошейник создавал странное впечатление – будто голова парила отдельно от тела.

– Помогите, – повторил Боннет. – На дорогах полно солдат – все меня ищут. А вы могли бы тихонько провезти меня мимо них... если того пожелаете. – Он указал на фургон и повернулся к Джейми, снова выпрямив спину. – Молю о помощи, сэръ, именем Гэвина Хэйза, который также был моим другом. И вором, как я.

Мои товарищи задумались. Фергус вопросительно глянул на Джейми. Решение оставалось за ним. Джейми повернулся к Дункану.

– Что скажешь?

– Ради Гэвина, – наконец кивнул тот и направился к воротам кладбища.

– Ладно, – вздохнул Джейми и убрал выбившуюся прядь волос за ухо. – Помогите нам похоронить Гэвина, – обратился он к нашему новому гостю. – И в путь.

Через час могила Гэвина была уже лишь голым прямоугольником свежевскопанной земли.

– Надо написать имя, – сказал Джейми и тщательно выцарапал буквы и даты кончиком ножа на гладком камне.

Я втерла в камень немного сажи с факела; надпись стало лучше видно, и Иэн установил это своеобразное «надгробие» на груду заранее собранной гальки. Сверху Джейми осторожно опустил огарок свечи.

Все мы неловко постояли над могилой, не зная, как попрощаться с Гэвином. Джейми и Дункан держались рядом, опустив глаза. После Каллодена им многих довелось провожать в последний путь, зачастую куда менее торжественно.

Наконец Джейми кивнул Фергусу, и тот, запалив сухую веточку от факела, поджег фитиль свечи.

– *Requiem aeternam dona ei, et lux perpetua luceat ei...* – тихонько проговорил Джейми.

– Да будет он вечно покоиться в мире, и пусть над ним сияет вечный свет... – печальным эхом отозвался Иэн.

Мы молча развернулись и покинули кладбище. Позади осталась гореть свеча – как лампада в пустой церкви.

Когда мы добрались до заставы за городской стеной, на небо поднялась луна, и ее света хватало, чтобы различить широкую ухабистую дорогу.

Мы уже проезжали подобные заставы по пути из Саванны в Чарльстон. Скучающие солдаты попросту давали отмашку, не глядя на пропуска, которые мы добыли в Джорджии. На заставах в основном пытались не допустить контрабанду да отлавливали беглых рабов.

Даже грязными и оборванными, мы легко миновали большинство из них: обычно путешественники выглядели не лучше нашего. Фергуса и Дункана не могли принять за рабов из-за увечий, а вид Джейми говорил сам за себя – и в потрепанной одежде его никто не назвал бы прислугой.

Но теперь все было иначе. На заставе нас встретили восемь солдат, а не привычные два, причем все были начеку и при оружии. В лунном свете тускло сверкнули стволы мушкетов.

– Стой! – раздался окрик из темноты. – Кто такие, куда направляетесь?

Свет больно резанул по глазам – кто-то сунул фонарь мне чуть ли не в лицо.

– Джеймс Фрейзер, направляюсь в Уилмингтон с семьей и слугами, – спокойно проговорил Джейми. Он передал мне поводья и потянулся за пропусками.

Я опустила голову, стараясь притвориться усталой и безучастной. То есть я устала, конечно же, – хоть посреди дороги завалилась бы спать, – но до безучастной мне было далеко. Что они делают с теми, кто помогает осужденным сбежать?.. По шее стекла капелька пота.

– Никого не встретили по дороге, сэр? – Обращение «сэр» солдат выдавил нехотя – уж слишком обшарпано мы выглядели, даже в свете одинокого фонаря.

– Только экипаж, который нас обогнал. Думаю, вы и сами его видели, – ответил Джейми.

Сержант что-то проворчал в ответ, внимательно изучая пропуска, а потом взгляделся в темноту – пересчитывал нас.

– Что везете? – Он вернул пропуска и жестом приказал подчиненному обыскать фургон.

Я нечаянно дернула поводья, и лошади зафырчали, мотая головами. Нога Джейми тут же коснулась моей.

– Домашние вещи, – ответил он, по-прежнему невозмутимый. – Половину оленьей туши и соль для пропитания. И тело.

Солдат, потянувшийся было к фургону, замер.

– И что? – уставился на Джейми сержант.

Джейми забрал у меня поводья и привычным движением обернул их вокруг запястья. Краем глаза я заметила, как Дункан скользнул в сторону темного леса. Фергус с проворством карманника уже давно исчез из виду.

– Тело человека, повешенного сегодня днем. Мы были знакомы. Полковник Франклин разрешил отвезти его родственникам, на север. Поэтому мы путешествуем по ночам, – уточнил Джейми.

– Ясно. – Сержант подозвал солдата с фонарем поближе и задумчиво прищурился. – А я вас помню. Вы его окликнули в последний момент. Друг, что ли?

– Познакомились однажды. Несколько лет назад.

Сержант кивнул подчиненному, не сводя с Джейми глаз.

– Гризвольд, проверь.

Гризвольд, которому на вид было лет четырнадцать, совсем не обрадовался приказу, но послушно отодвинул брезент и приподнял фонарь. Я еле удержалась, чтобы не оглянуться.

Лошадь снова всхрапнула и дернула головой. Если нам придется удирать, кони все равно не сразу сдвинут фургон с места... Сзади зашевелился Иэн – мальчишка тайком сжал дубинку, спрятанную под сиденьем.

– Так точно, сэр, тело, – отчитался Гризвольд. – В саване.

Он с облегчением опустил брезент и шумно выдохнул.

– Ткни его пару раз штыком.

Должно быть, я издавала какой-то звук – взгляд сержанта метнулся ко мне.

– Вы испортите фургон, – возразил Джейми. – Тело-то уже порядком разложилось, после целого дня на солнце.

Сержант нетерпеливо фыркнул.

– Тогда ткни в ногу. Гризвольд, бегом!

С откровенной неохотой солдат прикрепил штык к мушкету и, привстав на цыпочки, осторожно потыкал им в фургон. Иэн начал тихонечко насвистывать гэльскую песенку, название которой переводилось как «Утром мы умрем». Бестактный мальчишка.

– Точно мертв, сэр. – Гризвольд с заметным облегчением опустил на пятки. – Я сильно ткнул, а он и не дернулся.

– Ладно. – Отпустив юношу коротким жестом, сержант кивнул Джейми. – Можете отправляться, мистер Фрейзер. Впредь выбирайте друзей получше.

Костяшки пальцев, сжимавших поводья, побелели, однако Джейми лишь выпрямился и поправил шляпу. Он цокнул языком – лошади тут же сорвались в бег, оставляя за собой облачка пыли.

После света темнота, казалось, поглотила нас полностью. Я почти ничего в ней не различала, даже несмотря на луну, и почувствовала облегчение, сродни тому, что ощущают загнанные звери, обретая убежище. Дышалось мне, несмотря на духоту, куда свободнее.

Почти четверть мили мы преодолели в молчании.

– Вы ранены, мистер Боннет? – громким шепотом спросил Иэн.

– Ага, чертов щенок ткнул меня в бедро, – тихо отозвался тот. – Слава богу, кровь тогда не успела пропитать саван. Откуда она у мертвеца?

– Сильно ранены? Осмотреть вас? – оглянулась я.

Боннет – смутная фигура – откинул брезент и уселся.

– Нет, мэм, благодарю. Уже обвязал ногу чулком; думаю, сойдет пока.

Он наклонил голову, и я разглядела во тьме его светлую шевелюру.

– Ходить сможете? – Джейми перевел лошадей на шаг и тоже оглянулся на гостя. Хотя говорил он вполне дружелюбно, было ясно, что он хочет избавиться от такого опасного попутчика как можно скорее.

– С трудом. Прошу прощения, сэр.

Боннет тоже почувствовал желание Джейми. Он кое-как поднялся, опираясь на здоровое колено. Нижняя часть туловища скрывалась в темноте, но я чувствовала запах крови, куда более резкий, чем уже едва различимый душок от савана.

– Есть предложение, мистер Фрейзер. Через три мили будет дорога Ферри-Трейл. Через милю после перекрестка будет другая – к побережью, узкая и ухабистая. Приведет она к устью ручья с выходом в море. В течение недели там встанут на якорь мои товарищи. Если вы любезно оставите мне немного провизии, я дождусь их в относительной безопасности, а вы продолжите путь уже без моей сомнительной компании.

– Товарищи? То есть пираты? – насторожился Иэн. Так как из Шотландии его выкрали именно они, мальчишка больше ни капли не романтизировал морских разбойников, как обычно делают пятнадцатилетние юнцы.

– Ну, это с какой стороны посмотреть, парень, – хмыкнул Боннет. – Конечно, так их назовут власти Каролины, а вот торговцы из Уилмингтона и Чарльстона, возможно, не согласятся.

Джейми фыркнул.

– Контрабандисты, да? И что же возят ваши товарищи?

– Все, что оправдает риск, – так же насмешливо отозвался Боннет, правда, теперь уже с долей цинизма. – Желаете вознаграждение за помощь? Можно устроить.

– Не желаем, – холодно ответил Джейми. – Я спас вас ради Гэвина Хэйза... и ради себя. И не ищу вознаграждения.

– Не хотел вас обидеть, сэр, – слегка наклонил голову Боннет.

– Все в порядке. – Джейми намотал поводья на другое запястье.

Солдаты нам больше не встречались, да и вообще все замерло, даже ветерок не шелестел в листве. Ничто не нарушало тишину летней ночи, лишь тоненько чирикала пролетающая птичка или ухала сова.

Тихий, ровный перестук копыт и поскрипывание фургона потихоньку усыпляли. Я старалась сидеть ровно, вглядываясь в тени деревьев, но все равно постепенно заваливалась на Джейми, а глаза закрывались, как я ни старалась держать их открытыми.

Джейми взял поводья в левую руку и, обняв меня правой, уложил к себе на плечо. С ним рядом всегда так спокойно. Я обмякла, прижавшись щекой к пыльному сюртуку, и тут же погрузилась в тревожную дрему, свойственную измученному телу, когда лечь нет возможности.

В какой-то момент я открыла глаза и увидела высокую, худощавую фигуру Дункана Иннеса. Он неутомимо, как истинный горец, шагал рядом с фургоном, склонив голову, будто размышлял. Затем я вновь задремала, и прожитый день смешался с обрывками снов. В них под столом таверны сидел огромный скунс и распевал со всеми гимн «Знамя, усыпанное звездами». Потом был труп в петле, он вдруг поднял голову на сломанной шее и усмехнулся, глядя пустыми глазницами...

Джейми осторожно потряс меня за плечо – и я проснулась.

– Ты бы лучше забралась в фургон да поспала, саксоночка. Дергаешься во сне, ненароком на дорогу свалишься.

Согласно буркнув, я неловко перелезла назад. Там я поменялась местами с Боннетом и прилегла рядом с дремлющим Иэном.

Внутри фургона пахло плесенью. И еще чем похуже. Иэн пристроил голову на грубо разделанную оленину, завернутую в недубленую шкуру. Ролло уткнулся мохнатой мордой Иэну в живот. Я же взяла вместо подушки кожаный мешочек соли. Жестко, зато не воняет.

Фургон нещадно трясло, но наконец вытянуть ноги было настолько приятно, что остальные неудобства я попросту перестала замечать. Я перевернулась на спину и вгляделась в необъятное южное небо, густо усеянное сияющими звездами. Да будет свет... Утешившись мыслью, что Гэвин Хэйз наконец встретил свою семью в раю, я заснула как убитая.

Не знаю, сколько я проспала, разомлев от жары и усталости. Проснулась я, вся мокрая от пота, когда фургон поехал быстрее.

Боннет и Джейми негромко беседовали, преодолев неловкость после знакомства.

– Вы сказали, что спасли меня ради Гэвина Хэйза... и ради себя, – произнес Боннет почти неслышно из-за громыхающих колес. – Что вы имели в виду, сэр, если позволите спросить?

Джейми ответил не сразу – я даже почти успела снова задремать.

– Прошлой ночью вы ведь почти не спали, так? Зная, что будет утром.

Боннет невесело рассмеялся.

– Воистину. Еще не скоро это забуду.

– Вот и я. – Джейми мягко обратился к лошадям по-гэльски, и они замедлили ход. – Мне тоже довелось пережить такую ночь, когда наутро меня должны были повесить. Однако, вот он я, жив, благодаря тому, кто рискнул всем ради моего спасения.

– Ясно, – тихо отозвался Боннет. – Значит, вы *асгина-агели*?

– А? И что же это?

По бокам фургона зашуршали листья и заскребли ветки. Резче запахло пряным древесным соком. Что-то легонько мазнуло мне по лицу – листья падали и сверху. Лошади еще больше сбавили ход, скрип фургона стал другим, а колеса покатались по неровной поверхности. Мы свернули на дорогу к ручью, о котором рассказывал Боннет.

– Так говорят краснокожие дикари, чероки с гор. Слышал от одного, который послужил мне однажды проводником. Это значит «полупризрак». Тот, кто должен был умереть, но

остался на земле. Женщина, выжившая после смертельной болезни, мужчина, попавший в руки врагов и сумевший бежать. Говорят, *асгина-агели* одной ногой стоит на земле, а другой – в мире духов. Такой человек способен общаться с ними и видеть *нуннаков* – Маленький Народец.

– Это как фейри? – удивился Джейми.

– Что-то вроде. – Боннет потянулся, и сиденье под ним скрипнуло. – Индейцы говорят, что *нуннаки* обитают внутри скал и выходят, чтобы помочь людям во время войн или иных бедствий.

– Похоже на шотландские легенды про Древний Народец.

– Действительно, – развеселился Боннет. – Значит, не так уж много различий между горцами и индейцами, а?

– Чушь, – ничуть не обиделся Джейми. – Слышал, краснокожие дикари поедают сердца врагов. Я вот предпочту добрую миску овсяной каши.

Боннет сдавленно фыркнул.

– Так вы горец? Ну, должен сказать, что для дикаря вы, на мой взгляд, весьма цивилизованны, – со смехом заверил он Джейми.

– Весьма признателен за подобную оценку, сэр, – отозвался тот.

Их голоса постепенно слились с ритмичным поскрипыванием колес, и я снова погрузилась в сон.

Когда мы остановились, луну едва было видно за деревьями. Меня разбудил Иэн, который сонно выбирался из фургона, чтобы помочь Джейми распрячь лошадей. Я высунулась и разглядела широкую полосу воды меж глинистых берегов. Темный поток блеснул серебром там, где она подергивалась рябью у камней. Может, Боннет, со свойственной для Нового Света склонностью преуменьшать, и назвал это ручьем, но большинство лодочников посчитали бы его вполне приличной рекой.

Мои спутники бродили туда-сюда в тених, почти безмолвно выполняя каждый свое поручение. Двигались непривычно медленно, растворяясь в ночи, словно усталость совсем их истончила.

– Найди себе местечко для ночлега, саксоночка. – Джейми помог мне спрыгнуть с фургона. – А я соберу провизию для нашего гостя и отправлю его в путь, а потом позабочусь о лошадях.

Возле воды воздух порядком посвежел, и я слегка воспрянула духом.

– Не засну, пока не искупаюсь! Ужасно себя чувствую.

К влажному виску пристали пряди волос, а вся кожа чесалась от грязи. Темная вода так и манила прохладой. Джейми задумчиво уставился на реку, дернув мятый шейный платок.

– Да уж, понимаю. Только осторожно, ладно? Боннет говорит, здесь глубоко, а еще река приливная – тут сильное течение.

– Буду у самого берега. – Я кивнула на небольшой выступ земли, где река поворачивала и ивы отливали серебром в лунном свете. – Видишь? Там заводь.

– Ага. Смотри, осторожно, – повторил Джейми и сжал мой локоть на прощание.

Только я повернулась, как передо мной возникла смутная высокая фигура – наш гость, чья штанина потемнела от засохшей крови.

– Ваш покорный слуга, мэм, – отвесил он мне должный поклон, несмотря на раненую ногу. – Неужели мы уже прощаемся?

Боннет стоял слишком близко. Я чуть было не отшатнулась.

– Да, – кивнула я, отбросив со лба упавшие пряди. – Удачи вам, мистер Боннет.

– Благодарю за доброе пожелание, мэм, – тихо ответил он. – Но я убедился, что человек зачастую сам должен позаботиться о своей удаче. Доброй вам ночи, мэм.

Он вновь поклонился и отошел, сильно хромя, как призрак раненого медведя.

Шум речного потока заглушал привычные ночные звуки. Над водой, в погоне за крошечными насекомыми, пронеслась летучая мышь.

Джейми тихо ворчал себе под нос.

– Все-таки сомневаюсь я в нем, – произнес он, хотя я ничего не спросила. – Надеюсь, что проявил великодушие, а не сглумил.

– Не отправлять же его на виселицу, – сказала я.

– Ну, я мог.

Джейми увидел мой изумленный взгляд и криво усмехнулся.

– Власти не всегда ошибаются с приговором, саксоночка. Чаще всего повешенный заслуживает свою судьбу. А я не хочу думать, что помог злодею сбежать. – Он пожал плечами и отбросил волосы с лица. – Ладно, дело уже сделано. Иди искупайся. Я подойду, как смогу.

Поднявшись на цыпочки, я потянулась его поцеловать и почувствовала, как он улыбнулся. Я осторожно коснулась его рта языком, словно спрашивая, а Джейми легонько прикусил мою нижнюю губу в ответ.

– Сможешь потом еще немного потерпеть без сна, саксоночка? Самую малость?

– Столько, сколько нужно, – заверила его я. – Но ты поспеши.

Под ивами обнаружилась полянка. Я медленно разделась, с удовольствием ощущая дуновение ветерка и свободу от влажной одежды.

Я осторожно ступила в воду, на удивление прохладную, даже холодную, по сравнению с горячим ночным воздухом. Илистое дно, стоило отойти от берега, стало песчаным.

Хотя на реку влияли морские приливы и отливы, мы остановились достаточно высоко по течению, поэтому вода была свежей и пресной. Я попила и умылась, смывая пыль.

В воду я вошла только до середины бедра, памятуя о предупреждении. О, как прекрасно почувствовать прохладу на коже после изнуряющей дневной жары и объятий ночной духоты! Я плеснула пригоршню воды на грудь. Капли, щекоча, стекли по животу.

Близился прилив – небольшие волны бились о ноги, подталкивая к берегу. Но я еще не собиралась уходить. Мыла у меня не было, так что я просто несколько раз промыла волосы чистой водой, а кожу натерла песком, пока она не засияла от чистоты.

Потом, забравшись на прогретый за день камень, я растянулась на нем, как русалка в лунном свете. Не спеша вычесала длинные, вьющиеся волосы пальцами. Несмотря на чудовищную усталость, я почему-то чувствовала себя живой, будучи в том состоянии, когда мысли замедляют ход, зато усиливаются ощущения. Моя грудь набухла, как два белых купола, усеянные прозрачными каплями. Я легонько коснулась соска – он медленно затвердел сам собой, словно по волшебству.

До чего же здесь... да, волшебно. Тихой безветренной ночью я будто покачивалась на водах теплого моря. В небе, таком чистом над побережьем, ярко сияли звезды. Всплеск. Я уставилась на воду. Ничего – только круги на темной поверхности. Отражения звезд заматались в них, как светлячки в паутине.

И вдруг посреди ручья вверх вырвалась морда. Во все стороны полетели брызги. Во рту Ролло билась рыба. Мелькнули чешуйки – он яростно мотнул головой и сломал ей хребет. Огромный пес медленно поплыл к берегу, отряхнулся и побрел прочь, сжимая свой обмякший ужин в зубах.

Он на миг остановился, уставившись на меня. Желтые глаза и чешуя рыбы блеснули в обрамлении темной шерсти. Как на картине примитивиста. Как у Анри Руссо: бескрайняя дикость и полное спокойствие.

Затем пес ушел, и на другом конце берега остались лишь деревья и то, что скрывалось за ними. А что там? Больше деревьев, подсказал разум.

– Куда больше, – пробормотала я, взглядываясь в таинственный мрак.

Цивилизованный мир – даже в такой примитивной форме, к которой я постепенно привыкла, – лежал тонким полумесяцем вдоль побережья. Двести миль в глубь континента – и уже не встретишь ни города, ни захудалой фермы. Дальше распростерлись долгие три тысячи миль... чего? Дикой местности, конечно, и таящейся опасности. А еще приключений... и свободы.

Новый мир, полный страха и радости, ведь теперь мы с Джейми вместе навсегда. Расставания и печали остались позади. Даже мысли о Брианне не причиняли боли. Да, я ужасно скучала по дочери и постоянно о ней вспоминала. Но в то же время знала, что она спокойно живет в своем времени, и знание это смягчало разлуку.

Накопившийся в камне жар прошедшего дня перетекал теплом в мое тело. Капли влаги высыхали прямо на глазах. Как хорошо чувствовать себя живой...

Над водой вились стайки мошек; я слышала, как временами из воды выпрыгивают рыбы, чтобы их поймать.

Насекомые были просто вездесущим проклятием. Каждое утро я тщательно проверяла кожу Джейми, снимала с него ненасытных клещей и блох, щедро смазывала всех своих спутников соком давленной болотной мяты и табачного листа. Если бы не это, нас бы съели заживо, ведь москиты и прочие кровососущие твари тучами вились в лесах. Правда, они все равно доводили до бешенства тем, что вечно забивались в уши, носы, попадали в рот или в глаза.

Как ни странно, большинство насекомых ко мне не приближались. Иэн шутил, что от меня слишком сильно разит травами, но, кажется, все было сложнее. Я не интересовала эту летучую братию даже сразу после купания.

Я думала, так проявляются чудеса эволюции. Наверное, они же и защищали меня в этом мире от простуд и мелких заболеваний. Микробы развиваются вместе с человеком и очень тонко чувствуют малейшие химические сигналы организма «хозяина». Так как я появилась из другого времени, мои сигналы иные, поэтому насекомые не видят во мне добычу.

– Или Иэн прав, и от меня просто воняет, – сказала я вслух.

Я макнула пальцы в воду и обдала брызгами стрекозу, тоже присевшую на камень, прозрачную тень, чьи яркие цвета поглотила тьма.

Хоть бы Джейми поспешил... Я столько дней провела рядом с ним в фургоне, замечая малейшие движения, когда он управлял лошадьми, тени на лице, когда он говорил или улыбался... Очень хотелось до него дотронуться. Мы уже несколько дней не занимались любовью – пришлось спешить, чтобы прибыть в Чарльстон вовремя, да и мне не нравится, когда нас могут услышать.

Пронесся теплый ветерок – крошечные волоски на теле встали дыбом. Сейчас можно не спешить, да и нет никого. Я провела ладонью по мягкому животу и ниже, по нежной внутренней стороне бедер, где в такт сердцебиению пульсировала кровь. Коснулась влажной, набухшей ложбинки, изнывающей от желания.

– Ну и где тебя черти носят, Джейми Фрейзер?... – пробормотала я, легонько себя лаская.

– Я здесь, – раздался хриплый ответ.

Я испуганно распахнула глаза. Джейми стоял чуть поодаль, по бедра в воде, и его напряженная плоть темнела на фоне светлой кожи. Распушенные волосы ниспадали на плечи, обрамляя белое, как кость, лицо с немигающими, пристальными глазами, как у нашего то ли пса, то ли волка. Застывшее воплощение дикости.

А потом Джейми решительно шагнул вперед. Его прохладная кожа за считанные секунды стала горячей. Жар передался и мне. Наши губы соприкоснулись, и я растаяла в нем – почти буквально. Плевать, насколько сейчас жарко. Даже полчища насекомых больше не пугали. Я приподняла бедра, и Джейми вошел в меня, твердый и гладкий, и вся прохлада покинула его, как клинок, обогранный горячей кровью.

Мои руки скользили по его влажной спине, а по коже стекали ручейки пота, увлажняя наши животы и бедра, трущиеся друг о друга.

– Господи, у тебя рот такой же соленый и скользкий, как и лоно, – пробормотал Джейми.

Он слизнул крошечные бисеринки пота с моего лица, почти невесомо поцеловал в висок. Я почти забыла, что лежу на голом камне, а его поверхность царапает спину и ягодицы.

– Не могу больше держаться, – прошептал Джейми, тяжело дыша.

– И не надо, – отозвалась я, обхватывая ногами его бедра, прижимаясь крепче в мимолетном безумии единения. – Я, конечно, слышала, что люди могут сгореть от страсти, – проговорила я, слегка запыхавшись, – но это все глупости.

Джейми приподнял голову, лежавшую на моей груди, а потом рассмеялся.

– Господи, ну и жарко! – Он откинул влажные волосы со лба и шумно выдохнул. – Как вообще местные в такую жару любовью занимаются?

– Так же, как и мы только что, – заметила я, сама пытаюсь перевести дыхание.

– Нет, – уверенно заявил Джейми. – Так ведь и помереть можно в процессе!

– Наверное, они делают это медленно, – предположила я. – Или под водой. Или ждут осени.

– Осени? – переспросил Джейми. – Что-то мне все-таки не хочется жить на юге. А в Бостоне жарко?

– В это время года – да. И жутко холодно зимой. Уверена, ты привыкнешь к жаре. И к насекомым.

Джейми стряхнул с плеча комара и глянул на берег.

– Может, привыкну, – сказал он, – а может, и нет, но пока...

Он крепко стиснул меня и перекатился по камню. Мы грациозно, как два полена, свалились в воду.

Мы снова лежали на камне, едва касаясь друг друга. Последние капли влаги высыхали на прохладной коже. На другой стороне речки ветви ив касались воды, а кроны чернели на фоне заходящего полумесяца. За ивами на долгие мили простирался девственный лес, ведь города пока ютились лишь на самом краю континента.

Джейми проследил за моим взглядом и угадал, о чем я задумалась.

– Совсем не похоже на то, где ты была в свое время, да? – кивнул он на полную листвы темноту.

– Пожалуй. – Я сплела свои пальцы с его, рассеянно поглаживая широкие костяшки Джейми. – Дороги будут вымощены, но не булыжниками, а скорее покрыты твердым, гладким веществом... его изобретет шотландец по фамилии Макадам.

Джейми изумленно хмыкнул.

– Значит, в Америке будут жить шотландцы? Здорово.

Я вглядывалась в колеблющиеся тени, словно могла как по волшебству создать из них процветающие города, которые однажды здесь вырастут.

– В Америке будет полно разных людей. И они освоят все земли, отсюда до Западного побережья, которое назовут Калифорнией. А пока... – Я слегка вздрогнула, несмотря на теплый воздух. – Здесь только три тысячи миль дикой местности. И больше ничего.

– Ага, ничего, кроме тысяч кровожадных дикарей, – рассудительно заметил Джейми. – И странных злобных тварей.

– Ну да, – согласилась я. – Наверное.

Эти мысли выбивали меня из колеи. Конечно, в принципе я знала, что в лесах живут индейцы, медведи и прочите лесные обитатели, но сейчас перед нами стояла вполне реальная перспектива внезапно столкнуться с ними лицом к лицу.

– А что будет с индейцами? – полюбопытствовал Джейми, тоже всматриваясь во тьму, как будто пытался рассмотреть в тенях будущее. – Их победят и прогонят?

Я снова вздрогнула и поджала пальцы ног.

– Да, так и будет. Большинство убьют. Немало бросят в тюрьмы.

– Ну и хорошо.

– Как посмотреть, – сухо сказала я. – Не думаю, что индейцы с тобой согласятся.

– Пожалуй, – отозвался Джейми. – Но когда чертов демон попытается содрать с меня скальп, меня что-то не очень будет волновать его мнение, саксоночка.

– Нельзя так просто их обвинять, – возразила я.

– Очень даже можно. Если индеец дерет с тебя скальп, то я еще как его обвиню, уж поверь.

– А тебе понравится, если вдруг появятся чужаки, которые будут убивать твой народ и лишат тебя родной земли, где вы жили испокон веков?

– Уже появились, – жестко сказал Джейми. – Иначе я по-прежнему жил бы в Шотландии, верно?

– Ну... – запнулась я. – В смысле... в таких обстоятельствах ты бы тоже сражался, так? Джейми глубоко вздохнул.

– Если англичанин нападет на мой дом, – произнес он, – конечно, я с ним сражусь. И убью не моргнув глазом. Но я не буду сдирать с его головы кожу и размахивать ею как флагом. И причиндалы его есть не стану. Я не дикарь, саксоночка.

– Я и не говорила, что ты дикарь! Просто...

– Кроме того, – неумолимо продолжал он, – я не собираюсь убивать индейцев. Пусть только ко мне не лезут, тогда и я их не ничуть не побеспокою.

– Уверена, их такая новость обрадует, – пробормотала я, решив, что на сегодня довольно уговоров.

Мы лежали, прижавшись друг к другу, и смотрели на звезды. Я вдруг почувствовала себя до слез счастливой – и одновременно напуганной. Сколько еще проживут наши чувства? Когда-то я считала, что вечно, но я была куда моложе...

Скоро, даст бог, мы осядем, найдем свой дом, начнем новую жизнь. Это предел моих мечтаний. Однако с моего возвращения прошло всего несколько месяцев. Каждое касание, каждое слово пока переплетались с воспоминаниями и отдавали ощущением первой встречи. Что случится, когда мы вновь друг к другу привыкнем, бок о бок погружаясь в рутину?

– Как думаешь, я тебе надоем? – пробормотал Джейми. – Когда мы осядем?

– Я только что подумала то же самое о тебе.

– Нет, – сказал он с улыбкой в голосе. – Мне-то ты точно не надоешь, саксоночка.

– Откуда ты знаешь?

– Раньше такого не было. Мы были женаты три года, и в последний день ты оставалась для меня такой же желанной, как в первый. Даже больше, наверное, – добавил он тихо, тоже вспоминая, как мы на прощание занимались любовью, прежде чем Джейми отправил меня в будущее сквозь камни.

Я наклонилась и поцеловала его. Теперь он был чистым и свежим, однако по-прежнему слегка пах былой страстью.

– Ты для меня тоже.

– Тогда не думай об этом, саксоночка, и я не стану. – Джейми погладил меня по волосам, убирая влажные кудри со лба. – Наверное, я всю жизнь буду тебя любить. Сколько я ни спал с тобой, ты все равно находишь чем удивить, как сегодня.

– Да? А что я сделала?

– Ну... хм... я не... то есть... – вдруг смутился он.

– М-м? – Я поцеловала кончик его уха.

– Когда я пришел... то, что ты делала... то есть, ты делала то, что я подумал?
Я улыбнулась, уткнувшись в его плечо.

– Зависит от того, что ты подумал.
Джейми перекатился на бок.

– Сама прекрасно знаешь.
Я коснулась его подбородка с выступившей щетиной.

– Да, я знаю. И ты прекрасно знаешь. Зачем спрашивать?
– Ну, я... я не думал, что женщины таким занимаются, вот и все.

– Занимаются. Мужчины тоже, – чуть улыбнулась я. – Ты точно. Сам говорил, что когда был в тюрьме...
– Это другое дело! – Джейми шевельнул губами, подбирая слова. – Я... тогда не было другого выхода. Не мог же я...
– А вне тюрьмы? – Я села и поправила влажную копну волос, поглядывая на него через плечо.
Кажется, Джейми покраснел.

– Ну... – буркнул он. – Ладно, признаю. А ты... того... часто? – Последнее слово вырвалось хрипом.

– Смотря что значит «часто». Я несколько лет пробыла вдовой, знаешь ли.
Джейми потер губы костяшками, глядя на меня с любопытством.

– Да, конечно. Просто... для меня новость, что женщины. – Его все больше охватывало восхищение. – А ты можешь... кончить? Без мужчины, в смысле?
Я расхохоталась, и мой смех эхом унесся прочь.

– С мужчиной куда приятней. – Я коснулась его груди, мягко обвела сосок пальцем, наблюдая, как Джейми покрывается мурашками. – Гораздо, – добавила я тихо.

– Это ведь хорошо?
Он был горяч – горячее, чем воздух вокруг нас, – и я сперва хотела отпрянуть, но сдержалась. Пот тут же заструился по коже.

– А мы еще никогда не занимались любовью вот так, – проговорил Джейми. – Да мы скользкие, как угри! Ты у меня из рук выскальзывает... – Он медленно провел ладонями по моей спине, надавливая большими пальцами на позвоночник.

– Это потому, что в Шотландии слишком холодно и мы не потеем как свиньи. Слушай, а свиньи вообще потеют? Любопытно.

– Не знаю, я таким со свиньей не занимался. – Джейми лизнул мою грудь. – Знаешь, саксоночка, ты на вкус как форель.

– Как что?!
– Свежая, мягкая и самую малость соленая, – пояснил он, приподняв голову, и продолжил спускаться.

– Щекотно! – Я вздрагивала от касаний его языка.

– Ага, так и должно быть. И вообще, что-то не по душе мне мысль, что ты можешь совсем без меня получать удовольствие.

– Не могу... ах!
– М-м? – донеслось снизу.
Я откинулась на спину, выгибаясь.

– Я говорю... «ах», – слабо повторила я.
А потом еще некоторое время не могла связать и пары слов, пока Джейми не отстранился, переводя дух. Я бережно убрала влажные пряди с его лица, а он поцеловал мою руку.

– Мне кажется, что я Ева, – тихо сказала я, наблюдая, как месяц опускается за темный лес. – На краю райского сада.
Джейми коротко фыркнул.

– Тогда я, выходит, Адам. У райских врат. – Он с тоской глянул на неизведанную тьму вдали и прижался щекой к моему животу. – Жаль только, что не знаю, вхожу я туда или наоборот.

Я рассмеялась, чем удивила Джейми, а потом обхватила его лицо руками, побуждая мягко улечься на мое влажное от пота тело.

– Входишь. В конце концов, ангела с огненным мечом не видать.

Он опустился на меня, горячий, словно в лихорадке, и я вздрогнула.

– Вот как? Может, ты его просто не заметила? – пробормотал Джейми.

И меня пронзил огненный меч, напрочь оторвав от реальности. Мы вспыхнули вместе, как яркие звезды в ночном небе, а потом рухнули с небес, опаленные и обессиленные. И наш пепел растворился в теплых водах первобытного моря, бурлящего зарождающейся жизнью.

Часть вторая Прошлое, незавершенное

Глава 3 Кошка священника

Бостон, Массачусетс, июнь 1969-го

– Брианна?

– А? – Она рывком села. Сердце бешено колотилось. Звук собственного имени звенел в ушах. – Кто... что?

– А, ты спала. Черт, как знал, что не вовремя! Извини, давай перезвоню потом?

Наконец Брианна поняла: телефон. Зазвонил телефон. А она машинально, во сне, его схватила.

– Роджер! – Адреналин потихоньку сходил на нет, хотя сердце еще не успокоилось. – Нет, все в порядке, я не сплю.

Она провела ладонью по лицу, затем попыталась одновременно распутать провод и расправить смятые простыни.

– Точно? Который у вас там час?

– Не знаю. Слишком темно, не вижу циферблат, – пробормотала она сонно.

– Мне правда жаль. Пытался высчитать разницу, но, кажется, посчитал не в ту сторону. Извини, не хотел разбудить.

– Ничего, все равно пришлось проснуться, чтобы ответить на звонок, – рассмеялась Брианна.

– Ага. Ладно... – улыбнулся на том конце Роджер.

Она расслабленно откинулась на подушки, убирая спутанные волосы с лица и потихоньку осознавая, где находится.

– Рада тебя слышать, Роджер, – тихо сказала Брианна.

Удивительно, насколько она на самом деле была рада. Его голос, такой далекий, почему-то казался ближе, чем вой сирен и шуршание колес за окном.

– И я, – смутился он. – Слушай... Появилась возможность в следующем месяце попасть на конференцию в Бостон. Думал поехать, если... черт, не знаю, как сказать... Ты хочешь встретиться?

Брианна стиснула трубку.

– Прости, – поспешно сказал Роджер. – Я на тебя словно давлю. Ты... скажи прямо, если не хочешь.

– Хочу. Конечно же, я хочу с тобой встретиться!

– А-а... Хорошо. Ты не ответила на письмо, и я подумал... может, натворил что-то...

– Нет, все в порядке. Извини. Просто...

– Ничего.

– Я не... – начали они одновременно и смущенно умолкли.

– Я не хотел давить...

– Я не хотела показаться...

И снова. Только на этот раз Роджер рассмеялся, и его низкий смех преодолел пространство и время, словно он сам ее коснулся.

– Все хорошо. Я понимаю.

Брианна прикрыла глаза. Ее охватило необъяснимое облегчение. Роджер Уэйкфилд, скорее всего, вообще единственный в мире человек, который действительно понимал. А ведь раньше она не осознавала, насколько важно понимание.

– Я видела сон, – наконец заговорила она. – Когда телефон зазвонил.

– М-м?

– О моем отце.

Горло слегка сдавило, как всегда, когда она произносила это слово. То же самое случилось и со словом «мать». Брианне до сих пор чудились ароматы сосен, прогретых солнцем, и хруст иголок под сапогами. Приснилось.

– Я не видела его лица. Я шла за ним по лесу, а он говорил, только я не разбирала... я спешила, пыталась догнать, чтобы расслышать, но не смогла.

– Но знала, что это отец?

– Да... может, я так подумала из-за гор. Мы с папой бывали в горах.

– Правда? Я тоже поднимался в горы с отцом. Если когда-нибудь вернешься в Шотландию, пойдем с тобой покорять Манро.

– Куда пойдем?!

Роджер снова рассмеялся. Брианна вдруг вспомнила, как он отбрасывает назад густые черные волосы, которые вечно забывал подстригать, и щурит зеленые глаза улыбаясь. Она поймала себя на том, что легонько касается нижней губы большим пальцем, и убрала руку. Он поцеловал ее на прощание...

– Манро у нас называют любую вершину выше трех тысяч футов. А их очень много, так что народ соревнуется, кто сколько одолеет. Все равно что марки собирать или спичечные коробки.

– А ты сейчас где, в Шотландии или в Англии? Нет, погоди, дай угадаю! Хм... Шотландия. Ты в Инвернесе.

– Точно, – поразился Роджер. – Откуда ты знаешь?

Брианна потянулась, скрещивая ноги под одеялом.

– Ты по-другому произносишь «р», когда говоришь с шотландцами, – пояснила она. – Заметила, когда мы... были в Лондоне.

Голос почти не дрогнул. Становится все легче и легче, подумалось ей.

– Тепер-р-рь я чуть было не подумал, что ты ясновидящая, – рассмеялся Роджер.

– Жаль, что ты далеко, – подавшись порыву, произнесла Брианна.

– Правда? – удивился он. – Ну... Я ведь приеду.

– Роджер, слушай... Я не ответила на письмо...

– Не волнуйся, – быстро сказал он. – Через месяц мы встретимся и обо всем поговорим.

Бри, я...

– Да?

Брианна расслышала вздох и вспомнила, как поднималась и опускалась теплая, твердая грудь под ее ладонью.

– Я рад, что ты согласилась.

После разговора Брианна так и не смогла заснуть. Она встала с кровати и побрела на кухню за молоком. И, только на несколько минут застыв у холодильника, слепо глядя на полки, она поняла, что видит вовсе не бутылки кетчупа и открытые консервные банки. А стоячие камни, темнеющие на фоне бледного рассветного неба.

Брианна выпрямилась, нетерпеливо фыркнув, и с грохотом захлопнула дверцу. Потом слегка поежилась и потерла руки – от кондиционера веяло холодом. Она машинально его

выключила, затем подняла раму окна. В кухне тут же запахло теплой сыростью дождливой летней ночи.

Следовало ответить на письмо... Она даже садилась за ответ, причем несколько раз, и с досады бросала, не дописав и до середины.

Брианна знала почему. Или она только так думала. А вот внятно объяснить Роджеру...

В какой-то мере это был простейший инстинкт раненого зверя – сбежать и спрятаться от того, что причиняет боль. Конечно, Роджер ни капли не виноват в случившемся год назад, но оказался неразрывно связан с теми событиями.

И потом он был столь нежен, столь добр. Обращался, будто она только-только осиротела, что, в общем-то, было правдой. Однако как странно! Мать пропала навсегда, хотя – Брианна надеялась – оставалась жива. Когда веришь в блаженную жизнь после смерти, отчаянно надеешься, что близкий человек счастлив где-то там, – и все равно терзаешься болью потери и одиночества.

Мимо, через парк, пронеслась «Скорая». Красный огонек пульсировал в темноте, но звук сирены поглотило расстояние.

Брианна по привычке перекрестилась и пробормотала «*Miserere nobis*». Помилуй нас... Сестра Мари Ромен рассказывала в пятом классе, что мертвые и умирающие нуждаются в молитвах. И она так вбила это в головы учеников, что они больше не могли пройти мимо аварии и не вознести краткую молитву, чтобы облегчить страдания тех, кто вот-вот постучится в двери рая.

Брианна молилась каждый день. За мать и за отца... за отцов. Здесь заключалась вторая загвоздка. Дядя Джо знал правду о ее родителях, однако только Роджер мог всецело понять, что случилось. Только Роджер тоже слышал зов камней.

Невозможно пережить подобное и остаться равнодушным, неотмеченным. Так произошло и с ним, и с ней. Когда Клэр отправилась обратно, Роджер не хотел, чтобы Брианна уехала из Шотландии, а она...

Дела, пояснила она. Например, учеба. И не соврала. Самое главное – она просто должна была уехать подальше от Шотландии, от кругов камней, туда, где могла исцелиться, восстановить нормальный ход жизни.

Останься она с Роджером – никогда не сумела бы забыть. Ни на секунду. Вот и третья причина.

Он защищал Брианну, дорожил ею. Мать оставила свою дочь на Роджера, и он оправдал оказанное доверие. Вот только заботился ли он о Брианне лишь из-за обещания – или потому, что она на самом деле ему небезразлична? Все равно, вдвоем им будущего не построить. Особенно, когда на обоих тяжким грузом давят обязательства.

Если бы у них могло быть будущее... Вот что так и не удалось написать в письме. Ведь как облечь это в слова, которые не прозвучали бы одновременно самонадеянно и глупо?

– Уйти, чтобы вернуться и сделать все верно, – пробормотала Брианна и поморщилась.

За окном по-прежнему шумел дождь. В воздухе витала прохлада, и поэтому дышалось легко. Скоро рассвет, подумала Брианна, но все же было достаточно тепло – на коже выступали бисеринки пота и щеkotно стекали по шее. Хлопковая футболка стала влажной.

Брианна хотела забыть прошлый ноябрь, начать все с чистого листа. Прошло бы достаточно времени, и они встретились бы вновь. Не на вторых ролях в драме ее родителей, а написали бы уже собственную пьесу. Если что-то и будет между ней и Роджером Уэйкфилдом, то произойдет это по их воле. И теперь перед Брианной возникла возможность выбирать. От предвкушения засосало под ложечкой.

Подул ветер, и капли дождя попали девушке на лицо. Она стерла их и пригладила непослушные пряди влажной ладонью. Раз уж не спится, можно поработать.

Окно осталось открытым. Плевать, что натечет лужа. Не хотелось дышать искусственным воздухом из кондиционера.

Щелкнув настольной лампой, Брианна открыла учебник по высшей математике. Она кардинально сменила специальность, зато неожиданно обнаружила, что математика действует успокаивающе.

В одиночку вернувшись в Бостон, Брианна снова взялась за учебу. Но уже не за историю. Инженерное дело показалось более безопасным вариантом: только твердые, неизменные факты. Которые поддаются контролю. Брианна медленно наточила карандаш, наслаждаясь подготовкой, и приступила к первой задаче.

Как всегда, цифры непреклонно сплетались в паутину. И в ней застревали все лишние мысли. Шелковые нити связывали чувства, как назойливых мух. Эту паутину, ровную и прекрасную, сплетала логика. Лишь одна мысль ухитрилась избежать клейких пут и заметалась туда-сюда яркой крошечной бабочкой.

«Я рад, что ты согласилась», – сказал Роджер.

Брианна тоже рада.

Июль 1969-го

– И он говорит как битлы?.. Ох, я на месте помру, если у него акцент как у Джона Леннона! С ума сойти-и!

– Да нет же, ничего общего, угомонись! – прошипела Брианна. Она осторожно выглянула из-за колонны, но международный терминал был все еще пуст. – Ты что, не видишь разницы между ливерпульцем и шотландцем?

– Не-а, – беззаботно отозвалась Гэйл, взъерошив светлые волосы. – Для меня все англичане болтают одинаково. Вечно бы их слушала!

– Да не англичанин он! Шотландец!

Гэйл посмотрела на Брианну, как будто та слегка тронулась умом.

– Шотландия – это часть Англии, я видела на карте.

– Часть Великобритании.

– Какая разница? – Гэйл тоже высунулась из-за колонны. – Ну и чего мы тут прячемся? Он же нас не заметит.

Брианна не знала, хочет ли, чтобы Роджер их заметил. А тем временем взлохмаченные пассажиры с багажом в руках уже потихоньку потекли сквозь двойные двери.

Неумолкающая Гэйл все-таки вытащила Брианну в середину зала. Язык подруги слово вел двойную жизнь: на занятиях Гэйл рассуждала спокойно и взвешенно, зато в компании как с цепи срывалась. Поэтому-то Бри позвала ее с собой встречать Роджера. Так уж точно неловких пауз не возникнет.

– А вы уже занимались с ним этим?..

Бри испуганно уставилась на подругу.

– Чем?!

– Пестики, тычинки... – закатила глаза Гэйл. – Ну что ты как маленькая, Бри!

– Нет. Конечно, нет. – Кровь прилила к ее щекам.

– А собираетесь?

– Гэйл!

– В смысле, у тебя своя квартира, все дела, никто не...

И тут, как назло, в зале появился Роджер Уэйкфилд в белой рубашке и изношенных джинсах. Должно быть, Брианна оцепенела, увидев его, потому что Гэйл мигом оглянулась в ту же сторону.

– Ого-о, – восхищенно протянула она. – Это он? На пирата похож!

Роджер и в самом деле выглядел как пират. Внутри у Брианны что-то шевельнулось. Таких, как он, мать называла черными кельтами – с гладкой оливковой кожей, темными волосами и «подведенными сажей», то есть обрамленными густыми черными ресницами глазами удивительно глубокого зеленого цвета.

Взъерошенные волосы доставали до ворота рубашки, на щеках выступила щетина... Да уж, Роджер выглядел даже не просто распутным, но и слегка опасным. По коже побежали мурашки, и Брианна вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Зря согласилась, чтобы он приезжал!

Роджер заметил Брианну, и его лицо озарилось светом. Она не сдержала широкой, совсем глупой ответной улыбки, а затем и вовсе отбросила дурные предчувствия и бросилась к нему, стараясь по пути не налететь на детей и багажные тележки.

Они встретились на середине зала. Роджер чуть не сбил Брианну с ног и до хруста в ребрах стиснул в объятиях. Поцеловал, замер и снова продолжил целовать, царапая щетиной. От него пахло мылом, потом, а губы на вкус отдавали шотландским виски. Брианне так не хотелось, чтобы он отстранялся...

Наконец оба тяжело выдохнули.

– Кхм, – громко раздалось за спиной у Брианны.

Она быстро сделала шаг назад, предоставляя Роджеру возможность увидеть Гэйл. Та сверкнула обворожительной улыбкой, поглядывая из-под светлой челки, и помахала рукой.

– Здра-а-австуйте, – протянула Гэйл. – Вы, должно быть, Роджер. А если нет, то он будет крайне поражен, когда появится! – Девушка окинула его с головы до ног одобрителем взглядом. – О, на гитаре играете?

Брианна даже не заметила футляр. Роджер поднял его с пола и закинул на плечо.

– Надо зарабатывать на пропитание, – улыбнулся он Гэйл.

– О-о, повторите, прошу! – взмолилась она.

– Повторить что? – удивился Роджер.

– «Зарабатывать на пропитание». – Брианна подхватила одну из его сумок. – Хочет послушать, как ты «р» выговариваешь. Гэйл обожает британские акценты. Ой... это Гэйл, да.

– Ага, я догадался. М-м... – Роджер прокашлялся, пронзил Гэйл взглядом и заговорил, опустив голос чуть ли не на октаву: – Вокр-р-руг гр-р-ромадных гор-р-р бр-р-родил кошмар-р-рный мар-р-родер-р-р. Сойдет?

– Может, хватит? – Брианна недовольно уставилась на подругу, которая изобразила счастливый обморок на ближайшем сиденье. – Не обращай на нее внимания, – посоветовала она Роджеру, разворачиваясь на выход.

Тот все же бросил в сторону Гэйл осторожный взгляд. А затем поднял большую коробку, перетянутую бечевкой, и пошел за Брианной в вестибюль аэропорта.

– Что ты там говорил про пропитание? – спросила Брианна, пытаясь вернуть разговор в нормальное русло.

Роджер смущенно рассмеялся.

– Ну, историческая конференция оплачивает перелет, но не остальные расходы. Так что я навел справки и подыскал себе работенку.

– Будешь играть на гитаре, что ли?

– Днем Роджер Уэйкфилд – кроткий и безобидный ученый из Оксфорда, а по ночам он накидывает на себя богатый тар-р-ртан и становится лихим... Роджером Маккензи!

– Кем?

Он улыбнулся.

– Я иногда пою шотландские народные песни на фестивалях. Вот и здесь в конце недели выступлю на кельтском фестивале в горах.

– Шотландские песни? А вы для этого надеваете килт? – нарисовалась рядом с ним Гэйл.

– Разумеется. Иначе как зрители поймут, что перед ними шотландец?
– Обожаю волосатые коленки! – мечтательно заявила Гэйл. – Скажите, а правда, что шотландцы...

– А ну сходи за машиной, – скомандовала Брианна, поспешно вручая подруге ключи.

Гэйл вжалась в стекло автомобиля, наблюдая, как Роджер идет к гостинице.

– Надеюсь, он не успеет побриться, когда мы снова встретимся за обедом. Обожаю легкую небритость. А как думаешь, что там в здоровой коробке?

– Боуран.

– Что?

– Кельтский военный барабан. Роджер иногда использует его в песнях.

Гэйл задумалась, поджав губки.

– Слушай, а может, я его подвезу на этот фестиваль, а? В смысле, у тебя масса дел, и...

– Ха-ха. Я тебя к нему не подпущу, если он наденет килт.

Гэйл тоскливо вздохнула. Брианна завела двигатель.

– Может, там еще будут мужчины в килтах...

– Вполне вероятно.

– Но спорим, у них нет кельтских военных барабанов?

– Наверное.

Гэйл откинулась на спинку сиденья.

– Так что, займетесь сексом?

– Откуда я знаю? – отмахнулась Брианна, однако кровь в венах забурлила, а одежда вдруг показалась слишком тесной.

– Если упустишь шанс, то ты просто сумасшедшая, – радостно заявила Гэйл.

– Кошка священника... андрогинная кошка.

– Кошка священника... кошка *алагрос*.

Брианна вскинула бровь, на миг оторвав взгляд от дороги.

– Опять шотландский?

– Игра-то шотландская, – парировал Роджер. – Слово означает «мрачная» или «унылая».

Твоя очередь. Буква «бэ».

Впереди вилась узкая горная дорога. Утреннее солнце светило прямо в лицо, заполняя машину светом.

– Кошка священника... большущая кошка.

– Кошка священника... бархатистая кошка.

– Ну, что-то это для нас простовато. Ничья. Ладно... кошка священника... – Наверное, было слышно, как у Брианны скрипели шестеренки в голове. Наконец голубые глаза радостно сверкнули. – Воспаленно-кокцигодичная кошка!

Роджер сощурился, пытаясь понять.

– «Воспаленно» – это ясно. А другое слово... э-э... кошка с широким задом?

– Кошка, у которой болит зад, – рассмеялась Брианна, слегка притормаживая на крутом повороте.

– Это вообще настоящее слово?

– Ага. – Брианна снова прибавила скорость. – Это все мамы медицинские термины. Кокцигодичия – боль в области копчика. Административный персонал своей больницы мама постоянно называла кокцигодичианцами.

– А я-то думал, это по твоей, инженерной части. Ладно, тогда... Кошка священника – взметчивая кошка. – Роджер улыбнулся, завидев вскинутую бровь девушки. – Сварливая. Кокцигодичианцы обычно такие по жизни.

– Ладно-ладно. Кошка священника...

– Стой, – перебил ее Роджер, указывая вперед. – Вон поворот.

Брианна свернула на совсем узенькую дорогу, отмеченную красно-белой стрелкой с надписью «КЕЛЬТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ».

– Огромное спасибо, что подвезла. Даже не подозревал, что фестиваль так далеко забрался.

– Да не так уж далеко, – удивилась Брианна.

– Полторы сотни миль!

Девушка едва заметно усмехнулась.

– Отец всегда говорил, что в этом и заключается разница между американцами и англичанами. Англичанин назовет сто миль дальней дорогой. Американец скажет, что сто лет – это долго.

Роджер рассмеялся от неожиданности.

– Однозначно. Тогда ты, выходит, американка?

– Наверное. – Улыбка Брианны померкла.

Разговор затих. Несколько минут было слышно лишь, как шуршат шины и свистит ветер. Стоял прекрасный летний день. Жаркая сырость Бостона осталась далеко позади, машина мчалась по серпантину все выше и выше, к чистому горному воздуху.

– Кошка священника – глубинная кошка, – наконец тихо проговорил Роджер. – Я сказал что-то не то?

Взгляд Брианны на миг стал печален.

– Кошка священника – гордая кошка. Нет, дело не в тебе. Хотя... в тебе, но ты не виноват.

– Кошка священника – дремучая кошка.

– Кошка священника – давно запутавшаяся кошка... Извини, зря я сказала.

Роджеру хватило ума не спрашивать. Вместо этого он достал из-под сиденья термос.

– Хочешь чаю с лимоном? – Роджер протянул Брианне чашку, но девушка скорчила рожицу и покачала головой.

– Нет, спасибо. Ненавижу чай.

– Точно не англичанка, – прокомментировал Роджер и тут же пожалел о сказанном: Брианна напряженно вцепилась в руль, хотя ничего не ответила. Роджер молча принялся за чай.

Она и внешне не напоминала англичанок, несмотря на наследственность. Роджер подозревал, что дело тут даже не в манере одеваться. Американцы казались более... А какими, собственно? Яркими? Пылкими? Более... Просто другими. В Брианне Рэндалл явно скрывалось нечто другое.

Машин на дороге становилось все больше, они медленной очередью ползли к въезду на территорию фестиваля.

– Слушай, – вдруг сказала Брианна, не сводя взгляда с номеров автомобиля впереди, – я хочу объясниться.

– Тебе нечего мне объяснять.

Брианна раздраженно вскинула рыжую бровь.

– А кому еще? – Она поджала губы и вздохнула. – Ладно, самой себе тоже. Но я должна.

Роджер потягивал терпкий чай. Может, теперь она скажет, что зря согласилась встретиться? Он думал об этом весь долгий перелет, ерзая на тесном сиденье самолета. А потом увидел ее в холле аэропорта – и все сомнения тотчас исчезли.

Не возвращались они и на протяжении этой недели. Роджер хотя бы мельком, но виделся с Брианной каждый день. А в четверг днем даже сходил с ней на бейсбольный матч на стадион Фенуэй-Парк. Роджер нашел игру слишком путаной, а вот любовь Брианны к ней – очаровательной. Однако он уже буквально считал часы до отъезда и потому с нетерпением ожидал тот день, который они смогут целиком провести вместе.

Впрочем, это вовсе не означало, что его чувства взаимны. Роджер глянул на очередь машин. Въезд виднелся где-то в четверти мили. То есть осталось минуты три.

– В Шотландии, – начала Брианна, – когда все случилось... с мамой... Ты был великолепен, Роджер, правда. – Девушка не поворачивалась, но он заметил, как ее глаза заблестели от слез.

– Ничего великолепного. – Роджер стиснул кулаки, чтобы не потянуться к ней. – Мне было интересно.

Брианна коротко рассмеялась.

– Да уж. – Она притормозила и повернулась к Роджеру. Даже широко распахнутые, ее глаза казались чуть раскосыми, как у кошки. – Ты возвращался к камням? К Крэг-на-Дуну?

– Нет, – коротко ответил Роджер. А потом добавил как можно небрежнее: – Я не часто бываю в Инвернесе, тем более, что как раз шла учебная четверть...

– А может, кошка священника – трусливая кошка? – с легкой улыбкой сказала Брианна.

– Кошка священника до смерти боится этого места, – кивнул Роджер. – И близко не подойдет, даже если там все сардинами завалят.

Брианна расхохоталась, и напряжение между ними заметно ослабло.

– И я боюсь. – Она глубоко вздохнула. – Но помню. Все, что тебе пришлось пережить, чтобы помочь... и потом, когда... когда она... когда мама отправилась сквозь... – Брианна прикусила нижнюю губу и ударила по тормозам чуть сильнее нужного. – Вот видишь? – тихонько спросила она. – Полчаса с тобой – и все возвращается. Полгода не заговаривала о родителях, а стоило нам начать глупую игру, как за минуту упомянула их обоих. И так всю неделю.

Она сбросила рыжую прядь с плеча. Брианна всегда очаровательно краснела, будучи увлеченной или расстроенной, и теперь ее щеки горели.

– Примерно так я и подумал, когда ты не ответила на письмо.

– Дело не только в этом. – Брианна снова закусила губу, словно не успела заглушить уже произнесенное. Яркая краска залила ее лицо и шею вплоть до треугольного выреза футболки.

Роджер мягко убрал с лица девушки волну волос.

– Я была по уши в тебя влюблена, – выпалила Брианна, уставившись в лобовое стекло. – Но не знала, заботился ли ты обо мне только потому, что мама попросила, или...

– «Или», – перебил ее Роджер и улыбнулся, когда она мельком на него взглянула. – Определенно «или».

– Ох. – Брианна слегка расслабилась. По крайней мере, уже не так сжимала руль. – Хорошо. Ладно.

Роджеру хотелось взять ее за руку, но это грозило автокатастрофой. Поэтому он просто коснулся ее плеча.

– В общем, я не думала... точнее, думала... короче, оставалось то ли броситься в твои объятия, то ли свалить к черту, что я и сделала. Я понятия не имела, как объясниться и не выставить себя душой, а потом ты написал, и стало хуже... Видишь, я уже веду себя как идиотка!

Роджер отстегнул ремень безопасности.

– Ты въедешь в машину перед нами, если я тебя поцелую?

– Не-а.

– Отлично.

Роджер придвинулся ближе, коснулся подбородка девушки и быстро ее поцеловал. Машина медленно скатилась с дороги на парковку.

Брианна дышала уже спокойнее, краска потихоньку сходила со щек. Она остановила машину, замерла на миг, а потом тоже избавилась от ремня безопасности.

Только спустя несколько минут Роджер осознал, что Брианна действительно не раз заговаривала о родителях. Однако настоящая проблема заключалась скорее в том из родителей, которого она так тщательно избегала.

«Отлично! – подумал Роджер, окидывая восхищенным взглядом задницу Брианны, нагнувшейся к багажнику. – Она пытается не думать о Джейми Фрейзере, – а куда ты, черт возьми, ее притащил?»

На летнем ветру развевались флаги Британии и Шотландии. С горного склона доносился плач волынки.

Глава 4

Удар из прошлого

Роджер, привыкший переодеваться либо в фургонах для перевозки лошадей, либо в мужских уборных в пабах, счел небольшую каморку за сценой, выделенную ему лично, чуть ли не хоромами. Там было чисто, висели крючки для одежды, а на пороге не валялись пьяные зрители. Конечно, они же в Америке, думал Роджер, стягивая с себя джинсы. Разные стандарты, по крайней мере, по отношению к материальным благам.

Он стянул через голову рубашку, гадая, к какому уровню комфорта привыкла Брианна. О женской одежде он знал мало – интересно, сколько могут стоять ее джинсы? – но вот в машинах разбирался. Новенький синий «Мустанг» произвел впечатление, так и тянуло сесть за руль.

Очевидно, родители оставили ей достаточно для жизни, уж Клэр Рэндалл об этом позаботилась. Хорошо бы, Брианна не думала, что он ею интересуется из-за денег. Вспомнив о родителях девушки, он взглянул на коричневый конверт. Стоит ли отдавать?..

У кошки священника душа чуть в пятки не ушла, когда Роджер и Брианна у входа для выступающих столкнулись с группой канадских волынщиков, принадлежавших к клану Фрейзеров. Брианна даже побледнела, когда Роджер представил ее солисту, своему давнему товарищу. Сам Билл Ливингстон угрожающе не выглядел, а вот клановый знак Фрейзеров на его груди сделал свое дело.

Je suis prest, значилось на нем. Я готов. «А вот я что-то не очень», – пронеслось в голове у Роджера. Ему слишком хотелось врезать себе за то, что привел сюда Брианну.

Однако она его уговорила, что вполне сможет побродить самостоятельно, пока он готовится к выступлению. И лучше бы в самом деле поспешить... Роджер затянул пряжки килта на талии и бедрах и потянулся за длинными шерстяными чулками. Ему предстояло выйти на сцену на сорок пять минут в начале дня, а потом еще немного спеть вечером. Он примерно представлял список песен, но следовало учитывать и вкусы публики. Собралось множество женщин – значит, баллады. Преобладают мужчины – тогда военные, например «Килликранки», «Монтроз», «Ружья и барабаны». А непристойные куплеты шли на ура, если зрители успели хорошенько разогреться.

Роджер аккуратно подвернул чулки, за правый сунул свой скин-ду, ножичек с рукоятью из оленьего рога, и торопливо зашнуровал ботинки. Надо успеть разыскать Брианну. Прогуляться, раздобыть для нее что-нибудь перекусить, найти хорошее место, чтобы смотреть выступления.

Он набросил плед на плечо, закрепил фибулой. Пристегнул ремень с кинжалом и спораном. Все, готов. Роджер вдруг замер на полпути к двери. Нет, не совсем.

Древние серо-зеленые подштанники во время Второй мировой входили в военную форму, а также были одним из немногих напоминаний об отце. Обычно в таких ситуациях Роджер не поддевал ничего под килт, но иногда приходилось использовать их в качестве защиты: некоторые любопытные зрительницы оказывались просто восхитительно наглыми. Коллеги-исполнители его предупреждали, а он не верил, пока однажды не угодил в подобную ситуацию. Хуже всех вели себя немки, хотя порой и американки не отставали.

Впрочем, здесь публика вроде приличная, да и на сцене его не достанут. А в остальное время он будет с Брианной, и если вдруг она сама захочет пораспускать руки... Роджер бросил подштанники обратно в сумку, на коричневый конверт.

– Пожелай мне удачи, отец, – прошептал Роджер и отправился на поиски Брианны.

– Ого! – восхитилась Брианна в съехавшей треуголке, обходя Роджера. – Выглядишь отпадно! Мама всегда говорила, что перед мужчиной в килте невозможно устоять. Похоже, она права.

Роджер заметил, как девушка тяжело сглотнула, и захотел ее обнять в благодарность за смелость, но Брианна уже отвернулась, указывая на столики.

– Голодный? Я глянула, что там, пока ты переодевался. Выбирай: жареные осьминоги, тако с рыбой, польские сосиски...

Роджер взял ее за руку и развернул к себе.

– Слушай, прости. Не знал, что тебе будет так тяжело.

– Все в порядке. – На этот раз Брианна улыбнулась почти по-настоящему. – Я... я рада, что здесь оказалась.

– Честно?

– Ага. Правда. Тут... – она беспомощно махнула рукой на шумную, клетчатую кутерьму вокруг, – тут все такое шотландское.

Роджеру стало смешно. Что может быть менее похожим на Шотландию, чем дешевый балаган для туристов и впаривание наполовину фальшивых традиций? И в то же время Брианна права. Это пример давней шотландской способности выживать – приспосабливаться ко всему и извлекать выгоду.

Роджер все-таки обнял Брианну. Ее волосы пахли свежестью, как сочная трава, а под тканью белой футболки сильно билось сердце.

– Ты, знаешь ли, тоже шотландка, – шепнул он девушке на ушко и отпустил.

Ее глаза по-прежнему сияли, но уже другим чувством, как показалось Роджеру.

– А ты прав, наверное. – Она наконец как следует улыбнулась. – Надеюсь, это не значит, что мне придется есть хаггис? Лучше уж попробовать осьминога.

Пансионат, где проходил фестиваль, промышлял «национальными ярмарками», там стояли палатки с горячей едой.

– Поляки танцуют польку, шведы орут свои песни... Испанские, итальянские, японские фестивали. Вы не поверите, сколько эти япошки щелкают фотокамерами, просто не поверите, – покачал головой он, вручая им две бумажные тарелки с гамбургерами и жареной картошкой. – В общем, каждые две недели что-то новенькое. Не заскучаешь. Правда, наши услуги всегда нужны, все равно какую кухню подают. – Мужчина с любопытством уставился на килт Роджера. – А вы шотландец или просто любите юбки носить?

Роджер, слышавший подобное в десятках вариаций, и глазом не моргнул.

– Ну, как любил говаривать мой дед, – произнес он с кошмарным акцентом, – когда надеваешь килт, парень, то точно понимаешь, что ты мужик!

Продавец одобрительно расхохотался, а Брианна закатила глаза.

– Эти ваши хохмы... – пробормотала она. – Боже, если опять начнешь травить шуточки про килт, я уеду и брошу тебя здесь, клянусь.

Роджер широко улыбнулся.

– Ты же не станешь так делать, правда, милая? Не оставишь человека только потому, что он носит килт!

Брианна прищурилась.

– Могу поспорить, ничего необычного под этим килтом нет, – кивнула она на спорран Роджера. – Даже больше, могу вообще на что угодно поспорить, там все в пр-р-ревосходном р-р-рабочем состоянии, да?

Роджер поперхнулся кусочком картошки.

– Нужно отвечать «дай ручку, красавица, и я тебе покажу», – посоветовал продавец. – Сто раз уже эту фразу слышал за неделю.

– Если он так скажет, – мрачно буркнула Брианна, – то я точно свалю и брошу его на этой чертовой горе. Пусть торчит тут и ест осьминогов.

Роджер глотнул кока-колы и мудро решил промолчать.

У них еще оставалось время побродить по торговым палаткам, где продавали всякую всячину, начиная от клетчатых галстуков и заканчивая свистульками, серебряными украшениями, клановыми картами Шотландии, ирисками, песочным печеньем, канцелярскими ножами в форме палашей, фигурками горцев, книгами, кассетами и прочими всевозможными мелочами, куда можно было поместить знак или девиз клана.

Роджер почти не привлекал к себе любопытных взглядов. Здесь его наряд, к слову, куда лучший, чем у многих, был кстати. Правда, в основном на фестиваль приехали туристы в джинсах и футболках. И все же то тут, то там мелькали пестрые пледы.

– Почему Маккензи? – спросила Брианна, останавливаясь у витрины с цепочками для ключей. Девушка коснулась серебристого кружочка с надписью «*Luceo non uro*». Свечу, но не сгораю. Девиз изгибался вдоль изображения чего-то похожего на вулкан. – Уэйкфилд – недостаточно по-шотландски?

Роджер пожал плечами.

– Это тоже моя фамилия. Родители погибли во время войны, и меня усыновил двоюродный дед. Он дал мне свою фамилию, однако крестили меня как Роджера Джеремаю Маккензи.

– Джеремаю? То есть, Иеремия? – Брианна пыталась не расхохотаться, от усилий у нее даже кончик носа покраснелся. – Как пророк из Ветхого Завета?

– Не смейся. – Роджер взял ее за руку. – Это имя моего отца. Его часто звали Джерри. А меня мама называла Джемми, когда я был маленьким. Наше семейное имя. В конце концов, могло быть и хуже. Покрестили бы как какого-нибудь Амброуза или Конана.

Брианна наконец фыркнула от смеха.

– Конан?

– Вполне приличное кельтское имя – было, пока на него не наткнулись писатели-фантасты. В любом случае, имя Джеремаю не просто так выбрали.

– А почему?

Они медленно двинулись в сторону сцены, где группка девочек в тщательно накрахмаленных платяницах отплясывала шотландский флинг, одинаково взмахивая руками и кланяясь.

– Папа... то есть преподобный отец, но я называл его просто папой, показывал мое семейное древо. «Амброуз Маккензи – твой прадед, Родж. Он строил лодки в Дингуолле. А вот Мэри Олифант... я знал твою прабабушку Олифант, я говорил? Дожила до девяносто семи и до последнего вздоха за словом в карман не лезла. Чудесная женщина. Шесть раз была замужем и уверяла, что все мужья скончались по совершенно естественным причинам. Однако на древе я обозначил только Джеремаю Маккензи, потому что он твой предок. И лишь от него у Мэри были дети, что меня всегда удивляло. Однажды на мой вопрос она, подмигнув, ответила: «*Is fhearr an giotach na 'bhi gun fear tìghe*». Это древняя гэльская поговорка: «Уж лучше иметь в мужьях дурака, чем никого». Она объяснила, что некоторые ее мужья хоть и были недурны, только красавца Джеремаю хватало проводить с ней каждую ночь».

– Интересно, что же она говорила остальным, – задумалась Брианна.

– Ну, это же не означает, что она не спала с ними время от времени, – заметил Роджер. – Просто не каждую ночь.

– Одного раза достаточно, чтобы забеременеть. По крайней мере, так мама рассказывала нашему классу на уроках гигиены и здоровья. Рисовала на доске, как сперматозоиды с хищными рожами мчатся к огромной яйцеклетке. – Брианна снова покраснела, правда, от веселья, а не от неприятных воспоминаний.

Они шли рука об руку, и Роджер чувствовал жар девушки под тоненькой футболкой. А еще жар разгорался у него самого под килтом, так что он уже подумывал, что зря не надел подштанники.

– Ладно, оставим в стороне вопрос о наличии рож у сперматозоидов, но что эта тема вообще имеет общего с предметом?

– «Гигиена и здоровье» – эдакий американский эвфемизм, которым обозначают все, что связано с сексом, – объяснила Брианна. – Мальчиков и девочек учат раздельно. У последних этот предмет скорее называется «Тайны жизни, а также десять способов сказать мальчику «нет»».

– А у мальчиков как?

– Ну, точно не знаю, у меня братьев нет, рассказать некому. А вот у подруг они были. Один упоминал, что они учили восемнадцать синонимов к слову «эрекция».

– Хм, полезные знания, – отозвался Роджер, гадая, зачем они вообще могут понадобиться. К счастью, спорран прикрывал его собственные грехи.

– Наверное, помогают поддержать беседу... при определенных обстоятельствах.

Щеки Брианны вспыхнули алым. Да и сам Роджер чувствовал, что краснеет, а еще на них вот-вот начнут пялиться прохожие. А ведь девчонкам не удавалось его смутить с семнадцати лет!.. Брианна с этой задачей справлялась на «отлично». Ну, раз она завела разговор, то пусть и заканчивает.

– М-м, что-то я не замечал, чтобы при этих самых обстоятельствах особо беседовали.

– Полагаю, уж ты-то знаешь.

Роджер притянул девушку к себе.

– Если ты спрашиваешь, было ли у меня, то да. Если есть ли сейчас – то нет.

– Было что? – Губы Брианны дрогнули от смеха.

– Ты спрашиваешь, есть ли у меня девушка в Англии, так?

– Правда?

– Нет у меня никого. Точнее есть, но это несерьезно. – Они уже пришли к гримеркам, а времени оставалось лишь на то, чтобы забрать инструменты. – А ты? В смысле, у тебя есть парень?

Брианна стояла так близко, что, развернувшись, мазнула грудью по его предплечью. И девушке хватило роста, чтобы заглянуть Роджеру прямо в глаза.

– Как там твоя прабабушка говорила?

– Про дурака?

– Ага. Лучше встречаться с дураком, чем ни с кем. – Брианна коснулась фибулы Роджера. – Так что – да, есть люди, с которыми я встречаюсь. А вот такого парня-красавца не нашла. Пока.

Роджер поймал ее пальцы.

– Придет время, милая, – произнес он и мягко их поцеловал.

Зрители вели себя невероятно тихо, совсем не как на рок-концертах. Конечно, здесь нельзя кричать, подумала Брианна, ведь нет ни электрогитар, ни усилителей, только небольшой микрофон на стойке. Правда, далеко не все нуждается в усилении. Например, сердце Брианны колотилось так громко, что заглушало окружающий шум.

«Держи. – Роджер протянул коричневый конверт, выбегая из гримерки с гитарой и барабаном. – Нашел их, когда разбирал старые отцовские бумаги в Инвернесе. Наверное, тебе захочется увидеть».

Брианна понимала, что там фотографии, но не стала сразу смотреть. Конверт жег ей колени во время выступления Роджера.

А пел и играл он замечательно. У него оказался на удивление богатый и глубокий баритон, которым он умело пользовался. И не только в рамках самой мелодии. Роджер обладал способностью прирожденного артиста – стирал границу между исполнителем и зрителями, всматривался в толпу, ловил чужие взгляды и позволял людям ощутить нечто вне слов песни и музыки.

Начал он с разудалой «Дороги к островам» с зажигательным припевом, а когда публика слегка поутихла, затянул «Холмы Галлоуэя» и перешел на «Свадьбу Мэри» с милым и веселым припевом на гэльском.

– А теперь я спою вам песню сороковых годов восемнадцатого века, – объявил Роджер. – Об известной битве при Престонпанс, в которой армия горцев Карла Стюарта разбила превосходящие по численности силы англичан под командованием генерала Джонатана Коупа.

Зрители одобрительно забормотали. Очевидно, многие давно знали и любили эту песню, но они мигом умолкли, стоило Роджеру взять первые аккорды.

Коуп из Дунбара послал гонца
И бросил вызов Карлу:
Тебя, мол, быстро проучу,
Если утром мы сразимся.

Роджер кивнул толпе, приглашая спеть насмешливый припев вместе с ним, и наклонился к струнам.

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?
Ну что, барабан зовет вас в бой?
Коль живой, проходи, не стой,
И утром мы сразимся!

У Брианны вдруг по коже пробежали мурашки. Но не от голоса Роджера и не от дружного хора зрителей, а от самой песни.

Карл лишь глянул на письмо
И вскинул меч свой наголо.
«За мною, верные друзья,
Сразимся с Джонни Коупом!»

– Нет, – шепнула Брианна. Пальцы, сжимавшие гладкий конверт, похолодели. За мною, верные друзья... Они там были. Родители были там, оба. Отец сражался в той битве, сжимая в руках круглый щит и палаш.

...И утро будет кровавым!

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?
Ну что, барабан зовет вас в бой?

Голоса вокруг одобрительно зашумели, снова затягивая припев. А Брианну вдруг охватила паника, и девушка чуть было не сбежала, как Джонни Коуп. Потом волна схлынула, и она осталась сидеть на месте, в плену и своих чувств, и мелодии.

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?..

Да, живой. И будет им, пока длится песня. Одни люди пытаются держать прошлое в себе, другие от него бегут. В этом-то и есть пропасть между Брианной и Роджером. Почему она до сих пор этого не понимала?

Роджер ушел от опасной темы якобитов и запел «Плач Макферсона» почти а капелла, лишь изредка касаясь струн. Женщина рядом с Брианной томно вздохнула, не сводя зачарованных глаз со сцены.

Такой веселый и бесшабашный
Он к виселице шел.
Пустился в пляс под скрипки глас
Под деревом и петлей.

Брианна взялась за конверт. Может, подождать до дома? Но любопытство сделало свое дело. Роджер ведь сомневался, отдавать конверт или нет, это было видно по глазам.

– ...а вот и боуран, – говорил Роджер, держа его на пальцах одной руки, а во второй сжимая небольшую двустороннюю палочку. Боуран представлял собой широкий деревянный обруч, затянутый кожей. – Один из древнейших музыкальных инструментов. Боем таких барабанов кельтские племена до смерти напугали войска Юлия Цезаря в пятьдесят втором году до нашей эры.

Зрители захихикали, а Роджер принялся выбивать тихий, быстрый ритм, похожий на биение сердца.

– А теперь... «Сражение при Шерифмуре», которое произошло во время восстания якобитов, в 1715-м.

Роджер поменял положение барабана, и ритм стал ниже и воинственней. Зрители по-прежнему вели себя прилично, однако напряженно подались вперед, охваченные напевом, в котором рассказывалось о битве при Шерифмуре и всех кланах, сражавшихся в ней.

...Ринулись в бой, кровь пуская рекой,
и сколько тогда полегло, брат...
Сekli и рубили...

Когда стихла последняя нота песни, Брианна сунула пальцы в конверт и вытащила фотографии. Старые черно-белые снимки уже успели посветлеть по краям. Родители. Фрэнк и Клэр Рэндалл, до невозможности молодые... и ужасно счастливые.

Вот они в саду. На заднем плане – столик с напитками, усеянный пятнами солнечного света, что падает сквозь кроны деревьев. Лица видно четко – смеются, полные жизни, и смотрят лишь друг на друга.

А здесь родители позируют, рука об руку, и явно подтрунивают над подобной торжественностью. Клэр согнулась от хохота, когда Фрэнк что-то сказал. Она придерживает широкую юбку, трепещущую на ветру, кудри свободно разметались....

Фрэнк протягивает чашку, а Клэр, ее принимая, смотрит на Фрэнка с таким безграничным доверием, что у Брианны сжалось сердце.

Девушка уставилась на последнюю фотографию. Родители стоят у стола, вместе держась за нож, и смеются. Перед ними – явно домашний торт. Свадебный.

– И напоследок – ваша любимая песня. Говорят, ее написал пленник-якобит по пути в Лондон, где его должны были повесить, и отправил жене в Шотландию...

Брианна прижала снимки ладонями, будто не хотела, чтобы их кто-то увидел. По коже прошел мороз. Свадебные фото. Свадебные фото родителей! Конечно же, они поженились в

Шотландии. Преподобный Уэйкфилд не мог провести церемонию, ведь он не был католическим священником, зато считался давним другом отца. Наверняка прием организовали у него.

Между пальцами виднелись знакомые очертания дома. Неохотно убрав руку, Брианна взглянула в юное лицо матери.

Восемнадцать лет. Именно во столько Клэр вышла за Фрэнка Рэндалла. Вот в чем дело... Кто может знать хоть что-то наверняка в столь раннем возрасте?

На прекрасных берегах и зеленой траве,
Где лучи солнца играют на воде Лох-Ломонда,
Где нас с тобой ничто не разлучит...

Тем не менее Клэр была уверена... или ей так казалось. Ровный, широкий лоб, нежные, аккуратные губы... Она не сводит больших, сияющих глаз с мужа, и в них нет ни тени сомнений, дурных предчувствий.

Но мы с тобой уже не встретимся вновь
На прекрасных берегах Лох-Ломонда.

Наступая на ноги другим зрителям, Брианна поспешила убраться подальше, пока никто не заметил ее слез.

– Во время переключки кланов я буду с тобой, – сказал Роджер, – но в конце мне надо отлучиться. Справишься сама?

– Конечно, – твердо ответила Брианна. – Все в порядке. Не волнуйся.

О ее уходе они не говорили. К тому времени, как Роджер выслушал все поздравления и пожелания удачи от зрителей и разыскал Брианну, она уже успела найти уборную и привести себя в порядок, как следует умывшись холодной водой.

Остаток дня они бродили туда-сюда. Купили кое-какие мелочи, посмотрели состязание волынщиков, едва не оглохнув, и полюбовались, как некий молодой человек танцевал между скрещенными на земле мечами. Фотографии Брианна спрятала подальше в сумочку.

Когда уже почти стемнело, люди стали понемногу стягиваться к подножию горы, где располагались открытые трибуны. Брианна думала, что к этому времени семьи с детьми разъедутся, и отчасти так и случилось, хотя среди взрослых то тут, то там виднелись сонные малыши. Одна девчушка крепко спала, положив головку отцу на плечо.

Роджер и Брианна пробрались к верхним рядам. Внизу, на ровном пространстве перед трибунами, заранее заготовили огромную кучу дров.

– Что такое переключка кланов? – спросила женщина на соседнем ряду у своего спутника. Тот пожал плечами, а Брианна вопросительно глянула на Роджера.

– Увидишь, – улыбнулся он.

Стало совсем темно – даже луна еще не успела взойти. На фоне звездного неба черным великаном высилась гора. В толпе раздался возглас, за ним и другие, а затем донеслись едва слышные звуки волынки. Голоса умолкли.

У вершины горы вспыхнул крошечный огонек. Он двинулся вниз, и за ним возник еще один. Под нарастающую музыку показался третий. Замершие в ожидании зрители наблюдали, как огонек становится все больше и больше и вдоль склона горы тянется сияющая цепочка.

Среди деревьев у подножия горы лежала тропа, Брианна видела ее днем, пока бродила по округе. Оттуда вышел человек – над головой он держал пламенеющий факел. Следом показался волынщик, и его инструмент теперь заглушал даже восторженные вздохи толпы.

Эти двое мужчин направились к расчищенной площадке, а за ними тянулись остальные, разодетые в роскошные наряды вождей шотландских кланов и с факелами в руках. Смотрелось сие действо одновременно варварским и величественным – складки клетчатой ткани, перья, холодный блеск палашей и кинжалов, которые отливали алым в свете огней...

Волынки утихли, и первый из шествующих достиг площадки. Он вскинул факел над головой и прокричал:

– Кэмероны здесь!

С трибун донеслись громкие одобрительные возгласы, и он бросил факел на облитую керосином древесину. Пламя с ревом взметнулось к небу.

Следующий мужчина шагнул к ослепительному столбу огня.

– Макдональды здесь!

Снова раздались крики тех, кто приходился родичем этому клану.

– Маклахлены здесь!

– Макгилливреи здесь!

Брианну так очаровало это действо, что она почти забыла о Роджере.

– Маккензи здесь! – раздалось снизу, и...

– *Tulach Ard!*⁶ – заорал Роджер так, что Брианна подскочила.

– Это что еще было?!

– Боевой клич клана Маккензи, – широко улыбаясь, пояснил он.

– Кэмпбеллы здесь!

Должно быть, тут собралось очень много Кэмпбеллов – от их клича трибуны содрогнулись. И, словно дождавшись отмашки, Роджер поднялся и накинул плед на плечо.

– Встретимся потом у гримерки, ладно?

Брианна кивнула, а Роджер вдруг наклонился и поцеловал ее.

– Кстати, на всякий случай, – сказал он, – боевой клич Фрейзеров – «*Caisteal Dhuni!*»⁷.

Брианна проследила, как он ловко, словно горный козел, спустился вниз. В воздухе витал запах дыма от костра вперемешку с едва заметным табачным – в толпе курили.

– Маккеи здесь!

– Маклауды здесь!

– Фаркуарсоны здесь!

От дыма и переполнявших ее чувств Брианне стало тяжело дышать. Кланов погибли в битве при Каллодене... или нет? Да, погибли. Нет больше кланов, только память о них, только призраки. А те, кто так бодро отзывается, да какие они родичи друг другу? И никто из них не давал клятв лэрдам...

– Фрейзеры здесь!

Охваченная паникой Брианна вцепилась в сумочку.

«Нет! – пронеслось в голове. – О нет. Это не я!»

Но краткий миг прошел, и девушка вновь смогла вдохнуть. Лишь кровь продолжала яростно стучать в висках.

– Грэхемы здесь!

– Иннесы здесь!

Огилви, Линдси, Гордоны... Наконец стихло эхо последнего возгласа. Брианна все стискивала сумочку, словно боялась, что ее содержимое вырвется на свободу, подобно джинну из лампы.

⁶ Высокий холм (гэльск.).

⁷ Замок Дауни (гэльск.).

Как же, думала Брианна, глядя, как в круг света входит Роджер с боураном в руке, как же она могла так поступить?

Глава 5

Скачок в двести лет из вчерашнего дня

- Ты не надел килт! – разочарованно протянула Гэйл.
- Не то столетие, – улыбнулся Роджер. – Да и продувает.
- О-о научи меня! – От нетерпения Гэйл даже встала на цыпочки.
- Научить чему?
- Произносить «р» вот так. – Она сдвинула брови и честно попыталась. Вышло похоже на звук моторной лодки на низкой скорости.
- Пр-р-рекрасно, – кивнул Роджер, стараясь не расхохотаться. – Так дер-р-ржать. Повтор-р-рение – мать учения.
- Хоть гитара-то при тебе? – Гэйл попыталась заглянуть ему за спину. – Или тот клевый барабан?
- В машине. – Брианна спрятала ключи, остановившись рядом с Роджером. – Отсюда едем в аэропорт.
- Жалость какая! Я думала, мы еще куда-нибудь сходим, а потом песни попоем, отметим. Роджер, ты знаешь такую – «Эта земля – твоя земля» называется? Или ты больше по песням протеста? Впрочем, нет, ты ведь англичанин... ой, то есть шотландец. Вам же не о чем протестовать, верно?
- Брианна с легким раздражением глянула на подругу.
- Где дядя Джо?
- В гостиной, мучает телик. Мне развлечь нашего друга, пока ты сходишь к дяде? – Гэйл мигом схватила Роджера под руку и захлопала ресницами.
- У нас тут половина инженеров чертова Массачусетского института собралась, и никто, черт возьми, не может починить телик? – Доктор Джозеф Абернэйти обвел молодых людей, собравшихся в гостиной, обвиняющим взглядом.
- Потому что это электрика, па, – высокомерно отозвался его сын. – А мы все механики. Попросить механика починить цветной телек – все равно что просить гинеколога осмотреть болячку у тебя на... Ой!
- Прости, – сказал отец, глядя на сына поверх золотистой оправы очков. – Твоя нога, Ленни?
- Ко всеобщему веселью, Ленни тут же запрыгал по комнате на одной ноге, сжимая в руках ступню второй и делая вид, что ему очень и очень больно.
- Бри, солнышко! – Завидев ее, доктор оставил в покое телевизор и просиял, а потом пылко обнял девушку, хотя был заметно ее ниже. – А это... твой парень?
- Роджер Уэйкфилд, – представила его Брианна, слегка сощурившись. – Роджер, представляю тебе Джо Абернэйти.
- Здравствуйте, доктор...
- Зовите меня просто Джо.
- Мужчины обменялись рукопожатием, оценивая друг друга. Карие глаза доктора смотрели тепло, но все же цепко.
- Бри, солнышко, не хочешь возложить руки на эту развалину и оживить ее? – Доктор ткнул пальцем в сторону здорового телевизора, который безмолвно ожидал своей участи. – Вчера работал отлично, а сегодня... пф-ф!
- Брианна с сомнением уставилась на несчастный телик и достала из кармана швейцарский армейский нож.

– Думаю, могу проверить контакты. – Она извлекла из ножа отвертку. – Сколько у нас времени?

– Полчаса, наверное. – В дверях кухни возник коротко стриженный студент и окинул взглядом компанию, сгрудившуюся у стола с крошечным черно-белым телевизором.

– Продолжаем репортаж из Центра управления космическими полетами в Хьюстоне. Посадка ожидается через тридцать четыре минуты... – Возвужденный голос комментатора утонул в возбужденных возгласах зрителей.

– Ладно, ладно. – Доктор Абернэйти опустил руку Роджеру на плечо. – Значит, можно пропустить по стаканчику. Виски... шотландский, мистер Уэйкфилд?

– Прошу, зовите меня Роджер.

Абернэйти щедро плеснул янтарной жидкости в стакан и протянул гостю.

– Уверен, что вы пьете не только воду.

– Вы правы.

В стакане оказался самый настоящий «Лагавулин». Роджер с одобрительным видом сделал глоток, и доктор улыбнулся.

– Подарок от Клэр, мамы Бри. Отлично разбиралась в виски. – Он покачал головой, предаваясь воспоминаниям, и приподнял стакан.

– *Slàinte*, – тихо произнес Роджер и коснулся его стакана своим, прежде чем отпить.

Абернэйти прикрыл глаза в безмолвном восхищении... вот только виски или женщиной, Роджер понять не мог.

– Живая вода, правда? Я всерьез верю, что этот напиток и мертвого поднимет. – Доктор почтительно поставил бутылку обратно в бар.

Многим ли Клэр делилась с Абернэйти? Наверняка, подумал Роджер. Доктор вновь взял стакан и уставился в него долгим взглядом.

– Отец Бри умер, поэтому я возьму на себя эту роль. Как считаете, у нас осталось время на допрос с пристрастием, прежде чем там прилунятся, или вы сразу все выложите?

Роджер вскинул бровь.

– Ваши намерения, – пояснил доктор.

– Хм. Исключительно благородные.

– М-да? Я звонил Бри, чтобы уточнить насчет сегодня. Она не взяла трубку.

– Мы были на кельтском фестивале в горах.

– Ага. Я перезвонил в одиннадцать вечера. Потом в полночь. Результат тот же. – Взгляд доктора оставался цепким, но тепла в нем порядком поубавилось. – Бри одна, – сказал он, поставив с негромким стуком стакан. – И ей одиноко. И она хороша собой. Мне не хотелось бы, чтобы кто-то этим воспользовался, мистер Уэйкфилд.

– Могу сказать то же самое... доктор Абернэйти. – Роджер осушил стакан и твердо опустил его на стол. Щеки горели, и отнюдь не из-за «Лагавулина». – Если вы полагаете, что я...

– Говорит Хьюстон! – рявкнул большой телевизор. – База Спокойствия, ожидаем прилунения через двадцать минут!

Те, кто успел перебраться на кухню, с радостными возгласами прибежали обратно, потрясая бутылками кока-колы. Раскрасневшаяся от работы Брианна смеялась, отмахиваясь от поздравлений. Абернэйти придержал Роджера за руку.

– Запомните хорошенько, мистер Уэйкфилд, – понизил голос доктор. – Я не желаю в один прекрасный момент услышать, что вы сделали ее несчастной.

Роджер осторожно высвободил руку.

– Она выглядит несчастной? – как можно вежливей поинтересовался он.

– Не-ет, – протянул Абернэйти, перекатившись с носка на пятку. – Напротив. Именно то, как она сегодня выглядит, вызывает у меня подозрения, что, быть может, стоит съездить вам по физиономии от имени ее отца.

Роджер не удержался и тоже оглянулся на Брианну. Да уж, что есть, то есть. Темные круги под глазами, выбившиеся из хвоста пряди, а кожа сияет, как воск зажженной свечи. Брианна выглядела как женщина, у которой была долгая ночь. Причем весьма приятная.

И, словно почувствовав, Брианна посмотрела на Роджера прямо поверх головы Гэйл. Продолжая говорить с подругой, она не сводила с него взгляда.

Доктор выразительно кашлянул. Роджер с трудом отвернулся и увидел, что в глазах доктора появилась задумчивость.

– Ох, – уже другим тоном заговорил он, – вот оно как, да?

Роджер не застегивал воротник рубашки, но в тот момент почувствовал, будто на нем еще и слишком туго затянутый галстук. Однако в ответ посмотрел прямо и твердо.

– Да. Вот так.

Доктор Абернэйти потянулся за бутылкой виски и вновь наполнил оба стакана.

– Клэр говорила, что ты ей нравишься, да, – сдался он и приподнял свой стакан. – Быть по сему. *Slàinte*.

– Крути в другую сторону, Уолтер Кронкайт оранжевый!

Ленни Абернэйти услужливо провернул ручку на панели, и диктор стал зеленым, но все равно продолжал вещать:

– Примерно через две минуты командир экипажа, Нил Армстронг, и команда «Аполлона-11» впервые в истории совершат посадку на Луну...

Полутемная гостиная была забита людьми. Все прильнули к здоровенному телевизору. Изображение диктора сменилось записью запуска «Аполлона-11».

– Знаешь, я впечатлен, – шепнул Роджер Брианне. – Как ты с ним справилась?

Прислонившись спиной к книжному стеллажу, он притянул девушку к себе и устроил руки на ее бедрах.

– Кто-то выдернул вилку из розетки, – хмыкнула Брианна, не отрываясь от экрана. – Я просто вернула ее на место.

Роджер, смеясь, поцеловал шею девушки. Несмотря на гудящий кондиционер, в комнате стояла жара, и кожа Брианны была влажная и солоноватая.

– У тебя самая округлая задница в мире, – прошептал Роджер. Брианна нарочно прижалась к нему сильнее.

Из телевизора донесся шум голосов. Демонстрировали фото флага, который астронавты установят на поверхности Луны.

Роджер бросил взгляд на Джо Абернэйти; тот восхищенно смотрел на экран. Поэтому Роджер, незаметный в темноте, обнял Брианну, чувствуя на предплечье тяжесть ее груди. Брианна глубоко вдохнула и, расслабленно откинувшись на Роджера, накрыла его ладонь своей.

Они не вели бы себя столь дерзко, но им ничего не грозило. Роджер улетал через пару часов, так что далеко это все не пойдет. Прошлой ночью они играли с огнем, да... Роджер все гадал, врезал бы ему Абернэйти, признай он, что Брианна провела ночь в его постели?

По дороге с фестиваля за рулем сидел уже Роджер и разрывался между желанием по привычке съехать на левую полосу и восторгом от того, что Брианна к нему прижималась. Остановившись на кофе, они долго болтали, то и дело касаясь друг друга, тянулись ближе... К Бостону они подъехали уже почти с рассветом. Голова Брианны приятной тяжестью лежала на плече Роджера.

Чувствуя, что уже и сам вот-вот заснет и не сможет отыскать дорогу в незнакомом городе, Роджер добрался до гостиницы и тайком провел Брианну в свой номер, где она сразу заснула на постели.

А Роджер целомудренно провел остаток ночи на жестком полу, накинув на плечи шерстяную кофту девушки. Когда солнце встало, он пересел в кресло и молча смотрел, как лучи света озаряли лицо спящей.

Вот так все и было.

– Говорит База Спокойствия... Орел сел.

Тишину нарушил дружный глубокий вздох, и у Роджера по коже пробежали мурашки.

– Это маленький... шаг... для человека... – произнес дребезжащий голос, – но огромный скачок... для всего человечества.

Изображение на экране смазлось и стало зернистым. Все присутствующие повытягивали шеи, жаждающая увидеть, как грузная фигура в скафандре осторожно спускается, а затем впервые ступает на поверхность Луны. На щеках у одной из девушек заблестели слезы.

Даже Брианна обо всем позабыла. Ее ладонь выскользнула из руки Роджера, а сама девушка подалась вперед, охваченная происходящим.

Да уж, в такой день приятно быть американцем.

Роджер на миг растерялся, чувствуя всеобщее напряжение, пылкую гордость за свою страну и понимая, что Брианна тоже является ее частью. Другое столетие, да. Вот такой скачок в двести лет из вчерашнего дня.

Есть у них нечто общее, у историка и инженера? Когда он вглядывается в смутные тайны прошлого, а она обращена к сверкающему яркими красками будущему?

Затем в комнате зазвучали поздравления и болтовня. Брианна прижалась к Роджеру и крепко его поцеловала, а он все размышлял. Наверное, неважно, что они смотрят в разные стороны... до тех пор, пока видят друг друга.

Часть третья Пираты

Глава 6 Я сталкиваюсь с грыжей

Июнь 1767-го

– Ненавижу лодки, – процедил Джейми сквозь зубы. – Терпеть их не могу. Они мне самым натуральным образом отвратительны.

Его дядя, Гектор Кэмерон, жил на плантации под названием «Горная река», неподалеку от города Кросс-Крик. А Кросс-Крик, в свою очередь, лежал вверх по реке от Уилмингтона, причем в добрых двухстах милях. Как нам сказали, в это время года путь по воде займет от четырех дней до недели, в зависимости от ветра. А если мы предпочтем передвигаться по суше, то можем застрять недели на две или даже больше из-за размытых дорог и сломанных колес.

– На реках не бывает волн, – заметила я. – И мне кажется, что тащиться пешком двести миль по грязи куда-а-а отвратительней.

Иэн широко усмехнулся, но тут же поспешил придать лицу бесстрастное выражение, когда Джейми повернулся.

– Кроме того, – обратилась я к Джейми, – если у тебя начнется морская болезнь, то помни: иглы при мне. – Я похлопала по карману, где в футляре из слоновой кости покоился наборчик для акупунктуры.

Джейми шумно выдохнул, но промолчал. Мелкую проблему мы уладили; оставалась другая, уже серьезная: потянем ли мы оплату за лодку.

Богатыми мы, естественно, не были, однако кое-что нам по дороге перепало. Отправившись из Чарльстона на север, однажды мы наткнулись в лесу на заброшенную ферму, заросшую до неузнаваемости. Молодые тополя, как копья, пробивались наружу через остатки провалившейся крыши, а сквозь трещину в каминной плите пророс куст остролиста. Стены наполовину обрушились, почернели от гнили и покрылись зеленым мхом и ржавым лишайником. Понять, как давно это место покинули, было невозможно, хотя мы ясно видели, что в считанные годы лес бесследно поглотит руины дома и участок, останется лишь груда безликих камней.

А среди всей этой разрухи вдруг, самым невероятным образом, частично уцелел небольшой сад с персиковыми деревьями. Плоды буквально лопались от зрелости, окруженные жужжащими пчелами. Наевшись до отвала, мы переночевали у руин, а незадолго до рассвета загрузили в фургон сочащиеся бархатистые персики и отправились дальше.

Мы продавали их по пути и в итоге добрались в Уилмингтон с мешочком монет, в основном по одному пенни, но насквозь пропитанные запахом забродившего сока, будто искупались в персиковом бренди.

– Возьми. – Джейми вручил мне кожаный кисет с нашими сбережениями. – Купи сколько сможешь провизии... только никаких персиков, ладно? И надо еще что-нибудь, чтобы не выглядеть совсем уж нищобродами, когда заявимся к моему родичу. Может, иголку с ниткой?

Он вскинул бровь и кивнул на здоровую дыру в сюртуке Фергуса, которую тот заработал, свалившись с персикового дерева.

– Мы с Дунканом осмотримся, попробуем продать фургон и лошадей, выясним, как обстоят дела с лодками. А если здесь найдется золотых дел мастер, узнаю, сколько он предложит нам за камешек.

– Только осторожней, дядюшка, – предупредил Иэн, хмуро глядя на разношерстную толпу. – Ты ведь не хочешь, чтобы тебя обманули или обокрали посреди улицы.

Джейми с непроницаемым лицом заверил племянника, что примет надлежащие меры.

– Возьми с собой Ролло, – настаивал Иэн. – Он защитит!

Джейми уставился на пса, который, тяжело дыша, очень внимательно наблюдал за прохожими, и в его взгляде читался не столько интерес к новым людям, сколько едва сдерживаемый голод.

– Ладно, – сдался Джейми. – Ну, пойдем, песик. – Он глянул на меня, прежде чем вернуться. – Знаешь, прикупи-ка еще сушеной рыбы.

Небольшой городок Уилмингтон благодаря удачному расположению у самого устья судоходной реки мог похвастаться не только богатым рынком и корабельным доком, но и несколькими лавками, где наряду с вещами для повседневной жизни продавались предметы роскоши из Европы.

– Бобы, отлично, – сказал Фергус. – Люблю бобы, сколько угодно могу их есть. – Он поправил тяжеленный джутовый мешок на плече. – И обязательно нужен хлеб. И мука, и соль, и смалец. Солонина, сушеные вишни, свежие яблоки – тут все ясно. И рыба нужна. В иглах с нитками я тоже вижу несомненную пользу. Даже в расческе, – добавил он, покосившись на мои волосы, которые из-за влажного воздуха так и рвались на волю из-под широкополой шляпы. – И лекарства, конечно же. Но кружево?!

– Именно, – непреклонно произнесла я, сунув сверток с тремя ярдами брюссельского кружева ему в корзину. – А также ленты. По ярду каждой из широких шелковых лент, – обратилась я к потной девушке за прилавком. – Красную... это тебе, Фергус, так что не ной. Зеленую для Иэна, желтую для Дункана и темно-синюю для Джейми. И никакого расточительства. Джейми не хочет, чтобы мы предстали перед его дядей и тетей как оборванцы.

– А как же ты, тетушка? – усмехнулся Иэн. – Ты же не позволишь мужчинам вот так щеголять, пока сама будешь неприметная, как воробушек?

Фергус фыркнул, выражая одновременно и раздражение, и веселье.

– Вот эту, – указал он на большой темно-розовый моток.

– Нет, это цвет для молодой девушки, – возразила я.

– Женщине никогда не поздно надеть розовое, – твердо проговорил Фергус. – *Le mesdames* часто так говорили.

А я часто слышала от него мнения мадам. Юные годы Фергус провел в борделе, и, судя по его воспоминаниям, не только юные. Хотелось бы верить, что он бросит привычку вечно ссылаться на мадам, ведь теперь он женат на приемной дочери Джейми. Правда, Марсали по-прежнему оставалась на Ямайке, где ждала рождения их первенца, так что меня терзали сомнения. Все-таки в жилах Фергуса течет французская кровь.

– Ну, наверное, мадам виднее, – сдалась я. – Хорошо, давайте и розовую.

Нагруженные корзинами и сумками с провиантом, мы вышли на улицу. Стояла жара, однако с реки дул ветерок, так что после душной лавки оказаться снаружи было очень даже приятно. Я глянула на гавань, где легонько покачивались мачты нескольких корабликов, и увидела высокую фигуру Джейми. Он размашистым шагом вышел из прохода между домами. За ним трюсил Ролло.

Иэн радостно завопил, и пес скачками рванул к нам, яростно виляя хвостом при виде хозяина. В это время людей было маловато, но и они старались прижаться к ближайшей стене, дабы случайно не встать на пути сего счастливого воссоединения.

– Бог ты мой, – протянул кто-то сверху. – Таких огромных собак я еще не встречал. Развернувшись, я увидела некоего джентльмена. Он отстранился от стены таверны и вежливо приподнял шляпу.

– К вашим услугам, мэ. Смею надеяться, ваш зверь не предпочитает время от времени полакомиться человечинкой?

Я подняла взгляд выше... и еще выше. И еле удержалась от слов, что уж этому господину явно не пристало бояться Ролло.

Мой долговязый собеседник был огромен. Даже выше Джейми на несколько дюймов. Здоровенные ладони болтались на уровне моих локтей, а затейливо украшенный бусинами ремень оказался напротив моей груди. Возжелай вдруг я обнять этого мужчину, уткнулась бы носом ему в пупок. К счастью, подобного желания у меня не возникло.

– Нет, пес питается рыбой, – заверила я нового знакомого.

Заметив, как я тяну шею, он любезно опустил на корточки. Его колени при этом звонко хрустнули. Теперь рассмотреть черты лица мешала густая черная растительность. Виднелись лишь нелепо вздернутый нос да спокойные карие глаза.

– Что ж, весьма рад. Не хватало только лишиться половины ноги с утра пораньше. – Незнакомец стянул с голову изношенную шляпу с ободренным индюшиным пером, заткнутым за ленту, и поклонился. Черные пряди упали на плечи. – Джон Куинси Майерс, к вашим услугам, мэ.

– Клэр Фрейзер. – Я восхищенно протянула ему руку.

Он покосился на нее, затем поднес мои пальцы к носу и принюхался.

– Вы, часом, не травница будете? – расплылся он в широкой улыбке, очаровательной, несмотря на отсутствие половины зубов.

– Я... кем?

Он осторожно перевернул мою руку ладонью вверх и указал на пятна хлорофилла.

– Если у дамы зеленые пальцы, возможно, она просто ухаживала за розами. Но дама, чья ладонь пахнет корнем сассафраса и корой хинного дерева, скорее всего, очень многое знает о растениях. Согласен? – дружелюбно обратился Майерс к Иэну, который рассматривал его с неприкрытым любопытством.

– Ага! – закивал мальчишка. – Тетушка Клэр – известная целительница. Знахарка! – Он глянул на меня с гордостью.

– Во как? – округлил глаза Майерс. – Черт побери, вот это повезло так повезло! Не зря я решил подождать сперва, а не сразу идти в горы искать шамана.

– Вы больны, мистер Майерс? – спросила я.

Выглядел он, по крайней мере, вполне здоровым. Правда, сказать наверняка было сложно из-за бороды и тонкого слоя жирной грязи, которая покрывала все, что виднелось из-под потрепанной одежды. Единственное исключение – широкий белый лоб, обычно скрытый под шляпой.

– Не, думаю, не больной. – Майерс вдруг встал на ноги и принялся задирает край рубахи из оленьей кожи. – По крайней мере, не гонорея и не сифилис, уж их-то я повидал.

То, что я поначалу приняла за штаны, оказались длинными кожаными гамашами с набедренной повязкой поверх. Продолжая говорить, Майерс как раз возился с узлом на шнурке данного предмета гардероба.

– Но чертовски досаждают. Вдруг вылезла здоровенная штука прямо за... – он покосился на меня, – шарами моими. Ужасно неудобно, как вы, наверное, догадались, хотя и не болит, разве что пока верхом не сяду. Может, глянете да скажете потом, что мне с этим делать, а?

– Э-э... – Я бросила на Фергуса злой взгляд, но паршивец лишь поправил на плече мешок с бобами, с интересом наблюдая.

– Неужели я имею удовольствие лицезреть мистера Джона Майерса? – раздался у меня за плечом вежливый голос с шотландским акцентом.

Мистер Майерс бросил шнурок и поднял голову.

– Не могу ничего сказать насчет удовольствия, сэр, – отозвался он не менее учтиво. – Но если вы искали Майерса, то, несомненно, его обнаружили.

Джейми шагнул вперед, тактично меня загородив, и должным образом поклонился. Шляпу он при этом держал под мышкой.

– Джейми Фрейзер, к вашим услугам. Мне посоветовали упомянуть Гектора Кэмерона при знакомстве с вами.

Майерс с любопытством глянул на рыжие волосы Джейми.

– Шотландец? Из горных парней, да?

– Да, я шотландец и горец.

– Родич старины Гектора?

– Он мой дядя через брак, хотя лично мы не встречались. Мне говорили, что вы его хорошо знаете и, возможно, сообразовите указать нам путь к его плантации.

Оба мужчины откровенно изучали друг друга, оценивая манеру держаться, одеяние и оружие. Взгляд Джейми одобрительно задержался на длинном охотничьем ноже на поясе Майерса, а у того даже ноздри расширились от интереса.

– *Comme deux chiens*, – тихо заметил Фергус за моей спиной. Как два пса. – ...*aux culs*.

Ну да, того и гляди, примутся друг другу задницы обнюхивать.

Мистер Майерс мельком глянул на Фергуса, и в глубине карих глаз отразилось веселье. Может, он и неотесанный охотник, но, очевидно, во французском что-то смыслил.

Учитывая обоняние Майерса, а также полное отсутствие у него застенчивости, я не удивилась бы, если он рухнул бы на четвереньки и оправдал ожидания Фергуса. Впрочем, он и без того внимательно изучал не только Джейми, но и остальных, включая меня и Ролло.

– Отличный пес, – небрежно бросил Майерс, протягивая ему широкие костяшки. Приняв приглашение, Ролло внимательно обнюхал чужака от ботинок до набедренной повязки.

– Ваш дядюшка, а? Он знает, что вы к нему нагрянете?

Джейми покачал головой:

– Я отправлял письмо из Джорджии месяц назад, но не могу сказать, дошло ли оно.

– Вряд ли, – задумчиво произнес Майерс. Он снова задержал взгляд на Джейми, потом оглядел и остальных. – С вашей женой я уже знаком. Сын? – Он кивнул на Иэна.

– Племянник, Иэн. И приемный сын Фергус. – Джейми представил обоих взмахом ладони. – Еще с нами друг, Дункан Иннес, он вскоре подойдет.

Хмыкнув, Майерс кивнул.

– Ладно, доставлю я вас к Кэмерону. Хотел убедиться, что вы ему родня, но вижу, лицом вы похожи на его вдовушку. Да и мальчишка тоже.

Джейми вскинул голову.

– Вдовушку?

В кустистой бороде мелькнула хитрая усмешка.

– У старины Гектора ужасно разболелось горло, вот и помер в конце прошлой зимы. Не думаю, что *туда* ему доходит почта. – Впрочем, с темы Кэмеронов Майерс быстро перешел к более насущным проблемам и снова взялся за шнурок. – Лиловая такая штука, – пояснил он. – Размером почти с мое яйцо. Может, третье вымахало, а?

– Сомневаюсь. – Я закусила губу.

Майерс почти распутал узел, и на нас начинали пялиться прохожие.

– Погодите, не утруждайтесь... – выпалила я. – Уверена, что и без того могу сказать... У вас паховая грыжа.

Майерс распахнул глаза шире.

– Правда? – Диагноз его скорее впечатлил, чем напугал.

– Придется вас осмотреть... где-нибудь в помещении, – быстро добавила я. – Чтобы убедиться наверняка. Но, судя по вашему рассказу, мы имеем дело именно с ней. Ее легко удалить хирургически... – Я замешкалась, окинув великана взглядом. – Не знаю... В смысле, для этого вам надо уснуть. Точнее, быть без сознания. Понимаете, мне придется разрезать вас, а потом снова зашить. Пожалуй, лучше наложить бандаж... то есть повязку.

Майерс поскреб подбородок.

– Не, я пробовал, не помогло. Разрезать... Вы, ребята, в городе задержитесь еще?

– Ненадолго, – твердо сказал Джейми. – Отправимся по реке, как только найдем лодку.

– Хм. – Великан задумался, но тут же просиял: – Я знаю подходящего человека. Сию же минуту приведу Джоша Фримана из «Приюта моряка». Солнце еще высоко, значит, надраться он не успел. А после не будет ли ваша жена столь любезна, чтобы встретиться со мной вон в той таверне – там место попримечнее, чем у моряков, – и осмотреть... э-э... – Майерс шевельнул губами, пытаясь вспомнить, но быстро сдался: – Болячку мою.

Затем он нахлобучил на голову шляпу, кивнул Джейми и зашагал по улице. Джейми проследил взглядом за этим исполином, который, продвигаясь, сердечно здоровался со всеми прохожими.

– Да ж что в тебе такого, саксоночка? – произнес он непринужденно, не сводя с Майерса глаз.

– А что там во мне?

Джейми сощурился, глядя уже на меня.

– То, от чего все мужики через пять минут после встречи с тобой норовят из штанов выпрыгнуть.

Фергус поперхнулся. Щеки Иэна порозовели. А я напустила на себя как можно более скромный вид.

– Ну, уж если ты не знаешь, милый, то не знает никто. Зато я вот, кажется, нашла нам лодку. А ты-то чем все утро занимался?

Джейми, как всегда старательный, раздобыл потенциального покупателя для наших камней. И приглашение на ужин к губернатору в довесок.

– Губернатор Трион как раз в городе. Остановился в доме некоего мистера Лиллингтона. Утром я говорил с купцом Макичерном, который отправил меня к парню по имени Маклауд, а тот...

– ...представил Макнилу, который отвел тебя выпить вместе с Макгрегором, который рассказал тебя все о своем племяннике, Бетьюне, который приходится троюродным братом пареньку, который чистит губернатору ботинки, – предположила я, к тому времени уже разобравшись, какими окольными путями делаются дела между шотландцами.

Стоит только оставить в одной комнате двух горцев, и через десять минут они успеют поведать друг другу историю своих семей за последние лет двести и заодно выяснят, что у них полным-полно общих родичей и знакомых.

Джейми усмехнулся.

– Точнее, это был секретарь жены губернатора, – поправил он, – и зовут его Мюррей. Старший сын Мэгги, кухни твоего отца, с берегов Лох-Линне, – добавил Джейми, обращаясь к Иэну. – Его отец уехал после восстания.

Иэн кивнул и, вне всяких сомнений, внес новые сведения в собственную картотеку, ведь придет день, когда они пригодятся.

Эдвин Мюррей тепло принял Джейми как родича, пусть и через брак, и достал нам приглашение отужинать у Лиллингтона сегодня вечером, якобы для того, чтобы Джейми поведал губернатору о торговле в Ост-Индии. На самом деле мы намеревались познакомиться с баро-

ном Пенцлером, зажиточным немецким аристократом. Как человек не только богатый, но и обладающий хорошим вкусом, он прослыл собирателем мастерски исполненных вещей.

– Вроде бы неплохо, – неуверенно сказала я, – но иди-ка ты туда лучше сам. Не могу я ужинать с губернаторами в таком виде.

– Да ну, нормаль... – Джейми умолк и медленно окинул взглядом грязное, рваное платье, растрепанные волосы и изношенную шляпу. – Нет, саксоночка, ты мне нужна. Вдруг придется отвлекать.

– Кстати, скольких пинт эля тебе стоило сие приглашение? – поинтересовалась я, вспомнив о наших скудных финансах.

И глазом не моргнув, Джейми взял меня под руку и потянул к лавкам.

– Шести, но он заплатил за половину. Пойдем, саксоночка, ужин в семь, а нам еще приличный наряд тебе надо выбрать.

– Мы не можем себе позволить...

– Это вложение средств, – отрезал Джейми. – И кузен Эдвин одолжил мне немного денег. Верну, когда продадим камень.

Платье уже два года как вышло из моды на Ямайке, зато было чистым.

– С вас капает, мадам, – раздался холодный голос.

Говорила невысокая худая женщина среднего возраста – знаменитая в Уилмингтоне швея. Как я поняла, она привыкла, что ее указаниям следуют беспрекословно. Стоило мне отказаться от чепца с оборочками в пользу только вымытых волос, как она хмуро пригрозила мне возможным плевритом. А когда я попросила, чтобы традиционный тяжелый корсет заменили на легкий – он поддерживает грудь, а не стискивает, – булавки, которые швея держала во рту, ошетинились, словно иглы на спине дикобраза.

– Прошу прощения. – Я быстро засунула влажную прядь волос обратно под льняное полотенце, намотанное на голову.

Гостевые покои в огромном доме мистера Лиллингтона оказались полностью заняты свитой губернатора, поэтому меня сослали в комнатку Эдвина под самой крышей конюшен. Так что примерку платья сопровождали приглушенный перестук копыт и хруст сена снизу. Время от времени вдобавок доносилось монотонное насвистывание конюха, который выгребал навоз.

Впрочем, я и не думала жаловаться. Конюшни мистера Лиллингтона были куда чище трактира, где мы с Джейми оставили наших спутников. А миссис Лиллингтон весьма любезно предоставила мне большую бадью горячей воды и кусок мыла с ароматом лаванды, что для меня куда важнее любых новых платьев. Больше никаких персиков, никаких...

Я привстала на цыпочки, пытаюсь выглянуть в окно – вдруг Джейми идет? Швея тут же заворчала – она приводила в порядок край юбки.

Платье само по себе было довольно простое, из кремового шелка, зато с кринолином, украшенным полосками винного цвета. По корсажу в два ряда сбегали бордовые рюши. А еще я пришила купленные заранее брюссельские кружева к коротким рукавам. Сойдет, пусть и не высший класс.

Сперва меня удивила уж очень низкая цена, но потом я заметила, что ткань довольно грубая и местами на ней встречались утолщения. Из любопытства я потерла ее между пальцами. Хотя в шелках я не особо смыслила, во время плавания знакомый китаец как-то едва ли не целый день посвящал меня в тонкости работы шелкопрядов и едва заметных различий в ее результате.

– Скажите, а откуда этот шелк? – спросила я. – На китайский не похоже... Франция?

Швея подняла взгляд, временно сменив гнев на милость.

– Да, не китайский. Изготовлен в Южной Каролине. Там проживает одна дама, миссис Пинкни. Засадилась половину своей земли шелковицей и начала разводить шелкопрядов.

Может, по качеству ткань и уступает китайской, – неохотно признала она, – но зато вполнину дешевле. – Швея снова покосилась на меня и кивнула. – Почти готово. Рюш отменно подчеркивает румянец. Мадам, прошу прощения, что-то нужно сделать с шеей. Раз уж вы не желаете ни чепец, ни парик, то, возможно, повяжете ленту?

– Точно, лента! – осенило меня. – Да, отличная мысль. Прошу, загляните в корзину, там лежит подходящая.

Вдвоем мы сумели справиться с моими волосами, перевязав их темно-розовой лентой. Несколько влажных кудрей все равно прикрыли уши и упали на лоб.

– Не слишком явно я моложусь?

– Что вы, мадам, – успокоила меня швея. – Вполне достойно, уж поверьте мне. – Она нахмурилась. – У вас нет драгоценностей?

– Только это.

Изумленно обернувшись, мы увидели в дверях Джейми, который умудрился войти незамеченным.

Он тоже успел принять ванну и раздобыл чистую рубаху с шейным платком. А еще кто-то потрудился над его прической: расчесал и заплел волосы в аккуратную косу, перевязанную синей лентой. Сюртук не только почистили, но и обновили рядом позолоченных пуговиц с цветочной гравировкой по центру.

– Какая прелесть. – Я дотронулась до пуговки.

– Взял взаймы у золотых дел мастера, – пояснил Джейми.

Он достал из кармана грязный платок, в который завернул... тоненькую золотую цепочку.

– Времени у него хватило только на самую простую оправу. – Джейми сосредоточенно застегнул украшение на моей шее. – Ну, оно и к лучшему, правда?

Рубин блеснул прямо над ложбинкой меж грудей, отбрасывая розоватые отсветы на бледную кожу.

– Хорошо, что ты выбрал именно его. – Я бережно коснулась камня. Он все еще хранил тепло тела Джейми. – Лучше подходит к платью, чем сапфир или изумруд.

Швея поражено приоткрыла рот. Она глянула на меня, потом на Джейми. Кажется, наше положение в ее глазах стремительно выросло.

Джейми наконец рассмотрел мой наряд – медленно, от макушки до края подола – и улыбнулся.

– А из тебя вышла неплохая шкатулка для украшений, саксоночка. Отличный отвлекающий маневр.

Он выглянул в окно, где закатное солнце по-прежнему озаряло подернутое дымкой небо, затем поклонился мне и шутливо шаркнул ногой.

– Не соблаговолите ли оказать мне честь сопроводить вас к ужину?

Глава 7

Великие планы идут бок о бок с риском

Как мне уже было известно, в восемнадцатом веке на стол тащили любую дичь, которую только можно было поймать. Чего я не понимала, так это здешнюю любовь подавать блюда в изначальном виде, словно добычу никто не готовил или даже вовсе не убивал.

Я уставилась на огромного осетра. Он тоже на меня тарашился. Какой тут аппетит? У рыбыны имелись не только глаза, но и чешуя с плавниками. Совершенно невредимая на вид трехфутовая махина возлежала на волнах заливного из икры и молок, и всю эту конструкцию украшало множество крошечных крабиков – их сварили целиком и художественно разбросали.

Сделав очередной приличный глоток вина, я повернулась к соседу по столу, лишь бы не пялиться на выпученные глазища осетра.

– ...крайне беспардонный тип! – восклицал мистер Стэнхоуп, описывая некоего джентльмена, которого ему довелось повстречать на почтовой станции по пути в Уилмингтон из своего поместья возле Нью-Берна. – Представьте, буквально посреди обеда принялся рассказывать о своем геморрое и какие муки тот причиняет, когда экипаж бесконечно трясется. А как доказательство сей неотесанный болван извлек из кармана окровавленный носовой платок! Испортил весь аппетит, мэм, уж можете мне поверить, – сообщил он, наколов на вилку внушительный кусок куриного фрикасе, а потом начал медленно жевать, не сводя с меня блеклых и выпученных, как у того осетра, глаз.

Филип Уайли, сидевший напротив, весело скривился.

– Поосторожней, Стэнхоуп, не то ваш рассказ произведет ровно то же впечатление, – кивнул он на мою нетронутую тарелку. – Впрочем, отправляясь в путешествия не на личном транспорте, вы рискуете провести время в весьма разношерстной компании.

Стэнхоуп фыркнул, отряхивая крошки с шейного платка.

– Не стоит зазнаваться, Уайли. Не все могут себе позволить личного извозчика, особенно когда ввели столько новых налогов. – Он возмущенно взмахнул вилкой. – Табак, вино, бренди – еще куда ни шло, но налог на газеты?! Неслыханно! Представьте, когда старший сын моей сестрицы в прошлом году получил ученую степень в Йельском университете, – Стэнхоуп важно надулся и неосознанно повысил голос, – ей, черт возьми, пришлось заплатить полшиллинга, чтобы свидетельство мальчишки просто-напросто официально скрепили печатью!

– Теперь подобного уже не будет, – терпеливо заметил кузен Эдвин. – Закон о печатях утратил силу, и...

Стэнхоуп схватил крабика с блюда и обвинительно взмахнул им в сторону Эдвина.

– Один отменили, другой введут. Налоги растут как грибы! – Он забросил крабика в рот и продолжил невнятно бормотать, что не удивится, если следующим появился налог уже на воздух.

– Как понимаю, вы недавно вернулись из Ост-Индии, мадам Фрейзер? – спросил барон Пенцлер, сидевший по другую руку от меня. – Сомневаюсь, что вам знакомы местные дела... или что они вам интересны, – добавил он.

– О, что вы, налоги интересуют всех. – Я слегка повернулась, чтобы он смог рассмотреть мою грудь получше. – Вам не кажется, что налоги – это плата за жизнь в цивилизованном обществе? Впрочем, выслушав рассказ мистера Стэнхоупа, – я чуть наклонила голову в его сторону, – я думаю, он согласится, что уровень общества не вполне соответствует уровню налогообложения?

– Ха-ха! – Стэнхоуп поперхнулся хлебом и закашлялся. Во все стороны полетели крошки. – Ох, отлично сказано! Не вполне соответствуют... ха-ха, верно, ох как верно!

Выражение лица Филипа Уайли оставалось скептическим, но все же на меня он взглянул с одобрением.

– Миссис Фрейзер, прошу, постарайтесь не столь ярко забавлять собеседников, – проговорил он. – Иначе бедняга Стэнхоуп рискует расстаться с жизнью.

– Мм... и какова сейчас налоговая ставка, как вы считаете? – спросила я, тактично уводя разговор от кашляющего Стэнхоупа.

Уайли сжал губы, размышляя. Он был тем еще щеголем: носил парики по последней моде и мушку в форме звездочки у рта. Впрочем, под слоем пудры можно было рассмотреть и красивое лицо, и живой ум.

– Что ж, учитывая все мелкие расходы, то вплоть до двух процентов, если включить и налог на рабов. Добавьте налоги на землю и урожай – и получится еще выше.

– Два процента! – задохнулся Стэнхоуп, колотя себя по груди. – Чудовищно! Просто чудовищно!

Припомнив последнюю налоговую декларацию, которую мне довелось заполнять, я сочувственно согласилась, что два процента – это, несомненно, обдираловка. Интересно, куда делся яростный пыл американских налогоплательщиков за два столетия?..

– Возможно, нам стоит сменить тему? – предложила я, заметив, как к нам уже обращаются взгляды окружающих. – В конце концов, говорить о налогах в доме губернатора – все равно что вспоминать о веревке в доме повешенного, верно?

Мистер Стэнхоуп проглотил краба целиком и подавился уже всерьез. Сосед с другой стороны похлопал его по спине, а чернокожего мальчика, в чьи обязанности входило убивать насекомых у окна, поспешно послали за водой. Я на всякий случай заметила тонкий и острый нож у рыбного блюда, хотя надеялась, что мне не придется проводить трахеотомию прямо здесь. Не то внимание к своей персоне я надеялась привлечь.

К счастью, столь крутые меры не понадобились. После особо удачного удара краб все-таки вырвался на свободу, а его жертва, пусть побагровела и хватала воздух ртом, все же осталась невредима.

– Кто-то упомянул газеты, – произнесла я. – Мы здесь пробыли всего ничего, и мне пока ни одна не встретилась. В Уилмингтоне выходит регулярное издание?

Вопрос я задала не только, чтобы дать мистеру Стэнхоупу прийти в себя. У меня были и личные мотивы. Среди скудного имущества Джейми имелся печатный станок, на хранении в Эдинбурге.

Как оказалось, в Уилмингтоне проживали два печатника, но лишь один – некий мистер Джонатан Жиллетт – выпускал регулярную газету.

– И вскоре она, скорее всего, перестанет таковой быть, – мрачно сообщил Стэнхоуп. – Говорят, мистер Жиллетт получил предупреждение от Комитета по безопасности о том... Ох! – Его пухлое лицо исказилось от боли и удивления.

– А у вас к газетам особый интерес, миссис Фрейзер? – вежливо поинтересовался Уайли, глянув исподлобья на товарища. – Слышал, ваш муж как-то связан с печатным делом в Эдинбурге.

– Да, так и есть, – согласилась я, несколько удивленная. Откуда он столько о нас знает? – Впрочем, Джейми печатал не газеты, а книги, пьесы и подобное.

Ровно очерченная бровь Уайли взметнулась вверх.

– То есть ничего политического? Печатников зачастую подкупают те, кто хочет излить свою страсть на страницах газет... Сам печатник может ее и не разделять.

А вот и тревожный звоночек. Знал ли Уайли что-то о политических связях Джейми в Эдинбурге, большинство которых были откровенно мятежными, или просто поддерживал спокойную беседу за столом? Судя по замечаниям Стэнхоупа, газеты и политика явно переплелись в сознании людей – впрочем, неудивительно, учитывая времена.

Джейми, расположившийся на дальнем конце стола, уловил свое имя и незаметно мне улыбнулся, затем возобновил серьезную беседу с губернатором, рядом с которым и сидел. Я не знала, похлопотал ли насчет этого мистер Лиллингтон, сидевший с другой стороны от губернатора и слушавший разговор с вдумчивым и слегка печальным, как у бассет-хаунда, выражением лица, или кузен Эдвин, который занимал место напротив меня, между Филипом Уайли и его сестрой Джудит.

– О, ремесленник, – многозначительно изволила заметить сия дама. Она улыбнулась, стараясь не демонстрировать зубы. Гнилые, наверное. – А это... – она неопределенно взмахнула рукой, как бы сравнивая мои волосы с лентой и свой монументальный парик, – нынче модно в Эдинбурге, миссис Фрейзер? Очаровательно.

Уайли, прищурившись, глянул на сестру.

– Еще я, кажется, слышал, что мистер Фрейзер приходится племянником миссис Кэмерон из «Горной реки», – вежливо произнес он. – Мой собеседник не солгал, миссис Фрейзер?

Эдвин, который, несомненно, и был тем собеседником, сосредоточенно намазывал булочку маслом. Высокий и располагающий к себе молодой человек с живыми карими глазами, на секретаря он походил мало.

Барон, которому наскучили как налоги, так и газеты, слегка оживился:

– «Горная река»? Вы в родстве с миссис Иокастой Кэмерон?

– Она приходится тетушкой моему мужу, – ответила я. – Вы с ней знакомы?

– О, разумеется! Восхитительная женщина, в высшей степени восхитительная! – Обвисшие щеки барона качнулись, и он расплылся в улыбке. – Уже много лет я прихожусь близким другом миссис Кэмерон и ее мужу, к несчастью, покойному.

Барон воодушевленно пустился перечислять красоты поместья, а я воспользовалась затишьем и решила перекусить рыбным пирогом. Откинувшись на спинку, дабы позволить лакею подлить чуть больше соуса на тарелку, я уловила взгляд Джудит Уайли. Эдакий прищур с откровенной неприязнью. Я мило улыбнулась в ответ, выставляя напоказ безупречные зубы, и снова повернулась к барону.

В комнате Эдвина зеркала не нашлось. Джейми уверял, что я выгляжу превосходно, но его представления о красоте значительно отличались от веяний моды. Да, я получила немало комплиментов, однако джентльмены вполне могли лишь проявлять вежливость. Аристократы славились непомерной любезностью.

А вот мисс Уайли была на четверть века меня младше, одета по последней моде и при драгоценностях. Не писаная красавица, но и не простушка. Ее ревность отражала мой внешний вид куда лучше любого зеркала.

– Какой чудный камень, миссис Фрейзер... позвольте рассмотреть? – наклонился барон. Пухлые пальцы осторожно зависли у моего бюста.

– Конечно, – с готовностью отозвалась я.

Мигом расстегнув цепочку, я уронила камень в его широкую потную ладонь. Барон слегка расстроился, что изучить украшение на прежнем месте не удалось, но с видом знатока поднес его к глазам. Впрочем, в камнях барон явно разбирался: из нагрудного кармана он извлек небольшой прибор, оказавшимся соединением оптических линз.

Утратив бдительность, я не заметила, как дворецкий положил мне в тарелку порцию чего-то горячего и острого. Ну зачем, зачем подавать подобное, когда в помещении и так не продохнуть от жары?

– Прекрасно, – пробормотал барон, перекатывая камень в ладони. – *Sehr schön*⁸.

⁸ Очень красиво (нем.).

Я мало в чем полагалась на Гейлис Дункан, но ее вкусу в драгоценных камнях вполне доверяла. «Он должен быть первоклассным, – объясняла она мне свою теорию о путешествиях сквозь время посредством таких сокровищ. – Полностью безупречным и большим». Да, рубин был крупным – размером почти с перепелиные яйца, которые украшали блюдо с полностью оперенным фазаном. И, несомненно, идеальным: с его помощью Гейлис перенеслась в будущее. Я же надеялась, что он доставит нас хотя бы в Кросс-Крик. С этими мыслями я попробовала то, что оказалось у меня на тарелке, – нечто похожее на рагу, очень нежное и ароматное.

– Как вкусно, – поделилась я с мистером Стэнхоупом, в очередной раз поднося вилку ко рту. – Не подскажите, что за блюдо?

– О, одно из моих любимейших, мэм. – Он с блаженным видом принялся к своей тарелке. – Маринованные свиные морды. Прелестно, верно?

Закрыв за собой дверь, я оперлась о нее спиной и облегченно выдохнула. В комнате Эдвины не приходилось бесконечно улыбаться, поэтому я с удовольствием расслабила уже ноющую челюсть. А теперь – скорее снять липнущее к коже платье, тесный корсет и потные туфли.

Спокойствие, одиночество, обнаженность и тишина. И ничего больше не надо, ну, кроме глотка свежего воздуха. Раздевшись до нижней рубашки, я распахнула окно.

В комнату вошел воздух – такой плотный, словно можно шагнуть с подоконника вниз и неспешно поплыть к земле, как камешек ко дну кувшина с вязкой патокой. На пламя свечи тут же прилетели насекомые, кровожадные и очарованные светом. Я задула огонь и присела на банкетку уже в темноте.

На шее каплей черной крови поблескивал рубин. Теплый, как моя собственная кровь.

Гости уже разъезжались, у дороги ожидали экипажи. До меня долетали обрывки прощаний, разговоров, тихого смеха.

– ...довольно умна, на мой взгляд, – расслышала я манерный голос Филипа Уайли.

– Ах, умна, конечно же! – взвизгнула его сестрица. Стало ясно, что она думает о значении ума для светских дам.

– Видишь ли, дорогая, умную женщину можно вынести, если на нее приятно и смотреть. В свою очередь, красавица может обойтись без выдающихся способностей, ежели ей хватает ума держать рот на замке.

Мисс Уайли, конечно, умом не блистала, однако тонкий намек уловила и фыркнула самым неподобающим леди образом.

– Да ей лет сто, не меньше. Приятно смотреть, как же! А вот на шее у нее украшение висело красивое, – нехотя добавила она.

– Вполне, – согласился третий голос, глубокий. Ллойд Стэнхоуп. – Хотя оправа впечатляла куда сильнее.

– Оправа? – возмутилась мисс Уайли. – Откуда там оправа, камень просто на ее груди лежал!

– В самом деле? – вежливо отозвался Стэнхоуп. – Я и не заметил.

Уайли расхохотался.

– Ну, старик, ты не заметил, так нашлись другие, кто сумел, – лукаво произнес он. – Пойдемте, экипаж подан.

Я вновь коснулась рубина, наблюдая, как красивые серые лошади увозят гостей прочь. Да, другие нашлись. Я по-прежнему чувствовала на груди алчный взгляд барона. Ценил он явно не только драгоценности.

Камень тяжестью лежал в ладони. Мне даже казалось, что он теплее кожи. Я редко носила украшения помимо двух обручальных колец, да и не стремилась. Как хорошо будет избавиться хотя бы от части наших опасных сокровищ. Но я как зачарованная качала камень в ладони, пока не начала слышать в нем крошечное сердце, бьющееся в такт с моим.

Наконец у дома остался лишь один экипаж. Кучер терпеливо ждал рядом с лошадьми. Примерно через двадцать минут из дома вышел и владелец, добавивший к словам прощания добродушное «*Gute nacht*»⁹. Барон засиделся до последнего и уезжал в приподнятом настроении. Хороший знак.

Лакей, снявший ливрею, потушил факелы. Я рассмотрела белое пятно его рубахи, когда он в темноте возвращался. На миг вспыхнул свет – лакей вошел в дом и снова закрыл дверь. Опустилась ночная тишина.

Я ожидала, что Джейми сразу ко мне поднимется, однако минуты все тянулись и тянулись, а его шагов по-прежнему не было слышно. Я глянула на постель, но поняла, что не хочу ложиться.

Поднявшись, я вновь натянула платье, правда, не стала заморачиваться чулками и даже туфлями. Я босиком тихонько прошла по коридору, спустилась по лестнице и через крытый переход попала в главную часть дома. Царила темнота, лишь лунный свет сочился сквозь оконные переплеты. Большинство слуг уже легли спать, как и хозяева с гостями. Но наверху, за перилами лестницы, мелькнули огоньки – в столовой по-прежнему сияли канделябры.

Прокравшись на цыпочках, я расслышала приглушенную беседу тет-а-тет: глубокий, с шотландскими нотками голос перекликался с английским губернатора.

Свечи почти догорели. Воздух наполнился сладостью талого воска. У дверей клубились низкие облака пахучего сигарного дыма.

Я тихонько остановилась неподалеку от входа. Неплохое место для наблюдения. Я увидела спину губернатора, который вытянул шею, прикуривая очередную сигару от свечи на столе.

Если Джейми меня заметил, то виду не подал. Его лицо хранило привычное выражение спокойного благодушия. Напряженные морщинки у глаз и рта разгладились, да и плечи слегка опустились. Значит, он на самом деле расслаблен. На душе сразу стало легче. Он добился успеха.

– ...называется «Горная река», – говорил Джейми губернатору. – Глубоко в холмах за Кросс-Криком.

– Да, знаю, – немного удивленно отозвался тот. – Мы с супругой как-то провели в Кросс-Крике несколько дней. Объезжали колонию, когда меня назначили на пост. «Горная река» располагается далеко от города, я бы даже сказал, что она на полпути к горам.

Джейми улыбнулся и глотнул бренди.

– Ну, мы горцы, сэр, так что там для нас словно дом родной.

Выдохнув дым, губернатор вынул сигару изо рта и доверительно наклонился к Джейми.

– Так как мы здесь одни, мистер Фрейзер, я хотел бы кое-что вам предложить. Еще стаканчик?

Не дожидаясь ответа, он плеснул бренди из графина.

– Благодарю, сэр.

Губернатор некоторое время яростно попыхивал сигарой, пока она наконец не разгорелась как следует, затем откинулся на спинку. Сигара небрежно зависла в пальцах.

– Юный Эдвин упоминал, что вы в колониях недавно. Знакомы со здешними условиями?

– Старался узнать как можно больше, – ответил Джейми, слегка пожав плечами. – Какие условия вы имеете в виду?

– Северная Каролина – земля весьма богатая. И все же мы до сих пор не процветаем так, как наши соседи. В основном из-за нехватки рабочих. Понимаете, порт здесь не построишь, нет достаточно большой бухты. Значит, приходится перевозить рабов из Южной Каролины или

⁹ Доброй ночи (нем.).

Вирджинии, а это стоит немалых денег. Мы не сможем угнаться за Бостоном и Филадельфией. Поэтому поощряем трудолюбивые и набожные семьи заселять эти земли, чтобы обеспечить благополучие и безопасность края.

Губернатор глубоко затынулся и медленно выдохнул дым. Затем, откашлявшись, продолжил:

– В связи с этим, сэр, возникла система пожалования, согласно которой джентльмену со средствами выделяют приличный участок земли. Сей джентльмен, в свою очередь, берет на себя обязанность уговорить ряд эмигрантов поселиться там под его покровительством. Эта политика уже оправдала себя за последние тридцать лет. Многие приличные шотландцы вняли призыву и переехали сюда. Причем я был поражен, когда своими глазами увидел, сколько в Кейп-Фире Макнилов, Бьюкененов, Грэхемов и Кэмпбеллов!

Губернатор поднес к губам сигару, но тут же в нетерпении заговорил вновь:

– Остается еще полно отменных земель – в глубь континента, в сторону гор. Несколько отдаленно, да, однако, как вы говорите, для народа, привыкшего к высотам Шотландии...

– Я слышал о таких пожалованиях, сэр, – перебил его Джейми. – Но разве в законе не сказано, что землю даруют только белым мужчинам-протестантам старше тридцати лет?

– Так звучит данный акт, верно. – Мистер Трион повернулся ко мне в профиль, стряхивая пепел в небольшую фарфоровую мисочку. Выражение его лица при этом казалось сродни тому, что бывает у рыбака, когда тот чувствует первую поклевку.

– Предложение, несомненно, звучит крайне интересно, – произнес Джейми. – Однако, должен заметить, что я не протестант, как и большинство моей родни.

Губернатор неодобрительно поджал губы и вскинул бровь.

– А еще вы не еврей и не негр. Я могу говорить с вами как джентльмен с джентльменом? Если начистоту, мистер Фрейзер: есть закон, а есть его исполнение. – Он с легкой улыбкой приподнял стакан бренди, забрасывая наживку. – И, уверен, вы понимаете это не хуже меня.

– Возможно даже лучше, – пробормотал Джейми, вежливо улыбаясь в ответ.

Губернатор бросил на него внимательный взгляд, но тут же хохотнул и отсалютовал стаканом, прежде чем отпить.

– Мы понимаем друг друга, мистер Фрезер, – с удовлетворением кивнул он.

Джейми едва заметно наклонил голову.

– То есть с личными качествами тех, кто согласится на ваше предложение, сложностей не возникнет?

– Никаких. – Губернатор с тихим стуком опустил стакан на стол. – Если они физически крепкие мужчины, способные обрабатывать землю, большего я не ожидаю. А что не спросят, то можно и не сообщать, верно? – Он вновь вскинул тонкую бровь.

Джейми покрутил стакан в ладонях, будто любовался глубоким цветом напитка.

– Не всем, кто пережил восстание Стюарта, повезло так, как мне, ваше превосходительство, – заговорил он. – Мой приемный сын потерял кисть, один из спутников – руку целиком. И все же они остаются людьми добрыми и трудолюбивыми. Я не могу позволить себе принять предложение, если оно не коснется моих товарищей.

Губернатор лишь отмахнулся.

– Если они способны заработать себе на хлеб и не станут обузой обществу, то мы рады их приветствовать. – Он сел ровнее, словно вдруг испугался, что проявил чересчур неосторожную щедрость. – Раз уж вы заговорили о якобитах... Вашим людям придется принести клятву верности Британской короне, если они до сих пор этого не сделали. Осмелюсь спросить следующее... вы, сэр, подразумеваете, что вы... папист?

Джейми прищурился – возможно, из-за дыма, хотя вряд ли. Губернатор Трион, которому было всего лет тридцать, в людях разбирался неплохо и сейчас пристально глядел на Джейми, словно высматривал блеск рыбьей чешуи под водой.

– Я не пытаюсь напоминать о прошлых ошибках, – тихо произнес он. – И не желаю оскорбить вашу честь. Тем не менее поймите, задать эти вопросы – мой долг.

Джейми невесело улыбнулся.

– А мой, как понимаю, – ответить. Да, я помилованный якобит. И да, я принес клятву... как и остальные, кто такой ценой спас свою жизнь.

Он резко поставил почти нетронутый стакан на стол и отодвинул тяжелый стул.

– Уже поздно, ваше превосходительство. Позвольте мне откланяться.

Губернатор медленно поднес сигару к губам и глубоко затянулся, от чего ее кончик ярко вспыхнул. И наконец кивнул, выпустив тонкую струйку дыма из сжатых губ.

– Доброй ночи, мистер Фрейзер. Подумайте над моим предложением.

Ждать ответа я не собиралась. Я метнулась прочь по коридору, шурша юбками, и случайно перепугала лакея, дремавшего в темном углу.

В комнату над конюшнями я умудрилась добраться, больше никого не повстречав на пути, и рухнула на кровать. Сердце колотилось. Не только из-за беготни по лестницам, но и от услышанного.

Да, Джейми подумает над предложением. Как же иначе! Одним махом вернуть все, что он потерял в Шотландии... и даже больше.

Джейми не должен был стать лэрдом. Однако старший брат умер, сделав его наследником Лаллиброха. И с восьмилетнего возраста в Джейми воспитывали ответственность за поместье, благополучие своей земли и ее жителей. Учили ставить это благополучие превыше собственного. Потом появился Карл Стюарт с безумным шествием к славе. Своим огненным крестом он привел последователей к краху и смерти.

Джейми никогда не отзывался о Стюартах плохо, а о Карле не заговаривал вообще. Как и о том, чего ему самому стоила сия авантюра.

Но теперь... Новые земли, богатые урожаем и дичью, семьи под его защитой. Прямо как в Книге Иова – когда все дома оказались разрушены, скот угнан, а сыновья и дочери убиты одним небрежным движением... а потом все вернулось.

Эта часть Библии всегда вызывала у меня сомнения. Ладно верблюды, но дети? Иов, может, и принял новых с благодарностью, считая, что все справедливо. А вот несчастная мать мертвых детей вряд ли думала так же.

Долго усидеть на месте мне не удалось, и я вновь уставилась в окно невидящим взглядом. Сердце по-прежнему колотилось, ладони взмокли... Я радовалась – и боялась. При том как обстоят дела в Шотландии, как все стало после восстания, желающих переселиться будет масса.

Я видела корабли в портах Ост-Индии и Джорджии и как на землю ступали изможденные долгим плаванием эмигранты. Они напоминали жертв концентрационных лагерей – ходячие скелеты, желтовато-бледные после двух месяцев в тесном и темном трюме. Однако, несмотря на цену и тяжелый путь, несмотря на боль расставания с друзьями, семьей и родиной, переселенцы плыли сотнями, тысячами. Они спускались с кораблей с детьми, если тем посчастливилось выжить в пути, и несли с собой пожитки в потрепанных узелках. Сюда они бежали от нищеты и отчаяния, ища если не богатства, то хотя бы возможность встать на ноги.

Прошлой зимой, немного пробыв в Лаллиброхе, я успела понять, что многие издольщики выживают лишь благодаря доброте Иэна и юного Джейми, поскольку их собственного урожая попросту не хватает. Однако помочь всем тоже не удавалось. Я знала, что скудные запасы поместья зачастую растягивали до последнего.

Были и контрабандисты, с которыми Джейми познакомился в Эдинбурге, подпольные производители шотландского виски. На самом деле многим людям пришлось нарушать законы, лишь бы прокормить семью. Да уж, Джейми легко найдет желающих переселиться.

Проблема заключалась в том, что для этого надо вернуться в Шотландию. А у меня перед глазами до сих пор стоял церковный погост на вершине холма, высоко над морем, и гранитная плита.

«Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер», – значилось на ней. А ниже – «Возлюбленный супруг Клэр».

Я похороню его в Шотландии. Но на могиле, которую я увидела в будущем, за двести лет отсюда, не было даты, так что я не знала, когда случится страшное.

– Не сейчас, – шепнула я, стискивая шелк нижней юбки. – Я ведь только недавно его вновь обрела... боже, прошу, не сейчас!

Дверь распахнулась, словно в ответ, и в комнату вошел Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер собственной персоной, со свечой в руке. Он улыбнулся, ослабляя шейный платок.

– А у тебя легкая походка, саксоночка. Видать, надо научить тебя охотиться. Будешь отлично выслеживать дичь.

Я, не став извиняться за подслушанный разговор, помогла ему расстегнуть пуговицы камзола. Несмотря на поздний час и бренди, взгляд Джейми был ясным и настороженным, а тело напряглось, когда я его коснулась.

– Потуши свечу, – посоветовала я. – Не то тебя заживо сожрут. – В подтверждение своих слов я прихлопнула комара на его шее. На пальцах осталась кровь.

От него пахло алкоголем и сигарным дымом, но я различила и ночные запахи, а еще и легкий, мускусный аромат цветущего табака. Значит, Джейми прогуливался в саду. Так он обычно поступал в минуты либо тревоги, либо радости. И обеспокоенным он явно не выглядел.

Джейми со вздохом потянулся, когда я помогла ему снять камзол. Рубашка вся пропиталась потом.

– Не знаю, как люди живут в жару, да еще и так одеваются. Дикари, выходит, куда умнее – натянул набедренную повязку, и все дела...

– Ага, куда дешевле будет, – согласилась я. – Правда, на вид что-то не очень. Представь барона Пенцлера в такой повязке, а?

Болезненно-бледный барон весил, наверное, с восемнадцать стоунов. Джейми приглушенно рассмеялся, стягивая рубашку.

– А вот ты – другое дело... – Я присела на банкетку, любуясь его фигурой. Джейми как раз снял штаны и стоял на одной ноге, стягивая чулок.

Когда свеча потухла, в комнате вновь стало темно. Однако глаза быстро привыкли, и я все равно различала светлую кожу Джейми в бархатистой ночи.

– Кстати, о бароне... – напомнила я.

– Три сотни фунтов стерлингов, – чрезвычайно довольно отозвался Джейми. Он выпрямился и забросил свернутые чулки на стул, а затем поцеловал меня. – Твоя заслуга, по большей части.

– В роли шкатулки для украшений, да? – сухо поинтересовалась я, вспомнив разговор брата и сестры Уайли.

– Нет. Ты отвлекла Уайли и его приятелей, пока я беседовал с губернатором. Шкатулка... пф! Да Стэнхоуп чуть ли не носом тебе в корсет нырнул, поганый развратник. Думал, вызову его на дуэль, но...

– Благоразумие – лучшая составляющая доблести. – Я встала с банкетки и поцеловала Джейми в ответ. – Правда, я никогда не встречала шотландцев, разделяющих мое мнение.

– Почему же. Например, старина Саймон, мой дед. Думаю, благоразумие его и прикончило.

В голосе Джейми прозвучали одновременно улыбка и надрыв. Да, он редко заговаривал о якобитах и восстании, но не забыл. Беседа с губернатором явно вызвала в его памяти те трагичные события.

– Благоразумие не всегда означает обман. А твой дед лет пятьдесят буквально напрашивался, – едко проговорила я.

Саймон Фрейзер, лорд Ловат, был казнен на Тауэр-Хилле – ему отрубили голову – в возрасте семидесяти восьми. Всю свою долгую жизнь он занимался тем, что строил непревзойденные козни. Впрочем, я все равно жалела о смерти старого плута.

– Хм-м.

Джейми встал рядом со мной у окна и глубоко вздохнул, словно приносивался к душному ночному воздуху. Его лицо в тусклом свете звезд казалось спокойным, но отрешенным, будто он вглядывался не в темный сад, а нечто в совершенно иное. Прошлое?.. Будущее?..

– Что ты говорил? – вдруг спросила я. – Во время клятвы?

Я скорее почувствовала, чем увидела мимолетное движение его плеч.

– Я, Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер, клянусь, и пусть я отвечу перед Господом в день Страшного суда, что не имею и не возьму мушкета, меча или любого другого оружия и что никогда не надену килт, плед или иную часть одеяния горцев, а если клятва моя будет нарушена, да буду я проклят во веки веков, как и моя семья и земля.

Джейми снова глубоко вздохнул и продолжил размеренно говорить:

– И пусть я не увижу никогда жену и детей, отца, мать или иных родственников. Пусть меня убьют в битве как труса и похоронят без христианских обрядов в чужой земле, вдали от могил моих праотцев и родни. Пусть все эти кары падут на меня, если я нарушу клятву.

– Ты сильно сопротивлялся? – помолчав, произнесла я.

– Нет, – тихо отозвался Джейми, по-прежнему всматриваясь во тьму. – Тогда – нет. Есть вещи, ради которых стоит умереть или голодать... но не ради слов.

– Может, не ради этих.

Он взглянул на меня с едва заметной улыбкой на губах.

– А ты знаешь достойные?

На надгробии было имя, но не дата. А если не пустить Джейми в Шотландию?..

Я повернулась к нему, прислонившись спиной к оконной раме.

– Как насчет «я тебя люблю»?

Джейми коснулся моей щеки ладонью.

– Да, – шепнул он. – Ради них можно.

Где-то неподалеку запела птица. Несколько звонких нот – и раздалась ответная трель. Короткий щебет и тишина. Небо по-прежнему было темным, но звезды уже не светили так ярко.

Я беспокойно ворочалась, обнаженная, под простыней. В предрассветные часы теплый воздух меня душил. Прямая постель отсырела.

Заснуть не удавалось. Даже после того, как мы с Джейми занялись любовью, хотя обычно после этого я впадала в полную протрацию. Теперь же я просто лежала, липкая от пота, и напряженно думала. Будущее одновременно захватывало дух и тревожило, однако поделиться с Джейми своими мыслями я не могла и тем самым отрезала его от себя. Отшагнула прочь, несмотря на близость наших тел.

Я снова перевернулась, на этот раз к Джейми. Он, как всегда, спал на спине, сложив руки на плоском животе. Простыня скомкалась на бедрах. Его лицо во сне казалось спокойным. Широкий рот расслабился. Длинные ресницы темнели на фоне светлой кожи. В тусклом свете Джейми выглядел почти что четырнадцатилетним мальчишкой.

Ужасно захотелось его коснуться, только я не знала – приласкать или ткнуть. Да, Джейми подарил мне физическое наслаждение, но из-за него же мое сознание изнывало от мучений, и я ужасно завидовала его беспечному сну.

Я легла на спину, так ничего и не сделав, и закрыла глаза. А потом и вовсе принялась мрачно считать овец, которые, естественно, были шотландскими и самым отвратительным образом носились по погосту, радостно перепрыгивая через надгробия.

– Что тебя беспокоит, саксоночка? – раздался сонный голос у моего плеча.

Я распахнула глаза.

– Ничего, – постаралась не менее сонно произнести я. – Все хорошо.

Джейми тихо фыркнул и, переворачиваясь, заскрипел матрасом, набитым соломой.

– Ты нагло врешь, саксоночка. И слишком громко думаешь, я отсюда слышу.

– Ты не умеешь слышать чужие мысли!

– Умею. Твои, по крайней мере. – Джейми хмыкнул и лениво положил руку мне на бедро. – В чем дело? Живот пучит от острых крабов?

– Да нет! – Я попыталась передвинуть ногу, но не тут-то было. Он и не думал убирать руку.

– Хм, хорошо. Тогда... ты наконец придумала остроумный укол на замечание мистера Уайли об устрицах?

– Нет, – разозлилась я. – Чтоб ты знал, я думала о предложении губернатора. Ногу отпусти.

– А-а. – Он так и не пошевелился. – Ну, раз уж на то пошло, то я тоже задумывался.

– И что ты там надумал? – Успев понять, что никак не отдеру его ладонь, я перекатилась на бок и подперла голову рукой.

За окном все еще тускло поблескивали звезды. Рассвет не спешил приближаться.

– Во-первых, мне интересно, зачем ему это.

– М-да? Он разве не сказал?

– Ну, он явно не станет предлагать мне землю за красивые глаза. – Джейми открыл эти самые глаза и вскинул бровь. – А прежде чем заключить сделку, саксоночка, я хочу узнать, чем она выгодна обеим сторонам.

– А ты не допускаешь, что он говорит правду? Что эти гранты помогают освоить новые земли? Он же говорил, что их раздадут уже лет тридцать. Неужели лжет?

– Тут он сказал правду, – согласился Джейми. – Вот только у каждой пчелки во рту медок, а сзади – жало. – Он почесал голову и со вздохом отбросил пряди с лица. – Сама подумай, саксоночка. Почему именно я?

– Ну... ему нужен богатый джентльмен, обладающий властью, – медленно проговорила я. – Ему нужен лидер, а кузен Эдвин явно упомянул, что ты такой и есть и относительно богат...

– Я не богат.

– Губернатор-то не знает, – возразила я.

– В самом деле? – скептически поинтересовался Джейми. – Кузен Эдвин выдал ему все, что мог. И губернатору отлично известно, что я был среди якобитов. Да, есть те, кто после восстания поправил свои дела в Ост-Индии. Но у губернатора нет причин думать, что я из них.

– Он явно считает, что какие-то деньги у тебя есть, – заметила я.

– Из-за Пенцлера? Ага. – Джейми задумался. – Что еще он обо мне знает?

– Скорее всего, только то, что ты рассказал ему за ужином. Здесь про тебя вряд ли ходят слухи. Ты в городе пробыл меньше, чем... Стой, ты о чем? – воскликнула я недоверчиво, и Джейми мрачно улыбнулся. Я четко видела его лицо в полумраке. Рассвет по-прежнему не спешил.

– Именно. Я связан с Кэмеронами, не только богатыми, но и уважаемыми людьми. Но в то же время я чужак, которому пока нельзя доверять.

– Зато губернатор доверился и предложил огромную полосу земли, – медленно произнесла я.

Джейми ответил не сразу. Он перевернулся на спину, так и не отпустив мою ногу, и уставился в белый потолок, украшенный росписью.

– Я встречал одного-двух немцев в свое время, саксоночка, – задумчиво сказал Джейми. Его большой палец медленно ласкал внутреннюю сторону бедра. – Никогда не замечал, чтобы они швырялись деньгами... Ты вечером была прекрасна, как белая роза, но все-таки я не уверен, что сей джентльмен накинул сто фунтов сверх того, что предложил золотых дел мастер, только благодаря твоим чарам. – Джейми глянул на меня. – Трион – солдат и знает, что я тоже. А здесь два года назад уже случались стычки с регуляторами.

Я так увлеклась рассказом, что почти перестала замечать, как его ладонь принялась хозяйничать меж моих бедер.

– С кем?

– О, забыл, ты же не слышала ту часть беседы, ведь была занята толпой поклонников.

Я пропустила укол мимо ушей, чтобы узнать, кто такие регуляторы. Как оказалось, это вольное объединение людей, в основном из малонаселенных частей колонии, которым надоело терпеть, по их мнению, произвол, а иногда и откровенное нарушение законов со стороны представителей королевской власти – шерифов, судей, сборщиков налогов и так далее. Почувствовав, что губернатор и ассамблея должным образом не реагируют на жалобы, люди взяли все в свои руки. Нападали на заместителей шерифа, а мирowych судей гнали толпами из домов и заставляли отказываться от должности.

Некий комитет регуляторов написал губернатору, умоляя устранить беззаконие, и Трион – человек дела и дипломат – успокоил их ответом, в котором даже пообещал сместить парочку самых продажных шерифов, а также в официальном письме обратился к судебным приставам касательно наложения ареста на имущество.

– Стэнхоуп упоминал какой-то Комитет безопасности, – вспомнила я, заинтересовавшись. – У меня сложилось впечатление, что он появился недавно.

– Бунт подавили, но конфликт не исчерпан, – пожал плечами Джейми. – А сырой порох может долго тлеть, саксоночка, зато потом ка-а-ак рванет.

Неужели Трион считает, что ему будет выгодно вложить такие средства, чтобы купить преданность и сделать обязанным опытного солдата, под началом которого, в свою очередь, выступят и люди под его покровительством, которые живут в отдаленной и беспокойной части колонии?

Я бы сказала, что губернатор отделается малой кровью – всего-то потратит сто фунтов и отдаст несколько жалких и непригодных для жизни акров королевских земель.

– Поэтому ты и сомневаешься.

К этому времени мы уже повернулись друг к другу. Я накрыла его ладонь своей – но не сдерживая, а ободряя.

Джейми лениво улыбнулся.

– Знаешь, саксоночка, я столько бы не протянул, если бы верил всему, что мне говорят. Может, я приму щедрое предложение, а может, и нет. Но, черт возьми, сперва разужнаю куда больше, прежде чем дам ответ.

– Да, странно... он тебя едва увидел и предложил такое.

– Ну, я сильно удивлюсь, если он лишь ко мне обратился. Да и он не особо рискует. Ты слышала, как я сказал, что я католик? Для него это не новость.

– Слышала. И он заверил, что с этим проблем не возникнет.

– Наверняка. Пока сам губернатор не пожелает их создать.

– Господи. – Мое представление о губернаторе Трионе резко менялось, причем я не знала, в какую сторону. – То есть, если что-то пойдет не так, он попросту объявит, что ты католик, и суд отнимет земли. А если он решит хранить молчание...

– Именно.

– А он куда хитрее, чем я думала, – заметила я не без восхищения. – Почти как шотландец.

Джейми рассмеялся и отбросил с лица упавшие пряди.

Длинные занавески вдруг шевельнулись, впуская ветерок с запахом песчаного ила и речной воды, а также едва различимым ароматом свежей сосны. А вот и рассвет. Как по сигналу Джейми легонько надавил ладонью, и его почти незаметная дрожь передалась мне.

– Что-то я не очень постарался в прошлый раз, – тихо произнес он. – Если ты уверена, что больше ничего тебя не тревожит...

– Не тревожит, – отмахнулась я, глядя, как первый лучик света золотом касается его головы и шеи. Джейми все тот же, но уже не похож на четырнадцатилетнего паренька. – Пока что – ни капельки.

Глава 8

Человек почтенный

– Боже, как я ненавижу лодки!

С этим искренним прощальным восклицанием, которое долго звенело у меня в ушах, мы медленно отчалили из гавани Уилмингтона.

После двух дней сборов мы наконец начали путь к Кросс-Крику. За рубин мы получили достаточно денег, так что лошадей можно было не продавать, поэтому Дункан заранее выехал на фургоне с самыми тяжелыми вещами и Майерсом в качестве проводника. Остальные дождались более быстрого и удобного средства передвижения – кораблика «Салли-Энн» под командованием капитана Фримана.

«Салли-Энн» выглядела странно. Наверное, таких больше не встретишь – прямоугольная посуда с длинными низкими бортами и тупым носом. На ней гордо возвышалась крошечная каюта размером где-то в шесть квадратных футов. По обе стороны оставалось по проходу в пару футов каждый. Впереди и в хвостовой части было попросторнее, хотя теперь палуба частично скрылась под многочисленными узелками, сумами и бочками.

На единственной мачте трепетал парус, отчего «Салли-Энн» издалека походила на краба с белым флагом. Коричневые, торфянистые воды реки Кейп-Фир слабо плескались за бортом. Доски постоянно отсыревали из-за протечек.

Однако я была счастлива. Пусть в тесноте, но ведь так хорошо уплыть подальше от заманчивых, словно песнь сирен, предложений губернатора.

А вот Джейми рад не был. Он настолько страдал от морской болезни, что зеленел даже от вида взболтанной в стакане воды.

– Полный штиль, – заметила я. – Может, тебе и не станет плохо.

Джейми с подозрением покосился на темную воду вокруг и зажмурился – «Салли-Энн» прилично качнуло волной от проплывшей мимо лодки.

– Может, – буркнул он, не только с надеждой, но и огромным сомнением.

– Давай иглы? Лучше их установить до того, как начнет тошнить.

Я полезла в карман юбки, где лежал китайский набор для акупунктуры, который уже спас Джейми жизнь во время путешествия через Атлантический океан.

Джейми пожал плечами и открыл глаза.

– Не надо. Надеюсь, обойдется. Поговори со мной, саксоночка, отвлеку, а?

– Хорошо, – послушно отозвалась я. – Расскажи о своей тетушке, Йокасте.

– Последний раз ее видел, когда мне было два года, так что даже не знаю, – рассеянно ответил Джейми, не сводя глаз с большого плота. Тот плыл навстречу и вот-вот рисковал с нами столкнуться. – Слушай, а тот негр справится? Давай я ему помогу?

– Думаю, справится. – Я тоже с опаской глянула на плот. – Он вроде бы знает, что делает.

Кроме капитана – провонявшей табаком старой развалины с сомнительной репутацией, – «Салли-Энн» при помощи длинного шеста управлял пожилой черный вольноотпущенник. Его сухие мышцы перекачивались в такт неторопливым движениям. Склонив седеющую голову, негр будто совсем не замечал паром впереди, методично работая шестом, который казался его третьей рукой.

– Оставь его в покое. То есть ты совсем мало знаешь о тетушке? – добавила я, надеясь отвлечь Джейми.

Плот неумолимо двигался на нас. Он низко сидел в воде – на палубу длиной в футов сорок давили бочки и горы шкур, накрытые сетью. От этой конструкции так разлило мускусом, кровью и прогорклым жиром, что речные запахи отошли на второй план.

– Ага. Она вышла за Кэмерона из Эрахта и покинула Леох за год до свадьбы моих родителей.

Джейми по-прежнему не сводил глаз с приближающейся махины. Я прямо чувствовала, насколько ему не терпится рвануть к негру, отобрать шест и предотвратить столкновение. Даже костяшки стиснутых кулаков побелели. Я успокаивающе коснулась его руки.

– И она ни разу не навещала Лаллиброх?

Солнце блесело на тусклых железных клиньях плота. Я уже различила троих полуголых матросов, с самого утра покрытых потом. Один взмахнул шляпой и, усмехнувшись, прокричал что-то вроде «Эй вы, там!».

– Ну, Джон Кэмерон умер от дизентерии, и тетушка вышла за его кузена, Черного Хью Кэмерона из Аберфелди, а потом... – Джейми непроизвольно зажмурился, когда плот проскользнул совсем рядом под добродушные выкрики матросов. Ролло, упершийся передними лапами в низкую крышу каюты, залился лаем и умолк только после того, как Иэн его стукнул и велел заткнуться.

Джейми приоткрыл один глаз, увидел, что опасность миновала, и наконец расслабился.

– Так вот, Хью – Черным его прозвали из-за огромного темного жировика на колене – погиб на охоте, поэтому тетушка вышла за Гектора Мора Кэмерона из Лох-Айлина...

– Ну и страсть у нее к Кэмеронам, – поразила я. – А чем славится этот клан, кроме, конечно, невезучести?

– Наверное, у них язык хорошо подвешен, – ответил Джейми с неожиданно кривой усмешкой. – Среди Кэмеронов много поэтов... и шутов. Иногда одновременно. Ты же помнишь Лохила?

Я улыбнулась, тоже предаваясь горько-сладким воспоминаниям о Дональде Кэмероне Лохиле. Он, среди других, стоял во главе клана Кэмеронов во времена восстания. Его благородная внешность, проникновенный взгляд и утонченные манеры скрывали под собой истинно великий талант сочинять похабные стишки, которыми он тихонько развлекал меня на балах в Эдинбурге, в дни краткой удачи Карла Стюарта.

Джейми, бледный, но пока не зеленый, прислонился к крыше каюты, с беспокойством наблюдая за движением по реке. Мы еще не успели отплыть далеко от гавани, и небольшие лодочки сновали туда-сюда, как водные жуки, между более крупными и медлительными суднами.

Я тоже устроила локти на крыше каюты и выпрямилась. Лучи солнца приятно согревали уставшие от странных спальных мест мышцы. Например, прошлую ночь я провела, свернувшись на жесткой дубовой скамье в прибрежной таверне. Вместо подушки я положила голову на колени Джейми, пока он разбирался с последними приготовлениями перед отплытием.

Я со стоном потянулась.

– А Гектор Кэмерон поэт или шут?

– В данный момент ни тот ни другой. – Джейми машинально принялся массировать мне шею ладонью. – Он мертв.

– Как хорошо-о, – довольно протянула я, застонав, когда его большой палец тронул особенно чувствительную точку. – Хорошо то, что ты делаешь, в смысле, а не смерть твоего дядюшки. О-ох, продолжай! А как он оказался в Северной Каролине?

Весело фыркнув, Джейми встал у меня за спиной, чтобы разминать мне шею и плечи уже двумя руками. Я прижалась к нему и блаженно вздохнула.

– Какая же ты шумная, саксоночка, – шепнул он мне на ухо. – Я только шеи касаюсь, а ты издаешь звуки, как будто я... – Он вжался в меня бедрами, незаметно для окружающих намекая, что имеет в виду. – Мм?

– Мм-м... – ответила я и точно так же тайком пнула его в голень. – Ладно. Если кто-нибудь услышит такие звуки из-за закрытой двери, то сразу решит, что ты разминаешь мне

шею... Впрочем, скорее всего, только этим ты и сможешь заниматься, пока мы не ступим на землю. Так что там с твоим покойным дядей?

– Дядя, ну... – Джейми медленно провел пальцами вдоль позвоночника, вверх и вниз, будто пытался распутать очередную нить своей запутанной семейной истории. По крайней мере, он не вспоминал о желудке. – Более везучий, а также более проникательный и циничный, чем знаменитый родич, Гектор Мор Кэмерон ловко подготовился к возможному разгрому Стюарта. Он избежал ран в битве при Каллодене и добрался домой. Там мигом погрузил жену, слугу и все, что мог унести, в экипаж, и они бежали в Эдинбург. А оттуда уплыли на корабле в Северную Каролину. В Новом Свете Гектор приобрел внушительный участок земли. Выкорчевал лес, построил дом и лесопилню, купил рабов. Землю засеял табаком и индиго, а потом – несомненно, усердный труд его истощил – подхватил болезнь и скончался в почтенном возрасте семидесяти трех лет.

Иокаста Маккензи-Кэмерон-Кэмерон-Кэмерон явно решила, что трех браков с нее хватит. По словам Майерса, она отказалась снова выходить замуж и предпочла в одиночку управлять поместьем.

– Думаешь, она получит письмо до нашего приезда?

– Посыльный доберется раньше нас, даже если на четвереньках всю дорогу будет ползти. – Рядом вдруг возник Иэн. Он с легким отвращением глянул на матроса, мерно работающего шестом. – Да с такой скоростью мы и за несколько недель не доплывем! А я говорил тебе, дядя, что лучше по суше.

– Не волнуйся, Иэн. – Джейми отпустил меня и усмехнулся племяннику. – Скоро наступит и твой черед взяться за шест. Уверен, уж ты-то доставишь нас в Кросс-Крик еще до ночи.

Мальчик мрачно глянул на дядю и ушел доставать капитана Фримана вопросами о краснокочках и диких зверях.

– Надеюсь, капитан не выбросит его за борт, – вздохнула я, заметив, как Фриман втянул голову в щуплые плечи, стоило Иэну приблизиться. Мои собственные плечи слегка горели от отказанного им внимания; то же самое происходило и в регионах южнее. – Спасибо за растирание, – поблагодарила я Джейми.

– За тобой должок, саксоночка... вернешь как стемнеет. – Он не очень хорошо умел игриво подмигивать, но свои намерения до меня донес и так.

– Конечно. – Я невинно взмахнула ресницами. – А тебе что растереть, когда наступит ночь?

– Когда наступит ночь? – Иэн снова появился рядом, словно чертик из табакерки. – А что будет тогда?

– Тогда я тебя утоплю и пушу на наживку для рыбы, – ласково сообщил ему Джейми. – Господи, Иэн, когда ты угомонишься? Носишься туда-сюда, как шмель в склянке. Иди поспи на солнышке, бери пример с твоего зверя. Умный, между прочим, пес. – Он кивнул на Ролло, который распростерся на крыше каюты, как мохнатый коврик, и прикрыл глаза, лишь изредка подергивая ухом, чтобы мухи не лезли.

– Спать? – изумленно уставился на дядю мальчишка. – Спать?!

– Так поступают все нормальные люди, когда устают, – сказала я, подавив зевок.

Становилось все жарче, да и мерное движение лодки убаюкивало, особенно после не слишком долгого сна ночью – нам пришлось встать до рассвета. К сожалению, узкие лавки и грубые доски палубы манили не больше дубовой скамьи в таверне.

– А я ни капельки не устал, тетушка! – заверил меня Иэн. – Несколько дней могу не спать! Джейми скептически уставился на племянника.

– Посмотрим, как ты запоешь, отработав смену с шестом. А пока я, кажется, знаю, чем тебя занять. Погоди-ка... – Джейми нырнул в низкую каюту и принялся копаться в наших вещах.

– Ох, ну и жара! – воскликнул Иэн, обмахиваясь. – А что там у дяди Джейми?

– Понятия не имею, – ответила я.

Джейми притащил на борт большой ящик и отказывался говорить, что внутри. Когда я заснула прошлой ночью, Джейми играл в карты. Наверное, он выиграл нечто его смутившее и теперь не хотел, чтобы Иэн узнал и принялся дразнить.

Мальчишка был прав, ну и жара. Оставалось лишь надеяться, что вскоре подует бриз. Пока что парус висел бесполезной тряпкой. Моя юбка, влажная от пота, липла к ногам. Пробормотав извинение, я проскользнула мимо Иэна и направилась к бочке с водой.

Неподалеку, скрестив на груди руки, стоял Фергус. Он напоминал величественную носовую фигуру: строгий красивый профиль смотрит вдаль, густые темные волосы спускаются на плечи.

– О, миледи! – сверкнул Фергус белозубой улыбкой. – Разве эта страна не прекрасна?

Картина перед нами пока что особенно прекрасной мне не казалась. Пейзаж состоял из длинных илистых берегов, которые ужасно воняли из-за пылающего солнца; стаи чаек и прочих морских птиц хрипло гомонили, обнаружив нечто у кромки воды.

– Милорд рассказал, что любой получит пятьдесят акров земли, ежели подрядится обрабатывать ее десять лет и построит там дом. Только представьте – пятьдесят акров! – Он смаковал эти слова с неким благоговением. И правда, любой французский крестьянин рад иметь хотя бы пяток.

– Ну да, – с некоторым сомнением отозвалась я. – Только выбирать эти акры надо внимательно. Здесь есть места непригодные для земледелия.

Мне не хотелось думать, как сложно будет Фергусу с одной лишь рукой прорубать дикий лес, чтобы обустроить ферму, и неважно какая плодородная там окажется земля. Фергуса это, похоже, не волновало – слишком мечтательно сияли его глаза.

– Может, успею построить домишко к Новому году... – пробормотал он сам себе. – Тогда весной пошлю за Марсали и ребенком. – Он неосознанно коснулся груди, где раньше, с самого детства, носил позеленевший от времени медный медальон с изображением святого Дисмаса.

Фергус присоединился к нам в Джорджии, оставив молодую беременную жену на Ямайке у друзей. Он заверил меня, что не тревожится, ведь теперь она под защитой его святого покровителя. Фергус строго-настрого наказал Марсали не снимать шербаты медальон, пока она не разрешится от бремени.

Я не знала, насколько покровитель воров заботится о матерях с младенцами, но вера Фергуса была непоколебима.

– Если родится мальчик, назовешь его Дисмасом? – пошутила я.

– Нет. Я назову его Жерменом. Жермен Джеймс Иэн Алоизиус Фрейзер. «Джеймс Иэн» – в честь милорда и месье. – Так он всегда называл Джейми и его шурина, Иэна Мюррея. – Марсали нравится «Алоизиус», – добавил Фергус снисходительно, давая понять, что он никак не связан с выбором такого непримечательного имени.

– А если девочка? – спросила я, и меня вдруг захлестнули воспоминания. Как двадцать с лишним лет назад Джейми отправил меня, беременную, назад сквозь камни. И последними его словами были «назови его Брайан, в честь моего отца», ведь Джейми был уверен, что родится мальчик.

– Ох... – Фергус, как и Джейми когда-то, явно о таком не подумал. На его лице отразилось легкое замешательство, затем он улыбнулся. – Женевьева. В честь мадам, – уверенно сказал Фергус, имея в виду Дженни Мюррей, сестру Джейми. – Женевьева Клэр, думаю, – добавил он, снова сверкнув улыбкой.

– О, – смутилась я, странно польщенная. – Хм... спасибо. А ты уверен, что не хочешь вернуться на Ямайку к Марсали?

Фергус решительно покачал головой:

– Я могу понадобиться милорду. И здесь я нужнее, чем там. Дети – женская забота, а кто знает, какие опасности нам встретятся в этих странных краях?

Будто в ответ на его риторический вопрос чайки с криками взвились в небо, кружа над берегом, и мы увидели, что же они там клевали.

Из ила возвышался крепкий сосновый столб. Его верх едва доходил до темных, поросших водорослями отметин на деревьях, куда поднимался прилив. Но вода пока не прибывала, она едва достигала середины столба. А над ленивыми темными волнами висело тело, прикованное за грудь. Точнее то, что когда-то было грудью.

Сказать, сколько бедняга провисел, было трудно. Наверное, достаточно долго. Белой полосой сверкал изгиб черепа, откуда сорвали кожу с волосами. Не понять, каким был тот человек – птицы уже отменно постарались.

Фергус тихонько выругался по-французски.

– Пират, – коротко пояснил капитан Фриман, появившись рядом. Он сплюнул коричневую от табака слюну за борт. – Если их не увозят в Чарльстон, чтобы там повесить, то приковывают во время отлива и бросают на растерзание реке.

– А... а их много? – Иэн тоже увидел столб. Будучи уже достаточно взрослым, мальчишка не вцепился мне в руку, тем не менее придвинулся поближе и сильно побледнел, несмотря на загар.

– Уже не очень. Флот неплохо их сдерживает. А вот несколько лет назад таких столбов могло быть четыре-пять одновременно. Народ даже платил, чтобы приплыть и полюбоваться, как пираты тонут. На закате очень красиво, – произнес Фриман, предаваясь воспоминаниям.

– Смотри! – Иэн, позабыв гордость, все-таки стиснул мою руку.

У берега шевельнулось нечто – оно и спугнуло птиц. Длинное, футов пять-шесть, чешуйчатое тело прочертило глубокий след в грязи и скользнуло в воду. Матрос сзади пробормотал что-то себе под нос, но продолжал работать шестом.

– Крокодил, – сказал Фергус и с отвращением скрестил пальцы.

– Нет, не думаю, – заговорил Джейми у меня за спиной.

Я резко обернулась. Он стоял у каюты и смотрел на неподвижную фигуру и разбегающиеся в стороны волны от того, что двигалось к ней. В руках Джейми держал книгу, зажав нужные страницы пальцем, и теперь снова принялся внимательно читать.

– Полагаю, это аллигатор. Они питаются падалью, как тут сказано, а свежее мясо не едят. Поймают человека или овцу, сперва утопят в воде, а потом оттащат в свое логово и будут ждать, пока тело не начнет гнить. Правда, – добавил он, мельком глянув на берег, – иногда им может повезти найти готовый обед.

Фигура на столбе качнулась, будто от удара снизу, и Иэн поперхнулся.

– Где ты взял книгу? – спросила я, не сводя глаз со столба.

Его верхушка тряслась, словно кто-то по нему колотил. А потом все прекратилось. Только снова разбежались волны – чудовище плыло обратно. Я поспешила отвернуться.

Джейми протянул мне книгу, по-прежнему наблюдая за темным илистым берегом и орущими чайками.

– Губернатор дал. Сказал, что может пригодиться нам в путешествии.

На корешке простого холщового переплета обнаружили золотистые буквы: «Природа Северной Каролины».

– Фу! – воскликнул Иэн, в ужасе глядя на берег. – Ничего ужаснее в жизни не...

– Пригодится, – эхом отозвалась я, не сводя глаз с книги.

А вот Фергус, которому любые мерзости были нипочем, смотрел, как чудовище двигалось по берегу, с любопытством.

– Аллигатор, говорите? Разве это не то же самое, что крокодил?

– Да, – ответила я, содрогнувшись, несмотря на жару, и повернулась спиной к берегу. Мне уже доводилось видеть крокодилов вблизи в Ост-Индии, и я не очень-то горела желанием знакомиться с их родичами.

Фергус вытер пот с верхней губы.

– Доктор Стерн однажды рассказывал милорду и мне о путешествиях некоего француза по имени Соннини, который бывал в Египте и много писал там об увиденном и услышанном. Например, что в той стране, когда крокодилы спариваются на илистых берегах рек, самка лежит на спине и не может перевернуться обратно без самца.

– Правда? – обратился в слух Иэн.

– Да. Он говорил, что некоторые мужчины, неспособные устоять перед порочным соблазном, пользуются беспомощностью самки. Они прогоняют самца, чтобы занять его место и насладиться нечеловеческими объятиями рептилии. Поговаривают, что так наверняка можно привлечь богатство и получить высокий статус.

Иэн изумленно распахнул рот.

– Ты шутишь? – недоверчиво спросил он у Фергуса и повернулся к Джейми: – Дядя?..

Джейми с усмешкой пожал плечами.

– Лучше я буду бедным, но беспорочным. – Он вскинул бровь. – Кроме того, твоей тетушке вряд ли понравится, если я променяю ее на рептилию.

Черный матрос, слушавший нашу беседу, покачал головой и произнес, не поднимая глаз:

– Любой, кто трахался с аллигатором, чтобы разбогатеть, свое получил, если хотите знать.

– Думаю, вы правы, – пробормотала я, вспоминая очаровательную зубастую улыбочку губернатора.

Я глянула на Джейми, но он уже погрузился в мысли о будущих возможностях, забыв и о книге, и об аллигаторе. Впрочем, по крайней мере о морской болезни он тоже не вспоминал.

Прилив подхватил нас в миле от Уилмингтона и понес «Салли-Энн» быстрее, развеяв опасения Иэна по поводу нашей скорости. На Кейп-Фир основательно влияли приливы и отливы – уровень воды менялся на двух третях длины реки, почти до самого Кросс-Крика. Наше суденышко даже приподнялось на пару дюймов. Чернокожий матрос вздохнул с облегчением и вытащил шест из воды. Он не понадобится еще часов пять-шесть, пока вода прибывает. Потом мы остановимся на ночь и утром продолжим путь со следующим приливом или используем парус, если ветер позволит. Шест, как мне объяснили, нужен только на отмели или при безветрии.

На всех навалилась безмятежная дремота. Фергус и Иэн, свернувшись, спали на носу. Ролло сторожил, сидя на крыше каюты; пес жмурился из-за яркого солнца, с высунутого от жары языка капала слюна. Капитан с матросом – к которому все обращались «эй, Троклус», хотя звали его «Этроклус» – скрылись в крошечной каюте, откуда доносились мелодичные звуки разливаемой по стаканам жидкости.

Джейми, тоже в каюте, снова доставал нечто из своего таинственного ящика. Я очень надеялась, что это «нечто» можно будет выпить. Даже болтая ногами в прохладной воде, я обливалась потом.

Из каюты слышалось невнятное бормотание и смех. Наконец появился Джейми. Он пошел ко мне на корму, осторожно пробираясь между завалами добра, как лошадь-клеяде-сдаль по полю лягушек. В руках он нес большую деревянную шкатулку, которую затем бережно поставил мне на колени, а потом и сам, стянув башмаки и чулки, с довольным вздохом опустил ноги в воду.

– Что там? – Я с любопытством коснулась шкатулки.

– А, это подарочек. – Джейми не глянул на меня, но кончики его ушей порозовели. – Откроешь?

Шкатулка была тяжелой, широкой и глубокой. На темном дереве виднелись трещинки и сколы, ничуть не портящие эту полированную красоту. Место для замка пустовало. Крышка легко скользнула вверх на смазанных петлях, и мне в лицо пахнуло камфорой, словно невидимый джинн вырвался наружу.

Инструменты ярко блеснули на солнце, несмотря на то что потускнели от долгого лежания на месте. Каждый аккуратно покоился в своем углублении, оббитом зеленым бархатом.

Небольшая пила с острыми зубьями, ножницы, три скальпеля – кюретка, ланцет и брюшистый, – языкодержатель и прочие крючки...

– Джейми... – Восхищенная, я вытащила короткий стержень, к концу которого был приделан плотный шарик, обернутый поеденным молью бархатом. Я уже видела такой в Версале. Неврологический молоточек восемнадцатого века. – О, Джейми!

Он, явно довольный, поболтал ногами в воде.

– Нравится?

– Еще как! Ой, смотри... тут еще есть, прикрытое... – Я уставилась на рассоединенные трубочки, винты, подставки и зеркальца. А потом они предстали перед моим мысленным взором в собранном виде... – Микроскоп?! – Я с трепетом коснулась деталей. – Господи, микроскоп!

– Это не все. – Джейми явно не терпелось показать. – Спереди маленькие ящички.

И правда – в них, помимо всяких мелочей, обнаружили крошечные весы и набор грузиков, пилульная машинка и покрытая пятнами ступка с пестиком, обернутым в ткань, чтобы он не разбился при перевозке. Над ящичками имелось отделение с рядами маленьких, заткнутых пробками пузырьков из камня и стекла.

– Они прекрасны! – Я благоговейно взялась за скальпель. Полированное дерево рукояти легло в ладонь как влитое. – Ох, Джейми, спасибо огромное!

– Правда нравится? – У него от радости даже уши покраснели. – Подумал, может, пригодится. Понятия не имею, зачем эти штуки, зато сразу понял, что они мастерски сделаны.

Я сама не знала, зачем нужны некоторые инструменты, но они все были прекрасны. Явно выполнены тем, кто любил и их, и то, что они делают.

– Интересно, кому они принадлежали? – Я подышала на линзу и осторожно протерла ее подолом юбки.

– Женщина, что продала его мне, сама не знала. Предыдущий владелец оставил рабочую тетрадь, я и ее прихватил... может, там есть имя.

Джейми приподнял верхнюю доску с инструментами и достал толстую квадратную тетрадь в потертом переплете из черной кожи.

– Думал, тебе пригодится, ты же вела такую во Франции, – пояснил Джейми. – Ну, в которой делала рисунки и заметки о пациентах в госпитале. Некоторые страницы исписаны, и полно чистых.

Предыдущий владелец использовал примерно четверть тетради. Страницы покрывал ровный убористый почерк вперемешку с клинически точными зарисовками: изъязвленный палец ноги, раздробленная коленная чашечка с аккуратно снятой кожей, уродливо распухший зуб, икра в разрезе с тщательно подписанными мышцами.

Я снова пролистнула в начало. И в самом деле, на первой странице значилось имя, украшенное росчерком: «Доктор Дэниел Роулингс, эсквайр».

– Интересно, что же случилось с доктором Роулингсом. Та женщина не говорила?

Джейми кивнул, слегка наморщив лоб.

– Доктор остановился у нее на ночлег. Сказал, что сам из Вирджинии, а туда прибыл по некоему поручению, с инструментами этими. Искал парня по имени Гарвер. После ужина доктор ушел... и больше его никто не видел.

Я уставилась на Джейми.

– Никто не видел? То есть она даже не знает, что с ним случилось?

Джейми покачал головой, отмахнувшись от стайки мошек. Солнце садилось, окрашивая воду в золотистые и оранжевые тона, и насекомые потихоньку просыпались.

– Да. Она обращалась к шерифу и к судье, а констебль обыскал все сверху донизу, но доктора и след простыл. Через неделю поиски прекратили. Доктор даже не сказал хозяйке, из какого он города в Вирджинии, так что справки навести не удалось.

– Странно. – Я вытерла каплю пота с подбородка. – А когда доктор пропал?

– В прошлом году, по словам хозяйки. – Джейми взволнованно на меня глянул. – Ты ведь не против? Использовать его вещи, в смысле?

– Нет. – Я закрыла шкатулку и бережно провела ладонью по теплomu гладкому дереву. – На его месте... я бы хотела, чтобы кто-то забрал их себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.